

Хьюберт Селби

БЕС

*Перевод с английского Игоря Карича
под редакцией Анастасии Грызуновой*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 США

Hubert Selby Jr.
The Demon

Редактор: Анастасия Грызунова

Обложка: Алексей Кропин

Верстка: Дарья Громова

Корректор: Дмитрий Волчек

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Copyright © Hubert Selby Jr., 1976, 2002

Перевод © Игорь Карич, 2005–2017

©Kolonna Publications, 2017

ISBN 978-5-98144-230-8

Эта книга посвящена
Биллу,
который помог мне узнать,
что ради победы я должен сдаться

Человек одержимый
есть человек, одержимый
бесом

Блажен человек, который переносит
искушение, потому что, быв испытан,
он получит венец жизни, который
обещал Господь любящим Его.
В искушении никто не говори: Бог
меня искушает; потому что Бог
не искушается злом и Сам не искушает
никого,
Но каждый искушается, увлекаясь
и обольщаясь собственной похотью;
Похоть же, зачавши, рождает грех,
а сделанный грех рождает смерть.

Послание Иакова 1:12–15

Я взыскал Господа, и Он услышал меня
и от всех опасностей моих избавил
меня.

Кто обращал взор к Нему, те
просвещались, и лица их не
постыдятся.

Сей нищий воззвал, – и Господь
услышал и спас его от всех бед его.

Псалтирь 33:5–7

Друзья звали его Гарри Кобельеро. Но Гарри вставлял не просто первой встречной. Непременно женщине... замужней женщине.

С замужними проблем меньше. С Гарри они знали, зачем они с ним. Никто никого не поит и не кормит. Никакой романтики. Если они на такое рассчитывали – что ж, увы; а если начинали расспрашивать о его жизни или хоть как-то намекать, что желают «романа», Гарри живенько сваливал. Он не хотел осложнений или обуз, не хотел склок. Он хотел того, чего хотел, когда хотел, а затем отчаливал, помахав ручкой и просияв улыбкой.

Замужняя женщина в койке – дополнительный восторг. Не потому, что украл женщину другого мужчины – это Гарри не интересовало, – но потому, что надо принимать меры, дабы тебя не разоблачили. Если не знаешь наверняка, что может случиться, предчувствие острее.

Время от времени Гарри Уайт напрягал воображение и размышлял, сколько отношений оказались под угрозой, потому что сексуальная жизнь была запутанна или бедна. Да что там – как пить дать миллионы женщин глотают транквилизаторы, потому что не удовлетворены. А те тысячи или

сотни тысяч, что пребывают в психиатрических заведениях из-за нервных расстройств – прямых последствий паршивой или отсутствующей интимной жизни? Только подумайте о разбитых семьях и сиротах, что в несчастливом мире борются всего-то за оргазм.

10

Гарри не был, что называется, феминистом, но считал, что двойные стандарты ужасно несправедливы. В конце концов, известен – и общепризнан – тот факт, что многие мужчины изменяют, как говорится, своим женам, линияют с корешами в поисках «чужой телки». Однако жене полагается сидеть вечерами дома, смотреть за детьми и просить мужа, который линияет с корешами, хоть изредка заниматься с ней любовью. И если она решает не ждать его редких, бестолковых и по большей части никудышных одолжений, а находит случайную, скажем так, замену, ее чернят, обвиняют, избивают, бросают или даже, как это ни прискорбно, убивают. Нет, Гарри не был феминистом, но сознавал несправедливость таких раскладов.

И – скромно, по мелочи – он делал, что мог, дабы их исправить или по крайней мере хоть чуточку улучшить. Вообще-то Гарри считал, что делает полезнейшее дело. Кто знает, скольким бракам помогли его услуги? Пожалуй, он сохранял не просто браки – он и жизни сохранял. Кто знает, сколько женщин живы и здоровы, поскольку стресс, тревоги и разочарования не переросли в безумие или смерть, но были пресечены склонностями Гарри Уайта?

Работал Гарри посреди Манхэттена и на дорогу до работы и обратно тратил почти два часа в день, но так и жил в Бруклине с родителями. Много раз,

особенно в заволакивающие взор понедельники после исключительно бурных выходных, он подумывал о переезде – поселиться ближе к работе, лениво проезжать пару остановок на автобусе, – но срочность отпадала, едва Гарри получал шанс отдохнуть, а вместе с ним энергию, без которой не одолеть тягот поиска. Он рассматривал плюсы и минусы, изучал ситуацию вдумчиво и аналитически, а затем отказывался от затеи. При поиске собственной квартиры, полагал он, рассматривать надо по сути два варианта:

1. найти себе соседа; или
2. жить одному.

Значит, в первом случае, ясное дело, соображения два:

- а. Мужчина
- б. Женщина

Тут вообще-то и соображать нечего. О соседке не может быть и речи. Если она просто подруга, платонических отношений хватит ненадолго.

А если она не просто подруга, каковой со временем и станет, жизнь Гарри определенно осложнится. Не о чем и думать – это не вариант.

Остается вариант делить квартиру с другим парнем. Каковы преимущества? Ну, вообще-то всего одно: делишь плату на двоих и можешь снимать квартиру получше.

Вообще-то не особо и преимущество. Зарплата у Гарри отличная, так что это соображение особой роли не играет.

Каковы недостатки? Полно. Придется от него зависеть – оплатит он свою долю счетов или нет. Может, у него будет подружка, она в конце кон-

цов на тебя западет, проблем возникнет без числа..... И множество других резонов. Но единственная причина, которая обесценивала другие, состояла в том, что Гарри определенно не хотел, чтобы чужие нужды и желания как-то направляли или стесняли его жизнь.

Так что Гарри – остается второе соображение – пришлось бы, очевидно, жить одному. Каковы преимущества?

12

Никаких, за исключением короткой поездки на работу и домой. Он, естественно, не смог бы приводить к себе женщин. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы какая-нибудь женщина узнала, где он живет. Господи, да они же не отстанут. Он так и видел: день и ночь они звонят ему или стучат в дверь, чуть им вожжа под хвост попадет. Или, поругавшись с мужем, говорят ему, что уходят, что нашли замечательного мужчину, который позаботится о них и о детях, и... Ой нет. Нет. Нет, спасибо.

Значит, что остается? Остается ровно то, с чего начали, плюс лишние расходы и всякие заботы из-за квартиры. Все так же приходишь домой к ним, или к их друзьям, или в гостиницу, а в квартире спишь и изредка отдыхаешь. Нет, в тактическом плане это бессмысленно.

И прагматически тоже бессмысленно. С родителями ему не нужно готовить, убирать, ходить за покупками, беспокоиться, чего бы прихватить по дороге домой для того или сего, то есть впустую тратить силы, а силы он хотел приберечь для дел поважнее.

И, ко всем прочим соображениям, нужно сказать, что Гарри был единственным ребенком, и его старики радовались, что он живет дома.

Гарри часто анализировал ситуацию, рассматривал ее со всевозможных сторон и понял, что переезжать не имеет смысла.

А за всей логикой и тщательным анализом Гарри Уайта, за его здравомыслием скрывался маленький зародыш, который тянул, толкал и в итоге влиял на решение сильнее всего. И в самом деле, то была единственная подлинная причина его решения: безопасность. Не защита пуповины, а защита от самого себя. Хотя Гарри не желал сознательно с этим мириться, маленький зародыш знал, что соблазн имеет свойство обрушиваться на тебя, когда ты меньше всего к этому готов, когда ты неспособен перебороть его или отвергнуть, и кто знает, в какую чудовищную ситуацию можно вляпаться...

но маленький зародыш знал, что при любых обстоятельствах или соблазнах Гарри не станет приводить женщину в квартиру своих стариков посреди ночи и объяснять им, как защищает ее от мужа, который не понимает ее и вместе с детьми не желает дарить ей любовь, в коей она так отчаянно нуждается.

Нет, Гарри такого не сделает. Слишком неловко.

В общем, с учетом обстоятельств, пара часов в день на работу и обратно – не так уж и плохо. Есть свои преимущества. Вполне конкретные преимущества.

В субботу играли в софтбол. Парни, что зависали у «Кейси», в баре на Третьей авеню, собирались сыграть с парнями из «Свенсона», бара на Пятой. Гарри выпивать не любил, но соседские парни,

парни, с которыми он вырос, зависали у «Кейси», и потому Гарри бывал там и играл с ними, когда появлялся в субботу.

Сегодняшняя игра была чуточку особенной, ибо должна была доказать превосходство одного бара над другим; одного района над другим; ирландцев над фрицами. Мало того, что продемонстрировать шовинизм – на нее еще и ставилось несколько сотен долларов.

14

Игру назначили на 11:00, на площадке возле Шестьдесят пятой улицы, и обе команды явились в десять тридцать, со снаряжением, друзьями и ящиками пива. Прекрасный был денек, и на площадку стекалось все больше зрителей. Пацаны на велосипедах и скейтах кричали друг другу, мол, идите посмотреть, тут взрослые дядьки в софтбол играют; и прохожие останавливались и глазели через проволочную ограду площадки.

Команды разогреблись и готовы были играть, но начало пришлось отложить на пару минут, чтобы два парня, которые собрали деньги, все уладили. Когда парни между собой наконец разобрались, можно было начинать.

Гарри, хоть и играл от случая к случаю, оставался одним из лучших игроков в районе. Во-первых, он бил меньше остальных парней в обеих командах и был собраннее ближе к концу игры, когда это важно. Не хуже любого другого на правом поле, а по мячу бил просто исключительно, особенно если дело швах. И Гарри думал, что сегодня будет чертовски хорош, он ведь замечательно расслаблен, в отличном настроении, софтбол – самое оно.

«Кейси» выиграли в орлянку, им бить последними, так что они оставили пиво друзьям на хра-

нение и вышли на поле с гиканьем и криками: Поехали, поехали – ну, побросаем мячик, побросаем...

а их питчер Стив размялся, и пару раз мячи пролетели над инфилдом и аутфилдом. Бармен не при исполнении проковылял на поле и стал за питчером, еще двое судей зашагали к первой и третьей базам, и игра началась.

В первом иннинге «Кейси» попали в переplet, когда Стиву не удалось найти горку, и дело шло к серьезной катастрофе. Стив одолел первых трех игроков, с которыми встретился, швырнув десять мячей, перед тем как ему засчитали страйк. Единственным лучом надежды в Стивовой игре стал тот факт, что счет был 3:2, прежде чем Стив выбил третьего бэттера. Остальные «Кейси» одобрительно орали и советовали ему попридержать коней и расслабиться. Мы за тебя, Стиви, мы за тебя. Давай, зафигачь, Стиви. Стив, он слепой. Пускай вдарит, он же калека...

15

а Стиви посмотрел на своего кэтчера, и тут Бойлер, здоровенный рыжий норвежец, подошел к базе, размахивая букетом бит.

«Свенсоны» вопили и кричали, и пиво текло по их подбородкам. Они чувствовали верняк и торжествовали, предвкушая выигрыш в первом же иннинге. Забей ему в глотку, Бойлер. Давай, Бойлер, за забор, за забор. Давай, давай! Мы ведем. Мы ведем. Бойлер выставил бурые зубы, улыбаясь Стиви, размахивая битой, похожей на зубочистку, – мол, ты и подать-то не сможешь. Стив взял медленную закрутку, и высокая свеча опустилась, а Бойлер подождал и приложился к мячу с неандертальским замахом, и бита вломила по

мячу, словно разнесла его на сотню маленьких кусочков, а мяч быстро и стремительно взмыл в воздух и полетел к забору за левым полем. Каждый наблюдал – бутылки с пивом замерли у открытых ртов, – как мяч медленно пошел по дуге и вылетел с площадки, а дюжина ребятишек кинулась за ним. Бойлер шлепнул своей битой, когда мяч обратился в фол, затем ухмыльнулся питчеру и отошел к бэттеру – физиономия у Бойлера вдруг стала ужасно вызывающей. Ты уж там уладь все, Бойлер. Зафигачь его, Стив, да он ноль на палочке. О, питчер, о, питчер, ты попал. Давай, мимо этой гориллы...

Стив и Бойлер паялились друг на друга пару секунд, и затем Стив сплюнул и вновь вошел в свою медленную закрутку, потом запустил мяч в сторону дома со скоростью почти незримой. Бойлер размахнулся и ударил по мячу мощно и точно, но на долю секунды опоздал, чтобы перебить его через забор у левого поля. И мяч полетел вдоль кромки правого поля к забору, зрители охали и ахали, и «Свенсоны» прыгали, кричали и вопили, и бегущие припустили, как воры, а Гарри, игравший на правом центре, по глухому стуку биты бросился к забору. Тренеры «Свенсонов» махали руками и кричали на своих товарищей, чтобы те бежали, да беги же, сукин сын, и игрок с третьей почти в доме, а игрок со второй на полпути, и тут Гарри подпрыгнул – рука в перчатке высоко над головой – и врезался в забор на долю секунды раньше мяча, и мяч шлепнулся в его перчатку. Гарри отскочил от забора, держа мяч обеими руками, перекатился на бетоне, прижимая мяч к животу, распрямился, и встал, и швырнул мяч игроку на первой базе, и тот сначала легко

обошел противника, но не смог бросить мяч другой базе, потому что случилось столпотворение, игроки побежали назад к своим бывшим базам, и человек, бежавший первым, вмазал Бойлера в игрока с первой базы, и для новой игры никаких шансов не осталось. Гарри стоял, наблюдая за действием, а разум его торопливо расшифровывал то, что Гарри увидел и услышал, врезавшись в забор, – женщина, женщина по ту сторону... ага, светлые волосы, шорты и топик на бретельках, и у нее – судя по тому, что запомнил Гарри, на миг увидев ее краешком глаза, – еще имелась отличная пара сисек. Гарри обернулся – женщина все еще стояла за забором. Он пригляделся и заметил коляску с ребенком. Гарри отошел обратно к забору и встал вполоборота к полю. Столпотворение прекратилось, и следующий бэттер занял свое место, а Гарри улыбнулся женщине. Привет.

Привет, – улыбаясь и слегка покачав головой, – я думала, ты сквозь забор пролетишь.

Гарри поднял брови, улыбка шире. Я бы пролетел, если б знал, что ты там.

Игра возобновилась, но всех так взбудоражила последняя подача, что никто, ни в одной команде, не заметил, что Гарри так и стоит на линии правого поля.

Салли, – она кивнула на маленькую девочку в коляске, – наверное, решила, что это была шутка. Сидела себе и хихикала. Ее, пожалуй, вообще рассмешить проще простого.

Они оба засмеялись, а счет был 0:2 у бэттера, когда Стив запустил прямо по центру, и бэттер замахнулся часом позже, и «Кейси» засвистели и завопили, прыскавая друг на друга пивом.

Когда команды начали меняться местами – «Кейси» кричали и хлопали Стива по спине, – женщина кивнула на поле и спросила, что происходит. Гарри посмотрел на нее и улыбнулся. По-моему, они заработали третий аут. Наша очередь отбивать. Она повернулась, вроде собралась уходить, и Гарри сказал: останься. Это только первый иннинг. Сегодня будет еще полно хорошего софтбола.

18 Боюсь, я в этой игре неважно разбираюсь, – с легкой улыбкой.

Гарри прислонился к забору, секунду смотрел на нее, а затем сказал, мол, он может объяснить ей все, что ей нужно знать. Подожди здесь, я вернусь через пару минут. Мы у этого парня еще не отбивали. Она улыбнулась, и Гарри поспешил к боковым линиям, а его соратники и друзья хлопали его по спине и вопили.

Гарри отбивал пятым и, стоя у боковой линии, то и дело косился на женщину за забором. Недурна. Весьма недурна. Отличная пара сисек и отличный круглый зад. И к тому же не ребенок. На пару лет старше Гарри – может, под тридцать. Поторопились бы они, получили бы свои три аута, он тогда сможет вернуться и глянуть, что происходит. За игрой Гарри не следил, пока не услышал громкий рев и ругань вокруг: третий игрок получил страйк-аут, и пора им возвращаться на поле. Он весело потрусил вдоль линии правого поля.

Приветик, – с улыбкой, прислонившись к забору.

Быстро ты обернулся, – стоя у самого забора, улыбаясь.

Ага, ну... вообще-то, – пожав плечами, рот открылся широкой улыбкой, – все так и было рассчитано, чтобы я мог побыстрее сюда свалить.

А это зачем?

Тебя увидеть. После...

Эй, Гарри, двигай сюда, а? Двигай уже, богради.

Ладно, ладно, иду. Не уходи пока, – и он рванул к правому центру, оглядываясь на нее, и посматривал в течение иннинга.

Стив теперь был взаправду в ударе и в считанные минуты сделал «Свенсонов» тремя инфилд-флаями. «Кейси» затопотали с поля, а Гарри поспешил обратно к забору.

19

Может, зайдешь? Посидишь вон там на скамейке.

Ой, пожалуй, нет. У меня еще кое-какие дела и...

В такой прекрасный день? Да ладно, – мило улыбаясь, – может, ты наш талисман.

Ее улыбка раскрылась счастливым смешком. Меня раньше так никто не называл.

Ну вот видишь, это будет...

Эй, Гарри, ты отбиваешь. Давай, а? Вали уже сюда.

Да, да, иду. Ворота вон там, – торопясь к дому и оглядываясь, и улыбаясь, заметив, как она пошла к входу. Стив ткнул Гарри в плечо. Да ну ее, эту телку, а?

Если настаиваешь.

Ну кончай. Покажи этим ублюдкам. Я на игру двадцать пять баксов поставил.

Ты не переживай, – похлопав Стива по спине, – мы не можем проиграть. Я в форме.

Первый парень заработал аут, и, шагая к бэттерскому боксу, Гарри огляделся и заметил голову блондинки, почти скрытую изгородями вдоль тропинки к полю. Ему было так славно, так сво-

бодно – он замахнулся битой и посмотрел на питчера. Он всегда отлично отбивал у этого парня, и просто шагнул назад, когда взмыла первая подача. Перед тем как ступить обратно на место бэттера, он увидел женщину: она свернула за угол и зашла на поле. Обе команды завопили, и Гарри вернулся на место и отбил следующую подачу к левому центру, и лишь из-за великолепной игры центрального филдера у Гарри получился только дабл. Гарри стоял на второй базе, слушая вопли товарищей по команде и друзей, наблюдая за женщиной, – та подкатила коляску к крайней скамейке у правого поля и села. Следующий бэттер заработал аут, но потом игрок отбил мяч к правому центру, не слишком далеко, и Гарри ломанулся вокруг третьей и полетел к дому, когда мяч достиг кэтчера, и Гарри проехался мимо него, расцарапав о бетон лодыжку. «Кейси» закричали и кричали, а Гарри скакал, со свистом втягивая воздух сквозь зубы и мотылял туда-сюда горячей лодыжкой, а друзья хлопали его по спине. Гарри сел на скамейку, когда вышел следующий бэттер, затем вновь поспешил на поле, хромая на правую ногу. Он помахал блондинке, она улыбнулась, и он занял свое место правого филдера.

В том иннинге Стив их снова подрезал, и, когда «Кейси» ушли с поля, Гарри сел с блондинкой. Кстати, меня зовут Гарри, – улыбаясь и придвигаясь ближе.

Она улыбнулась и сказала, что ее зовут Луиза, а это моя дочь Салли, – наклонившись и поправляя девочке шляпку, чтобы солнце не напекло.

Гарри показал ей расцарапанную лодыжку и пошутил, они еще поболтали, а затем Гарри пора было возвращаться на поле, и поднимаясь со ска-

мейки, он положил руку Луизе на бедро, как раз там, где кончались шорты, и слегка надавил ладонью и кончиками пальцев, мгновение смотрел ей в глаза, а потом отправился играть.

Гарри сидел с нею между иннингами, а когда подошел к скамейке во время пятого иннинга, она сказала, что ей пора. Он немедленно изобразил обиду и отчаяние. Как же ты сейчас уйдешь, ты же наш талисман. Ты ведь не хочешь, чтобы мы проиграли?

21

Она улыбнулась и посмотрела ему в лицо, чуть прикрыв глаза. Через пару часов муж вернется домой, а у меня еще дела.

Гарри тоже посмотрел ей в лицо и уже готов был заговорить, когда заорал Стив. Давай, Гарри, ты начинаешь. Гарри махнул Стиву, – ладно, ладно, – и снова прижал руку к ее бедру, – погоди минутку. Гарри побежал к базе, и стал в боксе, и не двинулся, когда мимо пролетели три страйка. Он уронил биту и пошел обратно к скамейке. Так тебе по правде нужно идти?

Да. Мы собираемся сходить куда-нибудь вечером, и у меня еще дела.

Гарри посмотрел на нее пару секунд. Пожалуй, я тебя провожу.

А как же игра?

А, без меня обойдутся. Им хватит того, как Стив подает.

Она чуть пожала плечами и улыбнулась. Ну, если хочешь.

Конечно, хочу. Гарри поднялся. Ты иди, я догоню тебя у ворот. Луиза пошла к выходу, толкая коляску, а Гарри подошел к Стиву и сказал, что должен идти.

Что значит – должен идти? Ты не можешь сейчас уйти.

Извини, Стив, но мне нужно. У меня дела – и вообще, нога меня доконает.

Сукин ты сын, да что за ерунда? Все в порядке с твоей ногой.

Ну ладно, Стив, отвали, а? Я ж тебе говорю, мне надо идти.

Ага, иди ему надо. Знаешь что, Гарри, ты большая жопа. Первокласная жопа с ушами.

Полегче, Стив, я же не...

22

Ты ведь знаешь, блядь, сколько денег мы поставили на эту игру, и тебе насрать, что мы потеряем наши бабки, – тебе лишь бы какой-то телке понюхать мохнатку. Иди ты на хуй, чувак!

Я же говорю, мне пора, вот и все. Никакая телка тут ни при чем, я на эту ногу едва ступаю. Я не...

Ааааа, чушь собачья, – с омерзением отмахнувшись и торопясь прочь. У тебя ветер в жопе свистит. Эй, Винни! ВИННИ!

А?

Греби сюда.

Гарри заковылял к выходу, команды начали меняться местами, а Стив велел Винни играть за правого филдера.

А что с Гарри?

С этим сукиным сыном? Да он, блядь, в тюрягу за убийство пойдет, лишь бы телку поймать.

Гарри услышал эту реплику – издалека, но отчетливо – и неистово скрутил свою перчатку, как можно быстрее ковыляя с поля, выталкивая из головы слова Стива, концентрируясь на Луизе, на расстоянии между собой, командами и забором, стараясь уменьшить расстояние до забора, сосредоточившись на этом и выталкивая на поверхность сознания тот факт, что едва он доберется до

забора, там будет угол, он, Гарри, свернет и исчезнет из поля зрения команд, игры и Стива, а гам приглушится, и вся игра скроется из виду и останется позади.

Гарри ринулся за забор, налетел на него, и веточка хлестнула его по лицу, и хромота исчезла, а шаг ускорился, в ушах – визг играющих детишек и рев машин, и впереди Гарри увидел Луизу – она медленно шагала по тропинке. Он рысью ее нагнал.

23

Твой друг, кажется, разозлился.

Кто, Стив? Да ну. Просто покричать любит. Но я тебе кое-что скажу.

Что?

Я бы мог зайти на чашечку кофе.

Она посмотрела на него, улыбнулась. Да нет проблем. У меня на плите всегда чайник стоит.

Хорошо, – улыбаясь и кончиками пальцев нежно потирая тыльную сторону ее ладони. Где ты живешь?

На Седьмой авеню. Недалеко.

На углу она остановилась и назвала ему адрес и номер квартиры. Лучше мы не пойдем вместе – подожди минут пять.

Он ответил на ее улыбку и кивнул. Конечно. Понимаю.

Луиза пошла дальше, а Гарри свернул налево и обошел квартал, чтобы наверняка прибыть минимум на пять минут позже. Гарри уже не помнил, сколько раз проделывал этот трюк, и наслаждался им все больше: предвкушение, ожидание, скрежещащее возбуждение внутри и это смутное опасение, предчувствие, что порождались неизвестным элементом, который в подобной ситуации есть всегда: может, она не живет там, где сказала, или

ситуация не такова, как ожидается, да еще вдруг ее муж сидит там или неожиданно вернется домой, или вдруг это какой-то дикий розыгрыш. Возможностям несть числа; ничего такого никогда не случалось, но они вероятны, они могли случиться, и волнение от этого сильнее. Гарри шел по Седьмой авеню, и шаг его был упруг.

24

В тот вечер Гарри собирался с друзьями в кино неподалеку. После ужина он растянулся на кровати – ждал, когда пора будет выходить. В нем шевелилось смутное беспокойство, которого он не мог понять или объяснить. Дело не в еде, которую он только что съел, – с ним не приключилось расстройства или несварения желудка. На самом деле, он не знал, что с ним приключилось. Просто беспокойно. И тут ни при чем кактамеезвать – Луи – э... Луиза. Рутин, как и ужин. Она уложила ребенка спать и отправилась с Гарри в постель, Гарри отказался от кофе, чтоб наверняка сделать дело как полагается и уйти до того, как случится неприятная встреча с ее мужем. И она оказалась хороша, как любая другая телка, – игривая такая и оголодавшая. В сущности, все было довольно долго и вполне дико для дневной сиесты.

Нет, не в этом дело. Вообще-то не было даже неловких сцен – ребенок просыпается, спотыкаясь заходит в комнату, просит, чтоб мама его обняла. Все прошло гладко и просто. И, пожалуй, игра тоже ни при чем. Пустяк, ничего такого. Просто очередная игра – правда, хотелось бы знать, чем она закончилась. Он думал было кому-нибудь звякнуть и спросить, но и без того чувствовал, что слишком на виду, и не мог себя заставить. Выяснит позже... и вообще, нечего на это напирать. Ну в самом

деле, это же пустяк. И даже если они проиграли, его вины тут нет. Он свой мяч поймал. Нельзя от человека требовать больше. И вообще, многие и того не умеют. Ну правда, что ему толку было до конца игры по полю слоняться. Ладно, хер с ним. Все пройдет. Сходить в киношку и забыть об этом.

После сеанса они завернули к «Кейси» разведать обстановку. Гарри уже знал, что они выиграли, и у него было отличное настроение, потому что второй фильм оказался невероятно смешным. Они подвалили к остальным, и Гарри хлопнул Стива по спине. Я слышал, ты разгромил уродов.

Ага, а кое-кто смотался.

Какая разница, ты ведь их побил, так?

Да, и ты тут ни при чем.

Да ладно, Стив, не начинай.

Если б я не был лучшим софтбольным питчером в Бруклине, мы бы, может, и не выиграли.

Тогда чего ты скулишь?

Стив улыбнулся Гарри и похлопал его по спине. Я не скулю. Я понимаю, Гарри. У твердого члена совести нету, правильно? – смеясь, – в бурю любая гавань хороша. Но знаешь, в чем твоя проблема? Убирая руку с плеча Гарри. У тебя нет никакой верности.

Что значит – у меня нет никакой верности?

Только то, что я сказал. Мы все друзья. Выросли вместе в одном квартале и все такое, а ты хоть бы что чувствовал.

Кончай. У меня верности не меньше, чем у тебя или у кого угодно, – Гарри знал, что это правда, он об этом много раз думал и знал, как относится к друзьям, – а может и больше.

Ну, может быть, – улыбаясь, – но по тебе не скажешь. Ты, может, голова и все такое, но ты сукин

сын... И вообще, ты что хочешь – одному или купить по одному?

Гарри улыбнулся, швырнул на стойку деньги и купил Стиву выпивку.

Гарри нравилась его должность, он наслаждался работой. Корпорация, на которую он работал, по размеру была в самый раз для его нужд и амбиций: большая, но не гигантская; достаточно большая, чтобы не тормозить рост и продвижение, но не настолько огромная, чтобы проглотить его, оставив только номер на перфокарте. К тому же интересы у корпорации разнообразны, и работа Гарри не бывала скучной – наоборот, она была увлекательной и захватывающей, и каждый день возникали новые задачи.

Гарри устроился в корпорацию «Ланцет» сразу после Бруклинского колледжа. Он закончил колледж на дембельских льготах, специализировался на деловом управлении с квалификацией по бухгалтерскому делу, и когда на последнем курсе проходил собеседование с представителем корпорации «Ланцет», сразу стало ясно, что они удовлетворяют взаимные потребности друг друга, поэтому назавтра после выпуска Гарри явился на их программу профориентации.

Гарри был дружелюбен, прекрасно справлялся с работой, ладил с сослуживцами на всех уровнях и нравился всем, кто с ним сталкивался. За пару лет он быстро поднялся по службе и явно стал одним из самых многообещающих молодых сотрудников. Завершив профориентацию, Гарри чуть ли не первым делом записался в вечернюю школу на курс экономики. Это не только поможет ему в ра-

боте, думал он, но и произведет хорошее впечатление на тех, кого следует впечатлить, – и в обоих случаях он не ошибся.

Будущее казалось безоблачным, а путь гладким, и Гарри Уайт временами об этом подумывал – мимолетно, и не благодарно или смиренно, а с нетерпением, сию минуту желая повышения и денег, собственности и престижа.

Ближе к окончанию колледжа Гарри толком не спал – не из-за того, что приходилось сутками учиться, но из-за своей любовной жизни, каковая была крайне активна. Только начав работать в «Ланцете», он, так сказать, завязал, как завязывал, поступив в колледж, однако прошло время, Гарри поуспокоился и стал увереннее, новизна иссякла, и он постепенно скатился к своей былой сущности Кобельеро Гарри. Но хотя порой он приходил в понедельник с мутноватыми покрасневшими глазами, «внешние интересы» проблем ему не создавали. И он всегда держал в ящике стола глазные капли, а иногда небрежно говорил сослуживцам, что это у него такое врожденное заболевание, поэтому и глаза временами красные. На самом деле он и не задумывался, верит ли ему кто, но рассказывать эту историю было приятно.

Год или около того Гарри вел себя хорошо, ограничивая любовные эскапады выходными, но тут начал замечать, что на работе отвлекается. Не на женщин в конторе, но на тревогу внутри, и поглядывал на часы все раньше и раньше, ожидая пяти, а в теле рос напряг. Затем выходные постепенно захватили понедельник, потом стали начинаться в пятницу, и, само собой, уже невозможно было ограничиваться отдельными вечерами – приходилось следовать внутреннему позыву.

В конечном итоге этот позыв торопил Гарри обедать побыстрее и затем гнал бродить по улицам. Гарри никогда не связывал эту новую привычку с нервозностью, которая время от времени его мучила, и даже не считал, что это привычка. Просто ему нравилось гулять, особенно в хорошую погоду, и он не сознавал, что неизбежно пойдет за этой девкой или вон за той, пока еще не пора возвращаться в контору.

28

Вскоре Гарри бросил есть в кофейне, стал раньше звонить вниз и заказывал сэндвич навынос, а потом забирал его и шел в Центральный парк, сидел у озера и обедал. Это, разумеется, гораздо спокойнее, чем стоять в очереди в переполненном ресторане и затем одним махом проглатывать сэндвич в шуме и дыму, поэтому он проходил несколько кварталов до парка и там наблюдал, как утки покрывают рябью отражения небоскребов.

Гарри нежно любил первые теплые дни весны, когда тяжелое пальто можно оставить дома и надеваешь только свитер и легкую куртку. А оттенки! О да, Гарри любил весенние оттенки. Не столько деревья и цветы, хотя Гарри нравилось на них смотреть, и на птиц тоже, но вообще-то его не назовешь «любителем природы», хотя он и спешил подчеркнуть, что любит натуральное... *au naturel*¹. Те весенние оттенки, что нравились Гарри, – это цвета женских платьев, когда женщины бегут по улице, не скованные и не сокрытые тяжелой зимней одеждой, – изгибы ног до лодыжек, тонкие ткани, облегающие округлость плоти, сверкающие глаза и лица, вспыхивающие улыбкой, когда ветерок ерошит им волосы и прижимает платья к мягкой, нежной покатости животиков

---

1 В натуральном виде; в чем мать родила (*фр.*).

и бедер там, где они встречаются у Венериного бугра. Аааааххххх, весна, весна, земля и все, что на земле, оживает, и просыпаются фантазии молодых людей.

А сегодня приятный весенний денек, лучшего и пожелать нельзя. Голубое небо, облачко-другое, птицы летают над озером и меж деревьев, и очаровательная юная леди сидит на скамейке в нескольких футах от озера. Гарри доел, бросил бумагу и т. д. в мусорный ящик и спустился на берег, встал прямо перед юной леди. Минуту-другую он бултыхал пальцами в воде, затем медленно повернулся и посмотрел на скрещенные ноги леди, сосредоточив взгляд там, где нога плавно переходит в округлость задницы. Он смотрел как можно открытее, направления взгляда не скрывал, и вскоре леди выпрямила ноги, не глядя на него, и разгладила юбку, что заканчивалась на полпути к коленям. Гарри пялился, пока леди не заерзала, а потом встал, подошел к скамейке, широко и сердечно улыбаясь, и посмотрел ей в глаза. Он где-то прочитал, что величайшим оружием Уайатта Эрпа¹ служили его глаза – светло-голубые, они будто смотрели сквозь людей, обездвиживали. Вот так Гарри и поступал. Он просто пялился на женщин, взглядом изливая на них всю свою похоть. Леди старалась смотреть перед собой, но не удержалась и глянула, как он приближается. Он сел рядом, и она приготовилась к традиционной первой реплике, типа: какой милый денек, или

---

1 Уайатт Берри Стрэпп Эрп (1848–1929) — легендарный персонаж эпохи Дикого Запада, авантюрист и картежник, участник знаменитой перестрелки у города Тумстона в Аризоне.

у тебя есть часы, что-то в этом духе, но Гарри по обыкновению коварно извернулся: Твой муж, несомненно, счастливый человек.

Она обернулась и посмотрела на него в изумлении, улыбка смягчила ее лицо. Не поняла.

Ну, – пристально глядя ей в глаза, похоть на мгновение ощутима, затем улыбка и взмах рукой, – я имею в виду, у него же есть ты. В ее глазах сомнение, но рот немного смягчился. Лицо Гарри сверкнуло улыбкой. Зная, что ты ждешь его дома, он, наверное, сквозь день со свистом проносится.

Она чуть откинула голову со словами: Ха, куда уж там.

Ой, да ладно, я же знаю, что это так.

По-моему, ты шутишь, – подняв брови и усмехаясь.

Нет, не шучу. Я серьезно. Я уверен, у него каждый день осмыслен – он же знает, что дома его ждешь ты.

Она еще чуть смягчилась и фыркнула, и Гарри, улыбаясь, видел, как ее медленно отпускает напряжение. Ну ты и чудака, – качая головой и улыбаясь, – настоящий шутник.

О, не говори так, – драматично прижав руку к груди, – ты уязвила меня. Она вдруг расхохоталась, и Гарри, наблюдая, как она смеется, заметил краем глаза пару-тройку голубей над головой: интересно, что она сделает, как она будет выглядеть, если голубь насрет ей на голову или прямо на нос... но затем, почти тут же, он понял, что голубь может насрать и на него самого, поэтому быстро сменил картину очевидной мыслью: у нее с мужем кое-какие проблемы. Гарри улыбнулся и взмахнул рукой: Вот я об этом. Ты засмеялась, и моя жизнь стала осмысленной.

Она улыбнулась и покачала головой: Ты и впрямь странный, – затем встала, глядя на часы.

Ты ведь не уходишь, правда?

Ухожу, пора возвращаться на работу.

Ой, как жаль, – грустный, несчастный.

Извини, – тепло улыбаясь, – но работа есть работа. Ты ужасно смешной, но мне пора.

Что ж, позволь хотя бы подозвать свою карету, дабы тебе не пришлось идти по этим убогим улицам.

31

Ну ты даешь, – улыбнувшись и направившись по тропинке к Пятой авеню.

Пожалуйста, не смейся надо мною, к тебе могут пристать головорезы.

Она все смеялась, и он низко поклонился и развел руками. Позвольте хотя бы защитить вас, моя леди.

Ну вот, ты еще и обзываешься, – хохоча.

Что ж, – с мукой во взоре, – если не разрешаешь подозвать карету – может, рикша? – с притворной серьезностью глядя ей в глаза, – велосипед, – она кивнула и захихикала, – скейтборд, – оба улыбнулись, Гарри распростер руки, – может, на закорках?

Нет уж, спасибо. Думаю, мне безопаснее перейти дорогу на своих двоих.

О'кей, – смеясь. Ты всегда возле озера обедаешь?

Хмммм, – пожимая плечами, – по-разному.

Ладно – может, завтра? В то же время, на той же скамейке?

Как знать, – пожимая плечами, улыбаясь, – будет ли хорошая погода.

О, будет, я гарантирую.

Мне пора, – улыбаясь и вливаясь в толпу, что переходила улицу.

Гарри смотрел ей вслед и, когда она обернулась у дверей, помахал, ответив улыбкой на ее улыбку, а потом зашагал в контору.

Возвращаясь туда, он был гораздо оживленнее, чем всего час назад, его отпустило. Он опоздал на десять минут, но даже не заметил, углубился в работу и до вечера не вспоминал о какбытамеенизвали.

32

На следующий день Гарри прогулялся в парк и на скамейке увидел кактамеезовут. Иисусе, ее мужик, наверное, и впрямь ее достал. Гарри улыбнулся про себя и зашагал по тропинке. Прошу извинить, мадам, не откажете ли вы в любезности разрешить усталому пролетарию разделить с вами эту скамейку? Она подняла глаза, недовольная, и вдруг широко улыбнулась, покачала головой и засмеялась. Что смешного?

Она качала головой и смеялась. Ты просто не похож на пролетария.

Он изобразил поддельную обиду и надул губы: Ты уязвила меня. В конце концов, – а она хихикала, – уж лучше пролетарий, чем нелюдим. Она все хихикала, и махала рукой, и качала головой, и его лицо разулыбалось, и он засмеялся, усевшись рядом с ней.

Кстати, меня зовут Том, а тебя как, смешливая девушка? – улыбаясь и глядя ей в глаза.

Смешливая девушка? Ну ты даешь. Меня в таком давным-давно уже не обвиняли, но я, наверное, действительно смеялась.

Ага, еще бы не смеялась. Как вылитая пролетарка. Не успел Гарри договорить слово, она уже хохотала и нашаривала в сумочке платок, а Гарри наблюдал за ней и смеялся сам. Наконец она выпрямилась, пару раз глубоко вдохнула, приклады-

вая платок к глазам и к носу. Моргнула раз, другой, повернулась к Гарри: Ох господи, у меня от смеха все заболело. Мышцы ноют ужасно.

Ты, наверное, смеяться разучилась.

Да, скорее всего, – вытирая глаза и нос, убрала затем платок в сумочку, потом, осмотрительно, улыбаясь Гарри: Хватит, ладно? Я, по-моему, этого не вынесу.

Ладно, – улыбаясь, – но ты так и не сказала, как тебя зовут. Придется мне и дальше гадать.

Нет, нет. Пожалуйста, – Гарри посмеивался, – меня зовут Мэри.

Что ж, так-то лучше. Странно было бы тебя называть дружище, или чувак, или...

Она захихикала и выставила ладони: Ты же обещал. Хватит.

Ладно, – воздев правую руку, – хватит. Значит, ты Мэри, и ты работаешь через дорогу.

Правильно, – кивая, – я секретарь. А тебя зовут Том и ты работаешь...

Дальше по улице. «Армстронг и Дэвис». Небольшая технологическая фирма. В основном консультирование в высоко специализированных областях.

Ой, весьма увлекательно...

Они болтали, пока Мэри не посмотрела вдруг на часы и не сказала, что на десять минут опаздывает: Мне пора в контору.

Уже так поздно, да? Я, пожалуй, тоже пойду.

Они прошлись по тропинке, и Гарри подождал, когда Мэри пересечет дорогу и войдет в здание, и лишь потом зашагал в контору, не желая, чтобы Мэри видела, в какую сторону он направился.

Он спешил, понимая, что опаздывает, и вернулся за свой стол на двадцать минут позже, но никто особо не заметил, и он решительно набросился на работу.

Назавтра был четверг, и Гарри решил, что до конца недели подождет. Во-первых, он не желал снова опаздывать. А во-вторых, хотел немного подразнить Мэри. Его настоящая работа случалась по вечерам, и его отдельно возбуждало, что Мэри он просто дразнит, зная, что она расстроена, что с мужем она не спит, что про себя она переживает малейшую мелочь, какую угодно, даже просто сидеть в парке на скамейке и видеть, как кто-то хоть чуточку к ней внимателен. Иисусе, чем больше он об этом думал, тем больше возбуждался.

Но ему требовалось убить время, поэтому он решил зайти в парк и убедиться, что она там. Он улыбался и пылал внутри, подходя к парку, но затем смутное предчувствие вкралось в этот пыл, и Гарри слегка ускорил шаг, горя желанием увидеть, там ли она. Он планировал быть крайне осмотрительным, чтобы она точно его не увидела, но смутно подумав, что ее там может и не быть, потерял из виду свои планы, и вместо того чтобы пройти по Пятой авеню и глянуть украдкой через забор, пошел по тропинке, не видя скамейку, потому что вокруг стояли или гуляли люди, и он был всего в нескольких футах от нее, когда толпа внезапно поредела, но она смотрела через озеро, и он умудрился вовремя взять себя в руки, повернуть и слинять из парка, пока она его не заметила.

Когда парк исчез из виду, он остановился на минуту, ощутил, как торопится пульс, как отдается в ушах. Он глянул в витрину, глубоко, медленно

вдохнул, посмотрел на свое отражение и улыбнулся при мысли о кактамеезовут, как она сидит и ждет его. Он фыркнул, остаток перерыва гулял по Пятой авеню и поглядывал в витрины и на женщин, наслаждаясь собственной властью.

Гарри сидел за столом, его мать подавала ужин, отец резал мясо и раскладывал по тарелкам. В тот вечер родители Гарри были особенно счастливы. Они шли на вечеринку – пятидесятая годовщина одной пары, друзья родителей его матери, которых она знала всю жизнь. Будет настоящее торжество, с родственниками и старыми друзьями, со многими его родители виделись только в особых случаях, вроде нынешнего. Но по-настоящему они счастливы, поскольку Гарри собирался пойти с ними. Гарри был хороший мальчик, единственный ребенок, а потому – зеница ока, а также центр и фокус стольких родительских надежд и грез, но теперь, когда он повзрослел, он проводил с ними все меньше времени и обычно куда-нибудь сбегал, особенно в выходные, поэтому они были несказанно рады, что идут в гости вместе с сыном, их радостью и гордостью. Сегодня будет настоящий семейный вечер. Семейный праздник, и они шли туда всей семьей.

Доев, Гарри похлопал себя по животу и сказал матери, что было очень вкусно. Ты лучшая повариха в мире, мам, – улыбаясь ей.

Спасибо, сынок, я рада, что тебе понравилось, – сияя улыбкой и собирая тарелки. Кофе?

Да, если можно.

Они сидели, курили и пили кофе, музыка по радио тихо фонила, каждый наслаждался общением и разговором. Трое за обеденным столом, мужчина и женщина; муж и жена; отец и мать – и их единственный ребенок, молодой человек, что привносит радость в их жизнь. Атмосфера спокойная, расслабленная, сигаретный дым струился почти вертикально, резко клонясь, лишь когда воздух сотрясался внезапным смехом. За столом царила любовь.

На вечеринке миссис Уайт водила Гарри от одного старого друга к другому, хвастливо представляя сына, рассказывая, какая у него прекрасная должность и будущее, какой он чудесный сын, радость и гордость родителей, Гарри бодро улыбался, когда старые друзья пожимали ему руку, улыбались и отвечали матери, как ей повезло, в самом деле, безусловно повезло, такой чудесный сын, весь в отца, а? Вылитый отец, да? Просто копия. Но у него твои глаза, Сара. Ага, ну конечно. Точно тебе говорю. За милую в темноте скажешь, что он твой сын. Сара Уайт сияла, и ее улыбку в самом деле можно было распознать за милую в крошечной темноте.

И Гарри следовал за матерью послушно и с радостью, упиваясь счастьем, которому он причина. Он осчастливил мать, и это, в свою очередь, осчастливило его, а время от времени он пытался – во всяком случае, хотел пытаться – осчастливить мать, но почему-то ему это никогда не удавалось – во всяком случае, регулярно. По неизвестной причине что-то как будто всегда мешало ему вызвать на материнском лице улыбку, а если и не мешало, делал он обычно что-нибудь такое, от чего уголки ее рта в улыбке изгибались вниз.

Но в тот вечер он не собирался ничего такого допускать. Ему хорошо, он свободен, расслаблен и собирался подарить этот вечер ей. И он улыбался как полагается, в нужный момент, и отвечал на обычные вопросы с поклоном, с улыбкой, тихо смеясь, а затем: Ну конечно, теперь я вспомнил. Точно. Мистер и миссис Лаури... или Литтл, или Харкнесс, или кто там, или как там еще. Никакой разницы, а смешные истории были все как одна про то, каким он был и что делал в два года, или в три, или в четыре, или какой еще милый либо капризный возраст они вспоминали. И когда Гарри и миссис Уайт оставляли одну пару и переходили к другой, Гарри знал, что за спиной улыбаются и говорят, какой он славный парень.

Гарри неплохо зацементировал улыбку на весь вечер, и даже когда мать закончила его со всеми знакомить, он продолжал улыбаться в комнате, полной знакомых и незнакомых лиц. А заметив бабушку, он просиял, и обхватил ее руками, и поцеловал, и обнимал некоторое время. Как пожи- ваешь, бабуля?

Ой, просто замечательно, сынок. Знаешь, старушку не уговорить, – глаза ее сверкали.

Вот так старушка, – целуя ее в лоб.

Как дела у тебя, сынок? Все в порядке?

Ага, отлично. Лучше и быть не может.

Ох, эт хорошо...

ЭЙ! ЭЙ, ВСЕ ВНИМАНИЕ!!!!

старший сын
золотой пары махал руками над головой: Минуту тишины... надо сказать тост. Эй, мам, пап, идите сюда. Они пересекли комнату, разодетые, лица и глаза сияют, оба довольны и взволнованы, как дети в свое первое рождественское утро, – стоят, удив-

ленно глядя на елку, на шары, на блески и огни, на чулки и подарки, и повсюду вокруг них – волнение Рождества. Сын встал позади и обнял их обоих. Все берите бокалы, если вы еще этого не сделали. Другие дети обнесли всех подносами коктейлей, затем встали подле родителей. Мистер и миссис Уайт подошли к Гарри и его бабушке. Ну ладно, у всех налито???? Хорошо. Он высоко поднял бокал, остальные последовали его примеру. Тост за маму и папу, за пятьдесят кратких и прекрасных лет вместе. За то, что они любили друг друга и нас, делали мир лучше и немного теснее, – хихиканье и смех, – мы все желаем вам радости Божьего благословения... пятеро детей... двенадцать внуков и внучек... двадцать *правнуков* и *правнучек*... и все ваши родственники и друзья. ДА! САЛЮТ! УДАЧИ! ДААА! САЛЮТ!!!! – и все закричали, и отпили из бокалов или осушили их залпом, и продолжали кричать, пока родственники по очереди целовали золотую сияющую пару, и с каждым поцелуем вновь поднимался гвалт. Когда бесконечная процессия завершилась, заиграл Юбилейный Вальс, и они закружились по полу, неторопливо, но радостно, и каждый потянулся за чьей-то рукой, наблюдая, как танцует пара, глядя друг другу в глаза, и в глазах – огонь бесконечного счастья, а мужья и жены, родители и дети наблюдали, обнявшись и прослезившись.

Гарри обхватил рукой бабушку за плечи, его другую руку держала мать. Когда песня закончилась, все захлопали, и золотая пара слегка поклонилась, словно застенчивые дети, и в конце концов растворилась в толпе. Знаешь, сынок, – глядя снизу на Гарри, в глазах намеков на слезы, лицо смягчили нежные воспоминания, – в октябре твой

дед и я были бы женаты пятьдесят лет, если бы он еще был жив, упокой Господи его душу.

Гарри мельком ей улыбнулся, затем взял ее полупустой бокал и вместе со своим поставил на стол. Ладно, бабуля, давай потанцуем. Они направились к тем, кто танцевал, и мистер и миссис Уайт сияли от гордости, наблюдая, как пару поглотила толпа; затем они тоже пошли танцевать.

Казалось, всякий раз, когда Гарри отставлял пустой бокал, кто-то давал ему следующий, и он становился все свободнее, свободнее и свободнее. И бабушка тоже. Половина коктейля ударила ей прямоком в голову, и она танцевала – ну, как бы танцевала – со старым другом, брыкаясь и вихляя бедрами в путаной версии бруклинского канкана. Гарри присоединился к остальным, включая родителей, которые хлопали, наблюдая за ее танцем, но через несколько минут она остановилась с продолжительным фuuуууууууууууууу, и села, наслаждаясь смехом и вниманием.

Гарри бродил среди гостей, расчетливо потягивая выпивку, медленно, не желая отставлять пустой бокал и получить очередной полный. Алкоголь уже сказывался, и Гарри предпочитал осторожничать. Он затушил сигарету в пепельнице на кофейном столике, а выпрямившись, почти рухнул в объятия женщины, на которой алкоголь более чем сказался. Когда он ее толкнул, она инстинктивно вытянула руки и обняла его, не дав ему упасть, а Гарри держал ее подмышки. Когда они закончили со своими, ооой, извини... осторожней... с тобой все в порядке? и перестали раскачиваться взад-вперед, Гарри убрал руки, но она так и держала его за плечи. Ну и ну, прости, пожалуйста. Надеюсь, я тебя не помяла.

Нет, нет. Все в порядке, – улыбаясь, – никаких проблем.

Как тебя зовут? – склонив голову набок, глядя ему в лицо, губы слегка приоткрыты.

Гарри. Гарри Уайт, – отвечая на ее улыбку и взгляд.

А меня Джина. Джина Логан. Вообще-то я Джина Мерретти, но это было давно, – взмахнув рукой. Можешь звать меня Джина.

42

Рад познакомиться, Джина, – кивая и улыбаясь.

Гарри, – смотрит насмешливо, – не так уж плохо.

Спасибо, – смеясь.

Может, потанцуешь со мной, Гарри? Давай.

Ладно, почему нет? – пожимая плечами, затем кладя ладонь ей на спину, и они осмотрительно влились в группу танцующих.

Гарри на Джину сделал стойку, точно собака Павлова, мгновенно проанализировав и оценив Джинины атрибуты. Пожалуй, за сорок, чуть за сорок, но на вид – лет на пять моложе, или и того больше, хотя она явно слегка перебрала, и это изменило ее внешность. В общем и целом, она ничего – ее левая рука прилипла к его загривку, влажная, теплая и живая, и его глаза одобрительно блуждали по ее сиськам, выглядывающим из низкого выреза платья. Он попытался проникнуть в темноту между ними, но не смог, поэтому прибег к фантазии и опыту, мысленно сконструировав округлость и полноту ее сисек, а также розовато-коричневый сосок посередине. Лет двадцать назад пиздатая была итальянка – его ладонь лежала на ее голой спине, его щеку гладили ее черные волосы, – и у нее по-прежнему тот же взгляд и задница – и, о боже, ее щелка была горяча, терлась о его

промежность, когда Джина переступала с ноги на ногу. Он шеей чувствовал холод, металлическую безопасность ее обручального кольца – он знал, где-то между пышными грудями есть парочка черных волосков, и он с радостью вырвал бы их зубами, – ты хорошо танцуешь, – глядя на него, полуприкрыв глаза, полуоткрыв рот, – мне нравится, как ты двигаешься, – он приоткрыл ее «молнию», его рука проползла вниз по спине, под трусики, к славной круглой попке, он сунул руку между ягодицами, чувствуя бусинки пота и как ее задница трет его руку, а он крепко прижимал ее к себе, – с тобой легко танцевать. Я прямо плыву. Мой муж не танцует. Раньше изредка танцевал, а теперь совсем нет. Говорит, что слишком устает. Что ж, видимо, он много работает (не так много, как мой член). Но иногда и поразвлечься нужно, – подняв на него глаза, открыто приглашая, – если ты понимаешь, о чем я. Ага, – улыбаясь и кивая, – понимаю. И вообще, кто знает, чем он там сейчас занят в своем Покипси? (ПОКИПСИ! Срань господня!) Что он там забыл? – по-настоящему, правдиво удивляясь. Дела. Вечно дела.

Музыка неожиданно прекратилась, и Гарри осознал, что у него стоит. Его это не смутило, но здесь не та вечеринка, где можно завести ее в туалет или подвал и по-быстрому кинуть палку, и не то чтобы он особенно любил по-быстрому, он оставил это дело вместе с юностью, но алкоголь сказывался, твердый член настаивал, и перед Гарри молнией пронеслась картина: задний двор и огромное тенистое дерево. Он высвободил локоть из ее пальцев и извинился. Вернусь через минуту. Он пошел в ванную и запер дверь, плеснул в лицо холодной воды. Может, мне лучше холодный

душ принять, хахахаха. Он вытер лицо, посмотрел в зеркало, затем на свою промежность, затем опять в зеркало. Ну что же, я думаю, все под контролем. Иисусе, вот бы трахнуть эту бабу.

44 Он вышел из ванной и постоял, озирая комнату, пока в углу не увидел Джину и еще каких-то людей. Она стояла боком, и свет будто мерцал на округлости ее задницы. Он накренился к ней – у твердого члена совести нет, – затем неожиданно развернулся и пошел к бабушке, и сел рядом с ней.

Как дела, старушка?

Ой, просто прекрасно, сынок. Как в старое доброе время. Так приятно видеть столько старых друзей и смотреть, как молодежь веселится.

Такие же проказницы, как ты? – улыбаясь и краем глаза поглядывая на Джину, размышляя, стоит ли хоть попытаться на потом взять номер ее телефона. И еще размышляя, как именно Джина связана тут с остальными и кто сможет вычислить, если он стянет с нее трусы, и что тогда произойдет. Его предки, наверное, помрут от унижения и...

Давай, Мэй, сейчас мой танец. Старый друг – много долгих дружеских лет – стоял перед бабушкой, вытянув руку.

Ну что ж, хорошо, Отто, если настаиваешь, но тогда уж помоги мне из кресла выбраться. Отто тянул, Гарри толкал, и все смеялись.

Краешком глаза косясь на Джину, Гарри наблюдал, как они танцуют. Он улыбался и пылал внутри, глядя, как они движутся, слегка одеревели – возраст не тот, – однако благородно, как они танцуют друг с другом и своими воспоминаниями.

Он смотрел и улыбался, но его глаза постепенно и неумолимо отклонялись к Джине, пока танцующие не стали пятном в уголке глаза, а

разум словно озарялся светом, отражавшимся от Джининых задницы и сисек, а она – Иисусе, она не только чья-то дочь, она, вероятно, чья-то мать. Эх. Нехорошо. Плохие новости, чувак. Отложим эту фигню. Старики будут в шоке. Забудь!

Гарри принялся подпевать звучавшей старой балладе и сосредоточился на танцующих и на людях вокруг. Когда бабушка плюхнулась в кресло, вздыхая и смеясь, он взял ее руку в свою, поцеловал и держал крепко, но нежно. Ты была великолепна, бабуль. И впрямь умеешь каблуки отбивать. Они засмеялись. Гарри любил бабушку и поразился, вдруг осознав, что однажды – возможно, скоро – она умрет. Он снова поцеловал ей руку.

Когда миссис Уайт предложила уйти, – мама устала, и поздновато уже, ты как думаешь, мама? Да, дорогая, конечно. Я, наверное, слишком стара, мне уж скоро с клюкой ходить, не наклюкаешься, – улыбаясь им и наслаждаясь своей шуткой, – она спросила Гарри, не отвезет ли он их домой? Разум Гарри поглотила Джинина задница, он плотоядно косился на нее, кончиками пальцев чувствуя пот ложбинки между ее ягодицами. А? Что? – запинаясь, спотыкаясь, секунду быстро поморгав, сосредоточившись на материнских словах – она повторила вопрос. А... А, да, конечно. Отвезем-ка старушку домой.

Улегшись ночью в постель, Гарри не опустил жалюзи на одном окне, и над углом дома виднелся кусочек неба. Гарри лежал на спине, вспоминая. Сцены и образы проплывали перед глазами, и не было нужды бороться, гнать из мыслей образ Джини. Гарри поглощали семья и теплый поток, что струился через него, будто ему что-то вкололи, и он вспоминал, как счастливы были

близкие: родители танцевали и смотрели друг на друга, бабушка смеялась и плакала, наблюдая, как ее друзья вальсируют на свою пятидесятую годовщину, – господи, старушка и впрямь просто нечто, – но образ, на котором он останавливался и который лелеял больше остальных, – образ матери, как она целует его перед сном, и счастье не только отражается в ее глазах, но просто искрится на кончиках пальцев. Спасибо, что пошел с нами, дорогой, у нас получился идеальный вечер. И бабушка была так счастлива. Да, сын, – хлопнув Гарри по спине, затем сжав ему плечо, – замечательно, что мы смогли провести весь вечер вместе. Целое событие. Да, еще бы, – улыбаясь родителям, пожимая отцовскую руку, затем целуя мать в щеку, – я повеселился на славу...

Гарри продолжал упиваться чувством, что возникло при воспоминании об этой сцене, зная, что осчастливил стариков, пока образы не начали путаться и угасать, потом он опустил жалюзи, плюхнулся обратно в постель и погрузился в безмятежный сон.

На следующий день, в воскресенье, Гарри прогулялся до «Кейси» и прибыл туда сразу после своих ирландских друзей, которые спешили с двенадцатичасовой мессы, чтобы успеть к открытию бара в час. Он немного потусовался там, затем отправился с парнями в кино. После фильма они пошли в «Фин-холл», небольшой танцзал по соседству.

Не успели они хотя бы стулья согреть, Гарри уже танцевал с женщиной, которая пришла с младшей сестрой и убивала время, пока муж в отъезде, на рыбалке. Несколько танцев, и Гарри

вернулся за столик, сказал ребятам, что увидится с ними завтра, и ушел с Ирмой.

Господи Иисусе, видали? Я еще не решил, с кем хочу танцевать, а он уже стягивает с девки трусы, – качая головой и глядя вслед Гарри с трепетом и изумлением.

Я тебе говорю, невероятный парень. Если в кабаке будет всего одна девка, которую можно закадрить, Гарри ее учует.

Ага, даже если она и сама не знает. Они смеялись и наблюдали с завистью, как Гарри прокладывает путь сквозь толпу вдоль стены, положив ладонь Ирме на талию.

По Ирминым подсчетам, у них была куча времени. Ее муж обычно возвращался часов в пять или шесть утра, но никогда раньше двух, да и в два всего однажды. Гарри еще кипел энергией радости, он швырнул одежду на стул и прямо-таки нырнул в постель с глухим грохотом и воплем, и набросился на Ирму, которая стояла у кровати, еще в трусиках, снимая лифчик. Он обнял ее за талию и поцеловал в поясницу, затем округлил губы там, где начинала чуточку вздуться плоть, и горячо подул на кожу. Ирма повизгивала, тяжело вздыхала, оооохала и стонала одновременно, Гарри одним рывком уложил ее в постель, она плюхнулась с ним рядом. Она обняла его, он поцеловал ее шею и затем сиськи и просунул кончики пальцев под ее трусики, пробрался через заросли к земле обетованной. Ирма раскачивалась и крутилась и изгибалась и хватала неистово голову Гарри и руки и плечи и спину и простыни и все остальное, чего касалась, барахталась и билась от этого неожиданного внимания.

И вдруг Гарри вспомнил как там еезвать, как она сидит на скамейке в парке и ждет его, – Мэри, да, точно, – и неожиданно захихикал, утопив лицо между Ирмиными сиськами. Ее левая рука запуталась в его волосах, и она слегка потянула. Ну и ну, большое тебе спасибо. Знаешь, мне бы посмеяться не помешало. Гарри посмотрел на нее и взаправду рассмеялся, и на лице его было столько радости, что Ирма тоже захохотала, – ничего смешнее в жизни не слышала, – откинувшись назад и мотая головой, хохоча, ее рука запуталась в длинных волосах Гарри, а его рука держала ее за короткие. Я тоже так считаю, – качая головой, глаза его слезились, и они так и лежали, руками в волосах, смеясь, и наконец Гарри перестал качать головой, глубоко вдохнул и набил рот ее сиськой. Это не только остановило его смех, но столь же успешно прекратило и Ирмин.

Время от времени Гарри думал о Мэри, и отчего-то ее отношение к мужу, та холодность, что явно царила между ними, и мысль о том, что Мэри сидит на скамейке и ждет его, и он это знает, все это держало его возбуждение на пике несколько часов. Когда Гарри наконец собрался уходить, ближе к трем ночи, Ирма валялась на кровати, наблюдая, как он одевается, и бормотала: господи, ну ты горазд трахаться. Тебе с мужем бы моим поговорить, дать ему парочку советов.

А что, я с радостью, – смеясь и в последний раз одергивая и поправляя одежду. Может, зайду на той неделе, сыграем в «Монополию». Ирма засмеялась, ослабшая, и слегка потеряла живот. Гарри помахал на прощание, выходя, и Ирма в ответ пошевелила пальцами.

Гарри постоял минуту на улице, вдыхая свежий воздух. После пары дней на рыбацкой лодке запах в спальне покажется ее мужу естественным. Гарри громко рассмеялся и зашагал по улице. Его шаг был упруг и бодр. Воздух и ночь освежали, в небе мерцала звезда, а вот еще одна. Прекрасная ночь, прекрасный мир. Пожалуй, лучшие выходные в его жизни... Ага, в чьей угодно жизни. Гарри был един с самим собой, своим ближним и Богом.

49

В понедельник утром толчая метро помогла Гарри разлепить глаза, ресница за ресницей: он висел на поручне и клевал носом на указатели, рекламу, лица, затылки, газеты, журналы и свое неясное отражение в окне. Высвободившись из рукотворного месива рук и колес, он поскорее зашагал к кофейне в своем здании и взял большую чашку кофе, с дополнительным сахаром, и ватрушку.

На самом деле, совсем неплохой был день. Работы Гарри хватало, но ничего непомерного от него не требовалось; он был молод и здоров и быстро отходил от ночи шалостей и скачек. В перерыве он на мгновение подумал о кактамеезвать – выяснить бы, сидит ли она на скамейке, ждет ли, но был не в настроении. Вместо этого он спустился на обед и просидел в вестибюле, растянувшись в кресле и давая отдых глазам цвета пожарной машины.

Остаток дня прошел довольно быстро, с учетом обстоятельств, и Гарри протолкался домой, и провел тихий вечер с родителями перед телевизором, что их осчастливило, и рано ушел спать. Мало что сделано сегодня, но завтра мы зададим жару.

Ах да, завтра хороший день, сегодня, вторник.

Образовательная поездка на работу, чуть-чуть почитал «Дейли Ньюс» – спорт и четвертую полосу, – еврейскую «Дейли Форвард», «Инкуайер», «Ла Пренсу», «Таймс», «Ньюсуик», «Нью-Йоркер», «Мэд Мэгэзин», Гарольд Роббинс, Альбер Камю (Камю в восемь утра в переполненном метро?), «Леди Клерол» (красит она волосы или не красит, знает наверняка только ее гинеколог)¹, немнущаяся коробка (хम्म, вот это интересно) и темно-коричневая родинка – из нее растут минимум пять жестких черных волосков, торчат антеннами, и неизменный кашель, и поперхивание. Из дыры в земле Гарри явился настоящим космополитом, пережившим тоннель мрака. Постоял минуту на углу, среди гудков, и сигналов, и мелькания, и спешки, тяжело дыша, и отправился на бой с гигантами индустрии.

Энергичное утро, и несколько не столь уж запутанных проблем решены, и затем звонок на обед, в пустом желудке урчит. Обед. А что у нас с кактамеезвать?

Привет, как дела? – улыбнувшись и слегка поклонившись.

А, привет, странный, – брови вопросительно приподняты, – вот так сюрприз.

Не против, если я сяду?

Это свободная страна и общественная скамейка.

Гарри сел рядом, обед на коленях, усмехнувшись про себя очевидной враждебности и ее причинам. Хорошо дома, я тебе скажу, – Мэри покосилась с подозрением, – после такой работы.

---

¹ Имеется в виду домашняя краска для волос *Clairol*; «Красит она волосы или не красит?» – ключевой слоган ее рекламной кампании.

Ты уезжал? – явный проблеск надежды в голо-
се.

А ты как думаешь, почему я не пришел на наше
обеденное свидание? – улыбаясь ей в лицо. Ты
ведь не думаешь, что я забыл, правда? Она почти
сконфуженно пожала плечами. Только ушел отсю-
да и сразу получил неожиданный экстренный вы-
зов, пришлось лететь в Чикаго.

Правда? – ее лицо смягчилось в улыбке, – и ты
только вернулся?

51

Вчера поздно вечером. Я бы позвонил тебе в
контору, но я, конечно, не знал, на кого ты рабо-
таешь.

А, да это не важно. Я же все равно тут обычно
сiju, – улыбаясь, напряжение отпустило плечи.

Вот и славно, – нежно сжать ее колено, укусить
сэндвич, улыбнуться.

Ветерок потеплел, и отражения в озере добро-
желательны, как и птицы, что летали и скакали
вокруг, и случайная белка промчалась мимо, за-
мерла и сморщила нос. Восхитительный день,
восхитительное время болтовни, веселья и смеха,
восхитительные полтора часа. Гарри бросил бу-
мажный пакет в мусорный ящик, они с Мэри мед-
ленно прошлись по тропинке, и рука Гарри нежно
лежала у Мэри на плече. Он постоял на углу, пока
она не вошла в здание, затем понесся по Пятой
авеню в контору.

Опоздал на сорок минут. Бровь-другая вроде
бы слегка приподнялись. Он спешит к своему сто-
лу – кажется, он привлекает чуть больше внима-
ния, чем обычно. Может, за закрытой дверью на-
чальственное лицо исказилось в хмурой гримасе?
Ну что ж, если и так, скоро гримаса исчезнет. Не
повесят же его за то, что пришел на несколько ми-

нут позже. Он сделает свою работу без проблем, и это больше не повторится. Так что сотри эту гримасу и расслабься. Все в порядке. У меня все под контролем. И вообще, жизнь – просто миска с ягодами.

Назавтра обед был еще восхитительнее. Враждебность не мешала, и оба они были раскованы и бодры. Гарри хотел наверняка вернуться в контору на несколько минут раньше и открыто глядел на часы, говоря Мэри, что ему обязательно нужно вернуться в контору к двум, он ждет очень важного звонка из Чикаго, насчет того экстренного вызова, из-за которого я туда мотался.

Что это вообще за работа такая важная? Ты так и не рассказал, о чем речь вообще.

Ну, просто система координирования нескольких национальных и международных коммуникационных систем в одну сеть для передачи телеметрических данных и фиксированные...

Ладно, ладно, – засмеявшись и замахав рукой, – забудь. Он засмеялся вместе с ней и свернул байку, но продолжал поглядывать на часы.

Поглядывание на часы было не притворством, но необходимостью. Он так наслаждался своей игрой, что мог, как вчера, совершенно забыть о времени, а этого он не хотел. Игра с Мэри распалила внутри возбуждение, острую боль ожидания и предчувствия, но Гарри не хотел ради этой игры рисковать своей работой, как бы сильно ни любил играть.

Гарри Уайт вернулся в контору почти на пять минут раньше и самодовольно уселся за стол, нарисовав на хмурых вчерашних лицах улыбки одобрения.

Часть игры с как-там-ее заключалась, естественно, в том, чтобы ее помучить. И чем больше она мучилась, тем сильнее возбуждение, тем острее ползучая боль, тем скорее эта боль расплзалась кругами, волнами по телу, достигая кончиков пальцев.

И, разумеется, чем больше она мучилась, тем нетерпеливее становилась. Он хотел, чтобы она ерзала, и она уже ерзала, неловко ища способ сказать ему, что хочет увидаться с ним снова, и не только за обедом; пытаясь выяснить, где он живет (сегодня спросила, сколько времени он тратит на дорогу в подземке, и он ответил, что ездит на автобусе, минут двадцать), и что он делает в свободное время, и куда он ходит и с кем...

Гарри с легкостью отражал опасные вопросы, хотя признал, что не женат, и, как и предполагалось, это ее обрадовало. И с каждым вопросом Гарри разжигал ее любопытство, поэтому их трапезы у озера или короткие прогулки по берегу для Гарри были полны веселья, игр, возбуждения и отдыха. И Мэри тоже, очевидно, нравились эти встречи. Возможно, даже больше, чем Гарри, и явно иначе и по иным причинам.

И еще одно, тоже важное, помогало Гарри тянуть эту игру до бесконечности – нечто такое, чего раньше с ним не бывало: ему нравилось с ней болтать, по крайней мере, то краткое время, что они проводили вместе. А время это никогда не превышало нескольких часов в неделю, потому что одно из условий игры Гарри – никогда не видеться с ней больше двух дней подряд и больше трех дней в неделю. Несколько недель, и игра стала игрой, а Гарри – плюс к прочим своим целям – просто хо-

тел выяснить, как долго сможет еще продолжать игру... или, пожалуй, точнее – как долго захочет ее продолжать. Ну да ладно, только время ответит на этот вопрос. Только время, счастливое время, покажет, когда Гарри позволит своей кактамеезвать совратить его. Ах да, я вам вот что скажу, до чего приятно наблюдать, как в Центральном парке весна постепенно соскальзывает в лето, с каждым днем все больше листьев на деревьях и кустах, а в ее глазах – все больше желания. Ну да – и Гарри знал, что это правда, Нью-Йорк – и впрямь праздник лета.

И он был праздничным у озера в Центральном парке, – Мэри все больше говорила о муже и о том, как недовольна и разочарована браком. Гарри благоразумно удерживался от нападок на ее мужа – Мэри стала бы заступаться за него, вспоминать, что в нем есть хорошего, – но Гарри перестал его защищать, выдвигать оправдания и/или объяснения его поведению, недостатку заботы и внимания к ней. По сути, он просто слушал, симулируя участие, а Мэри признавала, что муж ее – придурок, самодовольный сукин сын. Он никогда, ни разу, не сидел и не слушал меня... как ты, – Гарри изображает надежную опору и понимание, – он просто включает телевизор или выходит из комнаты, а если я иду за ним и пытаюсь заставить его меня выслушать, если я пытаюсь объяснить ему, что я человек с чувствами, потребностями и все такое, он говорит, что я тупая баба, и уходит из дома с парнями. Оххх, – взволнованно качая головой, – порой мне кажется, будь у меня пистолет, я бы его пристрелила.

О, ты бы этого не сделала, – заботливо касаясь ее руки, – ты бы просто села в тюрьму и лишила

меня, да и весь мир, своего общества. Мэри улыбнулась Гарри, затем нахмурилась вдруг, когда он сказал, что ему жаль ее мужа.

Тебе его жаль? Он гуляет с парнями, приходит и уходит, когда ему вздумается, заглатывает еду, над которой я корячусь, рыгает мне в лицо и смеется. Вот так вот. Уходит, куда он там уходит, ни спасибо тебе, ничего, и оставляет меня одну с тарелками. Посмотрим, буду ли я еще потеть над плитой, как служанка. Ему повезет, если хоть ужин перед теликом получит.

55

Ты не понимаешь, о чем я, – с улыбкой похлопав ее по руке, – я имею в виду, это стыд и срам, что он лишает себя невероятного удовольствия и наслаждения слушать тебя и наблюдать, как пляшет свет в твоих глазах, когда ты волнуешься.

О, ты по правде думаешь, что это наслаждение – меня слушать?

Ну конечно, – хмыкнув и посмотрев ей в глаза, – с чего бы мне врать?

И игра продолжалась, а Гарри все больше возбуждался, видя пыл Мэри. Порой нос его, казалось, подергивался, чуя суку в течке, так что комбинация в его игре, а также мучительная борьба Мэри с собой и невнимание ее мужа убедили Гарри, что игра должна скоро закончиться. По крайней мере, нынешняя стадия.

И тогда в Милом, Милом Месяце Мае, хотя был уже июнь, Гарри откликнулся, наконец, на уловку Мэри. Они сидели на своей скамейке, болтая, Гарри доел сэндвич и комкал бумагу, и тут Мэри нагнулась и смахнула крошки с его колен, особое внимание уделив упрямой крошке на верхней, внутренней части его бедра. Гарри внутри как бы защебетал и слегка прижал ногу к ее руке, накрыл

ладонью ее руку, сильно ее поглаживая и пристально глядя Мэри в глаза, – чуть сощурившись, капельку расширив ноздри. Он почувствовал, как ее рука дернулась, когда кончик его языка протиснулся меж его губ.

Мы не можем так дальше продолжать, Мэри, – одна его ладонь медленно соскальзывает с ее руки, другая тянется к ее затылку, гладит. На секунду глаза ее закрылись, она отдалась его руке, затем глянула из-под полуопущенных век (Иисусе, да эта сука меня хочет). Что будем делать?

Гарри просто пялился ей в глаза, наслаждаясь игрой и надеясь, что не расхохочется.

Когда? – придвигая голову к его руке, Гарри про себя хихикал, упиваясь маленькой победой – он заставил ее спросить. Он еще чуть сдавил ей затылок, и глаза ее на мгновение закрылись, а тело покачнулось от удовольствия.

Завтра вечером, после работы.

Она кивнула, раскачиваясь вместе с его рукой. Я скажу мужу, что пойду прогуляюсь с девочками из конторы. Гарри кивнул – в голове прямо чечетка, – прикрывшись улыбкой, словно зонтиком, – интересно, что она скажет, когда завтра днем он объявит, дескать, планы изменились. Ах, завтра... новый день, новый трах... хахахаха, почему нет? Я тебе расскажу про завтра: то, что про него говорят, – это неправда. Оно действительно происходит. Всегда приходит. Хаха, ну и я тоже. А Мэри, Мэри? Ты очень упряма?¹ Хо-хо. Почему нет? Я уверен, она придет... если я ее приглашу... хахаха, приходи же, дорогая. Эй, Луи, приходи еще на ри-

---

1 Здесь и далее в этом абзаце – цитаты из английского детского стихотворения «Мэри, Мэри, у нее все не так, как у людей» (*Mary, Mary, Quite Contrary*).

совый пудинг. Уж пожалуйста. Ага, завтра новый день... сопли-вопли и давай-давай. Пробежаться вприпрыжку по тропинке, где все милые девушки в ряд. Ничего она не упряма. Хахаха. Зав-тра – новый день...

И что за дурные вести ты ей принесешь? Вести о боли или радости? Ах да, боль или радость? Как ответить? Взмахнуть рукой? Пожать плечами? Кивнуть? Или лучше ответить этой тварью из тварей, вопросом на вопрос? Изволь – вопросом. Как колотится ее сердце? Как участилось дыхание? И скажи мне, не стучит ли, не бьется ли в венах ее пульс? И как содрогается сочный Венерин бугор меж мягких бедер? Конечно, стучат стуки и бьются биения, и содрогания копошатся в ее плоти. Я скажу вам, что я принесу предвкушающей деве – радость боли и боль радости...

57

Ага, ты чертовски права. Прямо по жопе, по влажной и голодной жопке. На следующий день Гарри рано ушел из конторы и встретил Мэри на углу. Том, что ты здесь делаешь, я...

Мэри, мне нужно с тобой поговорить, – хватая ее за руку и таща по улице.

Мэри посмотрела на него, озадаченная и удивленная. В чем дело? Ты такой напряженный, и... встревоженный. (Ага, очень хорошо, доктор Уайт. Несколько минут сохраняйте такое лицо, и мы снова на коне.)

Мне позвонили из Чикаго час назад, я сегодня должен туда лететь.

Ой, нет! Только не сегодня, Том, – свет медленно гаснет в ее глазах. И я понятия не имею, насколько там застряну, – тревога смешалась теперь с безумием отчаяния... и голодом. Он пристально

взглянул в ее потускневшие глаза. Предпоследняя стадия игры. Через несколько минут она сбросит одежду и с жадностью потянет его на себя.

Мэри ответила на его взгляд, потом через дорожку увидела вывеску: «ОТЕЛЬ РОСКОШНЫЙ». Том, смотри, и он повернулся, посмотрел на вывеску, затем вновь в ее сияющие глаза.

58

О, и много-много птичек запекли в пирог¹ и все такое. Эта телка была голодная, взаправду голодная. Такая голодная, что Гарри испугался за свою жизнь и на секунду не только пожалел обо всей игре, но почти взмолился об избавлении. У них было мало времени (гораздо меньше, чем она думала), и когда первый раунд закончился, они не успели выкурить сигарету и поболтать, они хотели получить как можно больше (О, это смешно, настоящая хохма), и она принялась пожирать его член, и Гарри мороз продрал при мысли, что она какая-нибудь каннибалка, съест его, без шуток, но когда он завопил, она извинилась, и ее застольные манеры улучшились, и Гарри облегченно вздохнул и взмахом руки пожелал ей *bon appetit*².

Времени мало, желаний много, но из того, что имелось, они выжали все, что могли. А имелось, учитывая обстоятельства, довольно много. Они определенно не были разочарованы своим *l'Après-Midi d'un*³ *ебарея*. В конечном итоге, когда время, а также трудовая сознательность вторглись в их торопливое соитие, они оставили кровать и стол

---

1 Цитируется английское народное стихотворение «Песня за шесть пенсов» (рус. пер. «Птицы в пироге», *Sing a Song of Sixpence*), пер. С. Я. Маршака..

2 Приятного аппетита (*фр.*).

3 Зд.: полуденным отдыхом (*фр.*).

(Жаль, что тебе нужно есть и бежать. [О, вот это ничего себе.]) и отправились под душ.

Душ был большим – плоская головка разбрызгивателя торчала из стены над ванной, – и оттого казался открытым. Они намыливали и терли друг друга, и время от времени мыло в руке Гарри скользило вверх, с глаз долой, и вскоре они осознали, что время и работа подождут еще немного, и Гарри помог Мэри улечься в ванне и четко свою деву оседлал – вода падала и разбрызгивалась о его спину и звенела о ванну, и он выпевал свой трах, а его большой палец застрял в стоке. Когда песнь окончилась (но мелодия еще держалась), они оба растянулись на спине, вода шлепалась на них, и они скользили вверх-вниз в ванне, смеясь.

59

Но, увы, ход времени неумолим, и потому очистительный летний дождь выключен, и тела живо вытирались крошечными полотенцами. Когда оба высохли, Гарри взял у нее полотенце, его руки медленно скользнули по ее телу, он глядел ей в глаза, потом прижал ее к себе, тычась носом в ее волосы и шею. Ты великолепная, женщина, Мэри, – и поцеловал ее в плечо, в шею, в губы.

О, Том, – глаза ее закрыты, она раскачивалась в экстазе, – мой дорогой Том, я люблю тебя. Оба не отреагировали на это заявление, но Гарри еще несколько секунд целовал ее, потом они оделись и пошли исполнять свои обязательства перед работой и временем.

Когда они расставались на углу, Мэри посмотрела на Гарри, и ее глаза пылали и мечтательно мерцали. Ты ведь придешь в парк, когда вернешься, правда?

Конечно, – нежно улыбаясь. Он сжал ее руку. До свидания, Мэри.

Пока, Том.

60

Гарри направился в контору, зная, что ему не придется проверять, сидит ли она у озера, ждет ли. Она будет там, еще долго будет. И кто знает, может, в один прекрасный день он и вернется. Ага... когда снова захочет обед в коробке, хахахаха. Но она в порядке, эта телка, во всяком случае, пока голодная. Чертовски голодная, она умирала от голода. Но аппетит у нее ненасытный. И не для старого пердуна. Любовь. Ага, вот что ей нужно. Немного нежной любви и заботы. Капельку привязанности и понимания. Держу пари, она могла бы быть отличной женой – но не мне. Жалко, мы могли бы славно пообедать (раз или два), но это в перерыв. Хотя она, вероятно, изменилась бы, чуточку насытившись, несколько раз наевшись вдоволь.

Что ж, все равно – конец сей сценки. Отлично поебись. Рад, что она не разнюнилась. Нормальная телка. Наверняка впервые наставляла рога своему старику. Интересно, что он подумает, когда она придет вечером домой, а у нее кожа пылает и глаза? Вероятно, он и не заметит. Наверное, козел какой-то. Может, она права, и он просто говнюк. Но жопу на отсечение дам, что через пару недель этот пыл угаснет. Бедная сука. Жаль ее как-то. Вероятно, проклянет мою задницу... Но однажды меня поблагодарит. По крайней мере, теперь она знает, что не должна сидеть дома и ждать своего старика. Теперь она знает, что может вечером тоже гулять с парнями, хахаха... Ага, я, видимо, сэкономил ей массу времени и избавил от кучи проблем. Кто знает, сколько времени до нее бы доходило, что она тоже может ходить налево. Гарри вышел из лифта, махнул рукой барышне

в приемной и прошагал к своему столу. Не успел он сесть, как рядом уже стояла секретарша мистера Уэнтворта. Где ты был?

Ходил обедать. А что, ты по мне соскучилась, Луиза?

Нет, но вот мистер Уэнтворт соскучился, – Гарри посмотрел на часы, – и был очень злой, когда уходил.

Господи, уже так поздно, а?

Откровенно говоря, я удивляюсь, что ты вообще вернулся, – или это ты уже с утра пораньше? – тихо посмеиваясь.

Спасибо, мне бы так веселиться, – хмуря брови. Чего он хотел?

Данные для проекта «Комптон и Брисбейн». Мы почти всё нашли у тебя на столе, но расчетов, распечатки и еще каких-то вещей не доставало.

О боже, – ликование иссякло, – они вот здесь должны быть, – открывая ящик, вытаскивая блокноты и папки, кладя их на стол. Зачем они ему сейчас, – наспех собирая бумаги, – он сказал, они понадобятся завтра.

Очевидно, планы внезапно изменились, – пожимая плечами, – и ему пришлось встретиться с клиентом сегодня днем. Ты лучше их подготовь – он сказал, что позвонит, если они ему потребуются. Он думал, что... О, телефон.

Луиза ушла, а Гарри продолжал ворошить бумаги, надеясь – почти молясь, – что мистер Уэнтворт не позвонит. Его вдруг затошнило: а вдруг это мистер Уэнтворт сейчас звонит? Он повернулся и посмотрел на Луизу – та кивала и что-то записывала. Он попытался привлечь ее внимание – взгляд напряженнее, – но она всё слушала и делала пометки. Внутри поднялась сумятица, кости и плоть

от страха будто свернулись в узел. Христа ради, Луиза, да посмотри сюда, ну же. Гарри почувствовал, как задергались пальцы на ногах, заслезились вытаращенные глаза. Черт подери, – крепко сжав челюсти, – это он звонит????

62

Луиза положила трубку, посмотрела несколько секунд в свои записи, затем увидела, что Гарри усталился на нее. Секунду смотрела, не понимая, что это с ним такое, затем поняла, почему он пятится, улыбнулась и покачала головой. Гарри внезапно отпускает, словно отсрочку дарят, но затем он понимает, что она недолговечна, как будто его в последний момент забрали из газовой камеры, но уже отправляют на виселицу. Он покачал головой. Господи Иисусе, да что происходит? Это безумие. Он посмотрел на бумажный бардак, потом закрыл глаза, глубоко вдохнул и решил сбавить обороты, не нервничать и приготовить бумаги. Поглядел на них с минуту, затем аккуратно и методично начал собирать как надо.

Луиза остановилась у его стола по пути к выходу. Ты, похоже, собираешься тут всю ночь просидеть.

Ну, я подумал, мне, наверное, лучше задержаться, – застенчиво и смущенно, – просто на случай, если позвонит мистер Уэнтворт.

Не думаю, что он теперь позвонит, раз уж до сих пор не позвонил.

Да, ты, наверное, права. Я тогда сворачиваюсь. Спокойной ночи, Гарри. До завтра.

Ага. Спокойной ночи. Гарри привел в порядок стол и приготовился уходить, но решил остаться до половины шестого. Он чувствовал, что, если останется на эти лишние полчаса, все уладится, сотрется все, что сегодня произошло.

Произошло???? Да, а что, к чертовой матери, произошло? Что это вообще за хрень собачья? Свою работу я делаю. Что им еще от меня нужно? Господи, можно подумать, я кого-то убил или типа того. Это что, был всего один день? *Боже мой*. Как будто несколько лет прошло с тех пор, как я стоял на углу и ждал кактамеезжать... Что-то странное. Просто в голове не укладывается. Один день... Я хорошо работаю. Они не имеют права так на меня наседать. Вот поебень. Будь я проклят, если знаю, в чем дело, но что-то явно не так.

63

Он ушел из конторы и прогулялся несколько кварталов по Пятой авеню – в мозгу вертелись образы и слова, – затем сел в автобус и проехался до Сорок второй. Там вышел и побрел на запад к Таймс-сквер. Толпы непривычно угнетали, уши побаливали, словно за ними давило, словно их вот-вот проткнут пестиком для колки льда, и будто большие пальцы жали на глаза.

Он остановился у «Гранта» и взял пару хот-догов и бульон из моллюсков, затем продолжил путь по Сорок второй, пока не завернул в кино-театр. Гарри не понял, что происходит на экране, но кино помогло избавиться от головной боли. Он столько раз пересмотрел тот день, отчаянно пытаюсь составить из событий некое подобие смысла, что постепенно вымотался вконец, а события на экране вобрали в себя достаточно с поверхности разума, чтобы избавить от давления.

Через несколько часов он вышел из кинотеатра и поехал домой. Время от времени лязг поезда словно говорил «Комптон и Брисбейн», «Комптон и Брисбейн», и Гарри приходилось трясти головой и сосредотачиваться на людях в поезде или на рекламе, пока шум не превращался в обычный клик-клак.

Наутро Гарри приехал в контору пораньше, чтобы наверняка быть там, когда явится мистер Уэнтворт. Гарри перепроверил папки «Комптон и Брисбейн», дабы удостовериться, что они готовы, затем попробовал заняться другой работой, но не смог сконцентрироваться и непроизвольно по-сматривал на дверь, а его правая ступня все подпрыгивала.

64

Он не хотел, как обычно, жевать ватрушку и пить кофе, когда войдет мистер Уэнтворт, так что кофе с ватрушкой пропустил, и теперь ему хотелось чем-то смыть металлический привкус во рту и утолить злобный голод в животе. словно каждый орган зудел от дурного предчувствия – даже кончики волос. Гарри попытался приклеить к лицу маску глубокой и абсолютной сосредоточенности, но почувствовал, что кожа вот-вот треснет.

Слава богу, Уэнтворт наконец пришел. Гарри чувствовал пульс в висках и пот на груди и под глазами; чувствовал, как сердце колотится в глотке, а желудок крутится и сжимается. Гарри взглядом проследил за мистером Уэнтвортом, готовый улыбнуться, если тот оглянется, но мистер Уэнтворт просто зашагал в свой кабинет.

Потом Гарри ждал... и ждал... бесконечные минуты. Невероятно, что время может двигаться так медленно, а Гарри может так мутить. Приходилось постоянно сглатывать тошноту, невидимые пальцы все сильнее давили на глаза. Он сидел и ждал, когда мистер Уэнтворт его вызовет, – нога прыгала сама по себе, вся сила разума сфокусировалась на контроле сфинктера. Кожу словно обливали жидким свинцом, и он знал, что в любую минуту может вскочить, кричать и кричать, кричать, и с большим трудом снова и снова проглатывал свой

крик вместе с тошнотой. Пот жалил поясницу, пальцы на правой ноге сводила судорога, и когда звонок наконец провизжал ему в ухо, кожа чуть не отделилась от костей.

Зайдите ко мне, Уайт. Гарри сам не поверил: когда он поднялся, у него закружилась голова. Что, черт возьми, не так? Сумасшедший дом. Он попытался состроить серьезную деловую мину, однако разум и тело так ожили и зашевелились от эмоций, что он не имел ни малейшего понятия, как выглядит, но знал, что чувствует себя прокаженной овцой, ведомой на заклание. Он был настолько потрясен – не только самими чувствами, но также и тем фактом, что их испытывает, – что еле добрался от своего стола к кабинету мистера Уэнтворта. Гарри снова попытался натянуть маску самоуверенности и вошел.

Ну вы нашли время слинять, Уайт!

Простите, мистер...

Басни можете пропустить. У меня на них нет времени. К счастью, я смог их уговорить, что им не нужны данные, которых у меня вчера с собой не было, так что контракт мы не потеряли, но, – в Гарри прогрохотал вздох, – вашей заслуги в этом нет. Однако время покажет. Значит, вот те данные, что я вчера взял, – швырнув на стол пару папок, – соберите всю информацию как надо. Я собираюсь встретиться с ними на следующей неделе. Я вчера трудился как каторжник, чтобы устроить эту встречу, так что вы уж постарайтесь, чтобы все было готово. Понятно?

Да, сэр. Я...

Я продиктую миссис Уиллз подробные заметки, и она даст вам копии, когда перепечатает. Сведите в нашем заключении все основные факты.

Да, сэр, – кивая, – я...

Я хочу, чтобы этот проект был идеальным, чтобы он продавал сам себя. Понятно? Идеальным!

Да, сэр, – кивая и забирая папки.

И еще, – Гарри выпрямился и изобразил бдительность. С этими вашими дневными прогулками, – Гарри тяжело сглотнул и взмолился о выживании, – с ними покончено. Вам ясно? Покончено!

Да, сэр, – стоя как вкопанный, боясь пошевелиться.

66

Вы один из ярчайших молодых людей, которые у нас тут работают, – откинувшись в кресле, – но мне плевать на то, какой вы яркий, – вы не приносите корпорации никакой пользы, когда вас здесь нет. Вы меня поняли? Еле заметный кивок. Возможно, у вас тут великолепное будущее. У вас есть все задатки для того, чтобы дойти прямо до вершины... до самой вершины. Но – и это самое важное в жизни – вам нужно этого захотеть. Вам нужно захотеть этого превыше всего на свете. Это и есть ключ к успеху. Он доступен, но вам никто его просто так не подарит. Мы можем дать вам возможность, и это все. Вы должны работать. Ясно ли я выразился?

Да, сэр. Предельно ясно, – надеясь, что конец близок, можно рухнуть за свой стол и вздохнуть.

Хорошо. А теперь ступайте и делайте ту работу, на которую, я знаю, вы способны, и отдайте ее миссис Уиллз, когда закончите.

Он справился. Он сидел за столом, тело и разум постепенно, но неуклонно расслаблялись, дыхание становилось легче, и он просидел не одну минуту, недоверчиво качая головой – не веря – не веря, что смятение спадает, не веря, что он сам мог так реагировать. Он еще слегка дрожал от страха.

Решив, что сидит за столом достаточно долго, чтобы произвести впечатление на любого, кто может наблюдать, Гарри пошел в уборную. Он умылся холодной водой, сел на крышку унитаза – ненадолго, чтобы расслабиться. Ему хотелось раздеться, принять холодный душ и надеть сухую одежду. Через пару минут он кивнул, поднялся, пошел к своему столу и углубился в работу. Он мало что мог сделать по проекту «Комптон и Брисбейн» без Луизиних записей, поэтому занялся другим. За работой до него постепенно дошло, что ноги его подпрыгивают вверх-вниз и в промежности очень неудобно. Он незаметно опустил руку, почесал промежность, затем потер и осознал, что у него болезненный стояк. Неожиданно он вспомнил о Мэри и задумался, не пойти ли ему в парк – она будет там через несколько минут – и не повести ли ее в отель, но быстро отбросил эту идею. Он сегодня должен быть здесь, несмотря ни на что. Но Иисусе, ему охота. Раньше он никогда себя так не чувствовал. По крайней мере, он такого не помнил. Его распирало. Он попытался сосредоточиться на работе, но думать мог только о своей эрекции и зуде в промежности, и когда смотрел на бумаги, неизменно видел лохматый кустик Мэри и чувствовал плоть ее задницы между зубами или сиську во рту, и ерзал на месте, и наконец не мог этого больше выносить, и тогда виновато огляделся, встал, и пошел в уборную, и подрочил. Кончив, он сел на стульчак – штаны на лодыжках, голова удрученно опущена, по лицу струится пот, – сглаживая мерзкую и горькую тошноту, какой никогда раньше не испытывал, стараясь вспомнить, когда в последний раз мастурбировал, но безуспешно. Он виновато, покаянно покраснел и в недоумении покачал головой – откуда это все взялось?

Да ладно, хер с ним. Он встал и оделся, помыл руки, плеснул в лицо еще холодной воды, затем вышел пообедать.

Он потерялся – вместе с мыслями и чувствами, – в толпах на улице и в магазинах, потом съел сэндвич в кафе и опять выплыл с толпами. Он то и дело поглядывал на часы, чтоб наверняка вернуться по крайней мере на пять или десять минут раньше.

68

Он вернулся за стол изможденным и сконфуженным, но, по крайней мере, не боролся с наплывом незнакомых чувств и потому погрузился в работу. В середине дня Луиза отдала ему записи, он углубился в них на весь оставшийся день и, в сущности, был удивлен – приятно, – когда в пять Луиза постучала его по плечу и сказала, что пора домой.

Уже? Ну и ну, как время-то летит.

Да, особенно когда с головой зарываешься в работу, как ты сегодня. Знаешь, Гарри, – наклонившись чуть ближе, – мистеру Уэнтворту ты нравишься, правда. Он считает, ты самый яркий, самый приятный молодой сотрудник, который когда-либо работал в этой фирме.

Спасибо, Луиза, – на лице неподдельная скромность и признательность, – это радует.

Просто решила сказать, – улыбаясь. Спокойной ночи.

Гарри собрал бумаги и ушел из конторы. Он шагал к подземке, его шаг был легче и быстрее – словно целую жизнь назад он тащился по улице к автобусу и затем по Сорок второй. И вот причина: ему невероятно полегчало теперь, когда ужасающее столкновение с мистером Уэнтвортом состоялось, а выговор оказался мягок и краток. И,

разумеется, комментарий Луизы тоже пришелся кстати. Но на самом деле облегчение было второстепенным по сравнению с возбуждением, что было в ответе за быстроту шага и живость мышления.

Луиза сказала правду: он утонул в работе с головой. И это помогло. В конечном итоге это отодвинуло в сторону другие проблемы, что путались в мозгах, и он снова был смышленным и многообещающим молодым сотрудником. А еще точнее, в сознании не осталось ничего, кроме «Комптона и Брисбейна». Ближе к вечеру, незадолго до окончания работы, кое-какая информация в Луизиних записях сопоставилась с тем, что он помнил из предыдущих спецификаций, и он наспех проверил и черкнул несколько уравнений. Кажется, он нашел способ не только сэкономить время – возможно, неделю, – но также и деньги... Он не был уверен, но, возможно, несколько сотен тысяч долларов. В возбуждении он забыл о толчее и грохоте подземки. Ему не терпелось вернуться завтра на работу.

На следующее утро, не успел он допить кофе и доест ватрушку, эта новая идея поглотила его. К десяти утра он знал, что прав. Он остановился на минуту, собрал в нужном порядке бумаги и просмотрел проект с самого начала, чтобы точно ничего не пропустить и привести больше данных в подтверждение своей идеи. После обеда он готов был представить ее мистеру Уэнтворту.

Его снова ошеломило, как быстро меняются ситуации, – вчера его ужасал разговор с боссом, сегодня он с волнением предвкушал.

Он подготовил грубое графическое изложение своей идеи, с диаграммами, и выложил его перед мистером Уэнтвортом, и затем проговорил, шаг

за шагом, ссылаясь на цифры клиентов и таблицы спецификаций, а также на собственный опыт и квалификацию фирмы.

Думаю, вы правы, Гарри. Так оно и есть, это ясно как божий день. Мы сэкономим на первоначальных расходах от пяти до семи дней и как минимум несколько сотен тысяч долларов. И кто знает, сколько еще потом. Добавьте сюда наши преимущества, и никто не сможет с нами тягаться. Гарри, – похлопав его по спине, – вы хорошо справились. Я вами горжусь.

Спасибо, мистер Уэнтворт, – улыбаясь, – приятно это слышать.

Знаете, – старый мозг щелкает, – думаю, мы сможем сэкономить дополнительные деньги и время, подключив несколько процедур из нынешней задачи, и сделать то же самое для той, что будет в следующем году. В любом случае, пусть вас это не беспокоит. Валяйте, готовьте предложение, которое вы тут обрисовали, и мы в деле. Они улыбнулись друг другу, и Гарри собрал бумаги, и, когда он уходил, мистер Уэнтворт похлопал его по спине.

Следующие дни пролетели быстро, как летящая стрела, – во всяком случае, насколько быстро может лететь стрела сквозь жару и влажность нью-йоркского лета. Гарри провел выходные на Файр-айленде с друзьями посреди обычного безумия и истерии Файр-айленда. Гарри плавал, гулял по пляжу, бродил по пестрящим камышами дюнам, глазел на океан, барахтался в прибое, жарился на солнце, играл в волейбол, перенес шумную какофонию нескольких потасовок и трахнул пару телок.

На следующей неделе случилась пара срочных заданий, и Гарри снова с головой ушел в работу, и возбуждение вело его сквозь дни, поездки в метро и ночи, которые он проводил главным образом дома – смотрел телик со стариками или читал.

В конце недели мистер Уэнтворт принес подписанный контракт «Комптона и Брисбейна» и сказал Гарри, что хочет выбраться с ним куда-нибудь вечером в качестве небольшого знака признательности. Угощение на всю катушку, как будто вы перспективный клиент, – и улыбнулся Гарри, и слегка ему подмигнул.

Я не против, – ухмыляясь и кивая.

Они ждали девочек в номере «Плазы». Девочки прибыли в половине восьмого, и Гарри понял, что явно хорошо проведет время. Гарри, это Элис и... Черри. Я подумал, вы любите рыжих, и попросил Элис посодействовать.

Привет.

Здравствуй.

Привет.

Вообще-то я люблю всяких, – улыбаясь, остальные захихикали, – но должен признать, что Элис всё удалось.

Уэнтворт налил всем выпить, и они клацали кубиками льда и сидели в номере, ожидая, когда их разгорячит холодная выпивка. То был первый опыт Гарри с профессионалкой любого типа, членом Развлекательного комитета по связям с общественностью, ни больше ни меньше, – фракция раздевайся-я-хочу-с-тобой-поговорить, ложись-а-то-мне-не-слышно. Ну, это ведь шоу-бизнес, нигде больше такой бизнес не сыскать.

После стаканчика-другого они пошли ужинать, и Гарри присоединился к разговору, думая, как бы хорошенько кинуть палку этой Вишенке-Черри.

И он кинул. И не одну. Лучшая ночь, что была у Вишенки с момента вступления на общественно-полезное толковое (лобковое?) поприще. После ужина они обошли несколько ночных клубов и поиграли в «коленки» и «ущипни попку под столом», а затем вернулись в «Плазу».

72

К возвращению в отель Гарри уже довел себя до белого каления, поэтому не успела Вишенка толком раздеться, как он уже зарылся лицом в ее душистую промежность. Оторвавшись, чтобы глотнуть воздуха, он помог ей раздеться, и они резвились и скакали, пока не отправились спать-спатки баю-бай.

Утром Уэнтворт был весьма корпоративен: заплатил девочкам наличными и проверил карманы, дабы удостовериться, что ничего не забыл. Когда они стояли у обочины в ожидании такси, мистер Уэнтворт ткнул Гарри в плечо и скорчил лукавую рожу. Отличная ночка, да, Гарри? Отличная вещь. Надеюсь, ты не чувствовал себя не в своей тарелке.

Нет, все было хорошо, – улыбаясь и изображая лукавство, – ну, насколько я знаю. Уэнтворт засмеялся, и перед тем как закрыть дверь своего такси, сказал: увидимся ярким ранним утром в понедельник, Гарри.

Воскресный вечер Гарри закончил на танцах в Шипсхед-Бэй с друзьями и, как обычно, вскоре ушел с половиной супружеского брака, нижней половиной. Почти то же самое, за одним исключением: он уснул. Об этом ему стало известно лишь в понедельник утром: он изо всех сил жмурился,

потому что свет бил в лицо, и затем неожиданно понял, что не дома. Он огляделся, сообразил, где находится, и медленно вспомнил ночь накануне. Где-то в районе двух или трех Ольга (если ее так зовут) перекатила его на живот и принялась массировать ему шею и плечи – это последнее, что он помнил. Внезапно он сел и посмотрел на часы, затем выскочил из постели, торопливо принял душ, оделся, поцеловал Ольгу то ли в левую щеку, то ли в задницу, и ушел.

73

Он помчался домой переодеться, затем помчался к подземке. К тому времени как он нашел, на каком ремне повиснуть в поезде, он порядком запыхался, но не слишком беспокоился, что опаздывает, хотя совсем недавно ему пришлось выслушать мучительный выговор. В конце концов, после вечера в пятницу с Уэнтвортом не должно быть проблем. Если он спросит, почему я опоздал, я скажу ему просто, что был с телкой и часов не наблюдал. Но чтобы не усугублять, Гарри решил отказаться от кофе с ватрушкой.

Он добрался до конторы без малого в десять, и отчего-то ему показалось, что это замечательно – опоздать меньше, чем на час. Он видел, что мистер Уэнтворт уже в кабинете, но ни капли не смутился. Гарри сел за свой стол и открыл папку с проектом, над которым работал. Минут через десять позвонил мистер Уэнтворт, и Гарри поднял трубку. Да, сэр?

Уайт, есть время для игр и есть время для работы, и успешный человек их никогда не смешивает.

Щелк! Конец сообщения. Гарри понадобилось несколько секунд, чтобы отреагировать на тишину, строгий голос и щелчок все еще словно отдавались где-то в голове. Особенно щел-

чок. В нем, казалось, была такая завершенность. Окончателность. Он положил трубку и ощутил, как опустошительно скрутило нутро. Иисусе, неужели опять. Это безумие. Хорошо, плохо. Хорошо, плохо. Идиотизм какой-то...

Да ладно, хер с ним.

Не так уж и важно. Я просто возьмусь за работу, и очень скоро вся эта фигня пройдет – что бы это, к дьяволу, ни было. Он с головой зарылся в работу.

74

До конца недели он не высывал оттуда головы, сократив часовой обед до пятидесяти минут. Но потом срочность и неотложность исчезли, и вскоре он стал по-быстрому обедать и оставшееся время гулять по Пятой авеню и магазинам.

Время от времени, в сущности довольно часто, он думал о Мэри и об отеле «Роскошный». Она была ему не так уж интересна – заноза в заднице, и он старательно избегал озера в парке, – но те недели, конечно, как-то заполнили время. Однако еще он помнил, что случилось в тот день, и не хотел снова пройти через эту пытку. Ни за что на свете.

Так что Гарри бесцельно бродил по авеню и магазинам, неизменно сворачивая прочь от парка.

Однажды Гарри бродил по мужскому отделу магазина, и тут какая-то женщина резко повернулась и врезалась в него, уронив сумочку, – та раскрылась, и все высыпалось. Ой, простите, я нечаянно.

Нет, это я виновата, не надо было так резко поворачиваться.

Вот, позвольте я вам помогу, – помогая ей подбирать содержимое сумочки и заметив глянец чулок, когда женщина опустилась рядом на колени.

Спасибо, – подобрав последнюю вещицу и закрыв сумочку, – извините.

Никаких проблем, – улыбаясь.

Я увидела вывеску «распродажа», – сконфуженно хихикая, – и, видимо, повела себя как слон в посудной лавке.

Если бы слоны были похожи на вас, я бы стал дрессировщиком. Она улыбнулась в ответ на комплимент и начала расслабляться. Где вы увидели вывеску?

Вон там, в отделе галстуков.

А... ну да. Для мужа ищете?

Нет, – улыбаясь, – для отца. У него сегодня день рождения.

Тогда, может, позвольте мне помочь? Я разбираюсь в галстуках и отцах.

Правда? – улыбаясь.

Конечно. У меня есть и то и другое. Оба захихикали и пошли к прилавку и стали смотреть. Я так думаю, вы хотите шелковый.

Ох, я не знаю. В галстуках я не бельмеса.

Ладно, не страшитесь, ваши проблемы решены. Какой у него цвет волос?

Ну, – щурясь и кривя рот, – черные, немножко с сединой. В основном на висках. Благородного вида, знаете.

Разумеется, ваш отец таким и должен быть, – отвечая улыбкой на ее улыбку. Он носит обычно серые и синие костюмы?

Аххх... да, пожалуй, да. Как вы узнали? – с изумлением, – вы удивительный человек.

О, – отмахиваясь, – проще простого, моя дорогая Потсон. Вот, полосатые, пойдут с любым оттенком серого или синего. Примерно, в общем и целом.

Ух ты, по таким ценам я смогу ему купить пару галстуков. Гарри показывал ей галстуки со стеллажа, и она смотрела, качала головой и наконец сказала, что не знает, какой выбрать.

Ладно, нельзя же оставлять прекрасную младую деву в таком замешательстве. Вот, – беря со стеллажа два галстука, – может, эти? Я уверен, они ему понравятся. Идеальны для любого случая.

Хорошо, – ее лицо сверкнуло быстрой улыбкой. Она заплатила за галстуки, упаковала как подарок, и они вышли из магазина. Гарри посмотрел на часы, затем на нее и пожал плечами. Похоже, пора идти. *Темпус* и впрямь *фугит*¹, когда радуешься жизни.

---

1 Время... летит (искаж. лат.).

Передать не могу, как сильно я благодарна за то, что вы для меня сделали. Я бы так и стояла в магазине, пытаюсь решить, какой галстук покупать.

Я очень рад.

Ну, вы просто спасли мне жизнь, – глядя на него с абсолютно искренней улыбкой. Мне бы хотелось как-то выразить мою признательность.

Тогда, – обворожительная улыбка, – кое-что вы можете сделать. Пообедать со мной завтра.

77

Хорошо. Это было бы восхитительно. Где?

Ну... например, через дорогу, в час.

Я приду.

Иисусе, у нее чудесная улыбка. Теплая и... настоящая... ага, пожалуй, вот в чем дело. Подлинная. Он поспешил в контору и просто чудом умудрился прийти вовремя – вообще-то на две минуты позже – и на некоторое время отчасти увлекся работой, пока не осознал, что наделал – назначил ей свидание на завтра. Легкая встряска страха и предчувствия ожгла внутренности и сдавила нутро. А, ладно, великое дело. Я ведь не умру, если пообедаю с ней. Нечего кишкам бурлить из-за пары галстуков и обеда. Он отбросил тревогу мысленным взмахом руки. От одного обеденного свидания еще никто не умирал.

Особенно если оно столь же приятно и весело. Она просто кипела энтузиазмом и светилась, рассказывая, как сильно ее отцу понравились галстуки. И я знаю, что он не просто пытался мне угодить, – знаете, как обычно благодарят, – Гарри кивнул, – они ему правда нравились. Он их сразу же примерил.

Это был восхитительный обед. Один из самых приятных часов за... Гарри не помнил, за сколько времени. Они болтали о пустяках, часто смеялись,

и – не важно, о чем они говорили, – разговор протекал мило и ненапряжно. Когда время истекло, Гарри так увлекла эта легкость, что он едва не спросил, хочет ли она пообедать с ним завтра, но умолк на полуслове. А в пятницу ты свободна в обед?

Да, наверное, свободна.

Опять здесь?

78

Конечно. Здесь очень славно. Перед уходом она схватила Гарри за руку, по-прежнему улыбаясь. Еще раз спасибо.

В любое время, – улыбнувшись, затем помахав, когда она собралась уходить.

Гарри бросился в контору, почти бегом одолев последние полквартиры, и снова сел за свой стол на несколько минут позже – меньше, чем на пять. Слава богу. Казалось, никто ничего не заметил. За начальственными дверями, похоже, никаких хмурых лбов или недовольных взглядов. Однако он смутно тревожился. Внутри теплилось какое-то беспокойство. Но это нелепо. В конце концов, он ведь с нею только пообедал. Великое дело. Она приятная собеседница, вот и все. Он не собирался пускать ситуацию на самотек. Не о чем волноваться. Все будет под контролем.

На следующий день Гарри слегка занервничал в обед, не то чтобы он думал о... госпожи, я даже не знаю, как ее зовут. Будь я проклят. Это смех какой-то – он просто не знал, чем себя занять. Обычная прогулка по улицам и магазинам казалась пустой и бесцельной. Он прошел несколько кварталов до кафе, где раньше никогда не бывал, и ел как можно медленнее, затем направился в контору, слегка опустив голову и глядя прямо перед собой.

Их обед назавтра был чудесен, они часто смеялись, и посреди обеда Гарри осознал, что начал игру. На минуту его напугала эта мысль, но затем он мысленно пожал плечами и продолжил начатое. Хелен отличалась от Мэри, так что игра, естественно, была немного другой.

Одно из отличий состояло в том, что Хелен никогда не упоминала о муже, поэтому Гарри эту тему тоже избегал. Ему хотелось знать, но он считал, что рано или поздно она сама расскажет, и Гарри продолжал стандартную процедуру – глазная ебля, ладонь на бедре, – тщательно осыпая Хелен комплиментами и улыбками.

Гарри опоздал в контору на десять минут и быстро ушел с головой в работу, делая вид, что сидит тут уже минут пятнадцать. Он тыльной стороной ладони смахнул со лба давление; но хотя голова его и ушла в работу, окунуться ей не удавалось. Он вдруг слегка покраснел, когда вспомнил, как спросил Хелен, не хочет ли она пообедать с ним в понедельник: Это было бы здорово. Хорошо. Здесь в час. Он намеревался быть безразличным и предоставить это случаю, сталкиваться друг с другом за обедом или что-то в этом роде – или, самое большее, назначить свидание на середину недели. Ой, да ладно, великое дело. Сегодня он выпустил ситуацию из-под контроля, но в следующий раз такого не допустит. На следующей неделе все будет по-другому.

И было по-другому. Они обедали каждый день, и ночью накануне Гарри вдруг поймал себя на мысли о том, как будет улыбаться или трогать ее, какое направление примет игра, лишь назавтра обнаружив, что увлекся ею. И он сделал несколько элементарных ошибок на работе. То, о

чем раньше ему и думать не приходилось, то, что он делал автоматически, – и вот теперь он облажался. Луиза выпатила парочку, и он быстро их исправил, но одна дошла до мистера Уэнтворта, и тот посмотрел на Гарри с удивлением, которое вскоре, кажется, сменилось отвращением. С вами все в порядке, Гарри?

Да, сэр. Все нормально. Я просто как-то...

80

Что ж, яснее ясного, что вы в последнее время не справляетесь. Я бы вам советовал вернуться в колею.

Да, сэр, – кивая и покидая кабинет мистера Уэнтворта.

О чем это он? Он пытался мне что-то сказать? Господи Иисусе, нельзя же распинать человека за то, что он опоздал на несколько минут после обеда. Гарри исправил ошибку, затем ушел обедать. Он подождал несколько минут, но Хелен все не появлялась. Он посмотрел на часы. Без десяти час. Иисусе, он, значит, ушел на пятнадцать минут раньше. Черт! Да ладно, хер с ним. Работа все равно сделана. Хотя бы часть. Останусь допоздна, если необходимо.

Хелен пришла, и игра продолжилась, и Гарри погрузился в нее. В конторе он попытался еще сильнее сосредоточиться на работе и наверстать упущенное время, но обнаружил, что разум его слегка затуманен. Не то чтобы он сознательно был занят другими мыслями – просто он смотрел на знакомые вещи, знал, что они знакомые, но они казались неясными и чужими. Приходилось по два-три раза перепроверять то, что полагалось делать машинально. И хотя в пять часов он отставал еще больше, чем рассчитывал, он не остался допоздна, чтобы закончить. Это было просто не-

возможно. И вообще, завтра новый день. Завтра он об этом и позаботится. В конце концов, время от времени у каждого бывают плохие дни.

Но они продолжались. Не то чтобы он мог называть их взаправду плохими. Но он никак не мог называть их хорошими. В сущности, он не знал, как их назвать. Что-то было не так, он это знал, но понятия не имел, что именно. Что бы это ни было, оно оставалось смутным и неопределенным; и вообще-то единственным свидетельством этого э... сбоя был тот факт, что его работа не шла как положено. Делать ошибки там, где раньше он их никогда не делал; тратить больше времени на обычную работу и даже порой отчасти вставать перед ней в тупик; и почти полная неспособность привносить в работу что-то новое. Вероятно, все дело в том, что сейчас в работе ничего нового не было. Да, видимо, в этом все дело. Отчеты разные, но рутина все та же. Ага, именно. Как только подвернется что-то серьезное, я воспряну духом, и все будет в порядке. Не о чем беспокоиться.

Но хвала Господу за обеды. Без них неделя была бы чертовски скучна. Не знаю точно, как мы дошли до того, что стали встречаться за обедом каждый день, но до чего же я рад, что все так сложилось.

И наконец наступила пятница, а вместе с ней и конец недели, и мысль о том, что следующая неделя будет лучше. В тот день за обедом Хелен спросила, не хочет ли Гарри пойти вечером в кино, – у нас на работе есть свободные билеты.

Конечно, я с радостью, – а про себя: интересно, а как же муж и что там у них, но намереваясь не поднимать эту тему.

В тот день голова Гарри была увлечена игрой, во что бы он оную голову ни погружал. Он напрягался, пытаясь сосредоточиться на работе, больше всего смущаясь своей неспособностью решить простые задачи. Время от времени он чувствовал, что голова вот-вот взорвется, но затем отпускало, и он на минуту откладывал работу снова, и думал об игре, и о муже Хелен, и о том, что ее муж делает вечером. Может, сегодня он гуляет с парнями.

Ужин был восхитительным, и кино оказалось комедией, очень смешной. Когда оно закончилось, они немного прошли по Бродвею, пока Хелен не сказала, что ей пора домой. У меня обувь неподходящая для ходьбы, и я устала, и у меня от смеха болит живот. Отличное было кино.

Ага, и впрямь смешное. Ты где живешь?

Около Грамерси-парка.

О, ну так это легко и просто. Можем даже прогуляться.

Нет, спасибо, – оба смеются.

Легкий и приятный разговор продолжался по дороге в центр, и когда они добрались до ее квартиры, она открыла дверь, включила свет и вошла, а Гарри следом, принимая безмолвное приглашение. Он огляделся, закрыл дверь и наконец спросил, где ее муж.

А я не замужем, – Гарри смотрел на нее, удивленный и сбитый с толку. Я это просто ношу, – помахав левой рукой, – чтобы отпугивать надоедливых бабников на работе, – улыбаясь, затем хихикая, – и очень хорошо срабатывает. Они, конечно, все равно спрашивают, но я им просто говорю, что должна встретиться с мужем. Гарри, уже преодолевая шок, заулыбался. Потом я им по-

казываю фотографию старшего брата и говорю, что это мой муж и есть, смотри, – открывая свой бумажник и показывая фотографию человека, в котором явно минимум шесть футов два дюйма росту и двести сорок фунтов мускулов, не меньше. Гарри рассмеялся. Это никогда не подводит, – и оба громко расхохотались.

Отличные были выходные. В субботу утром она сделала ему традиционный завтрак, омлет по-соррентски, они прокатились на лодке – экскурсия вокруг бухты. Затем ужин, кино, прогулка (она надела обувь для ходьбы) и обратно домой. Простой, приятный и расслабляющий уикенд; и когда Гарри уходил в воскресенье вечером, поцеловав ее и шлепнув по чуждой заднице, ни слова не было сказано про обед в понедельник или в любой другой день. Он ушел из квартиры, от Хелен и уикенда и, думал он, от игры.

По дороге домой он осознал, что провел выходные с незамужней бабой (если тот парень и впрямь не ее муж), – и никаких проблем. Он особо не вдумывался, просто позволил этой мысли отметиться и сохраниться для дальнейшего пользования. Это значит, ему не придется изо всех сил избегать таких в будущем.

Когда он пришел домой, родители сидели в гостиной. Он было бодро помахал, но потерянный и обиженный материн взгляд его остановил. Ты пропустил бабушкин день рождения вчера вечером. Ей исполнилось семьдесят пять. Гарри содрогнулся, и боль была такой острой и мгновенной, что он не мог говорить. Он глазел на мать бесконечные секунды. Кое-как он вскарабкался по лестнице в свою комнату. Тошнота скручивала нутро и глот-

ку. Ему хотелось что-нибудь ударить... обхватить голову руками и завопить... сорвать дверь с петель и раскрошить в щепу... заплакать...

что угодно...

что-нибудь... но он только и мог сидеть, и раскачиваться, и спрашивать себя, что произошло и почему. Он любил ее. Господи Иисусе, он ее по правде любил. Почему???? Почему????

84

В понедельник утром ему не составило труда прийти на работу вовремя и заняться делами, скопившимися на столе, – рутиной. Работы горы, но вся она была знакома; ничего нового, ничего сложного, ничего невообразимого от него не требовалось.

Обеденные перерывы тоже были рутиной, – бродить по улицам и магазинам. К середине следующей недели его ноги подпрыгивали вверх-вниз под столом, Гарри ерзал и время от времени ходил к кулеру, чего раньше не делал, потому что не особо любил пить воду, но теперь смачивал губы и действительно глотал каплю-другую. Беспокойство гнало его на обед на несколько минут раньше и обратно в контору на несколько минут позже. Бродя по улицам, Гарри обдумывал свои чувства, пытался их проанализировать, пока они не затягивали его настолько, что словно чернота окутывала голову и расползалась внутри, и тогда он машинально хватался за единственный ответ, который когда-либо находил.

Он обедал в кафетерии и озирался, пока не находил свободное место за столиком, где ела телка. Поболтать, прогуляться до ее конторы и затем обратно на работу на десять минут позже. Обед не прекращал ерзанья, но прекращал анализирование.

Один тревожный день за другим Гарри суетился и обедал дольше положенного, чтобы дать себе время прощупать незнакомую почву, что мешало ему заглянуть внутрь себя.

Еще он начал пренебрегать работой, ждал, когда его загонят во временной угол перед сроком сдачи, и все доделывал в последнюю минуту. Он чувствовал, что надвигаются трудности, но отказывался это формулировать и, когда мысль готова была материализоваться, отвергал ее, про себя пожав плечами. Как-то в пятницу он заканчивал работу, которую нужно было сдать в понедельник, но незаметно сбавил обороты, обедал еще дольше обычного и провозился весь оставшийся день, рассчитывая быстро закончить в понедельник утром. Простая, рутинная работа, и, раз время поджимает, ему будет что предвкушать в понедельник.

В воскресенье вечером он встретился с еще одной Ольгой и в понедельник пришел на работу в начале одиннадцатого. Мистер Уэнтворт просто посмотрел на Гарри, когда тот вошел в контору. И говорить не надо было, и Гарри внутри съежился, сказав доброе утро. Он погрузился в работу, и работа была закончена вовремя, но ущерб нанесен. Слава богу, пора на обед.

В вихре смятения он шел в кафетерий возле конторы. Самоанализ становился привычкой, и все плыло, когда он пытался понять, что же происходит, и как, и почему. Он почти улавливал, когда это началось – не так давно, в этом он не сомневался, – надеясь, что, если выявить точку во времени, он увидит это «почему» и сможет все изменить. А если не «почему», то «как», и тогда он сможет все это предотвратить. Однако чем упорнее он искал эту точку, и чем ближе, казалось, он

к ней подходил, тем больше все затуманивалось и запутывалось, и ему только и оставалось качать про себя головой и наблюдать, как кувыркаются образы.

И тогда оставался вопрос – типа, как это он ухитрился так поздно явиться в контору и почему Уэнтворт сидел в засаде и готовился нанести удар? И вообще, откуда у Гарри проблемы с работой? Ему нравилась работа, и он пылал амбициями. Полная бессмыслица.

86

Его разум еще бурлил словами, образами и мыслями, когда он поймал себя – в руках поднос, – на том, что улыбается телке и спрашивает, не занято ли место.

Нет, – кивая и продолжая есть и читать.

Гарри уселся и через несколько минут извинился и спросил, нравится ли ей книга. Помнится, я видел рецензию, но прочесть книгу так и не собрался, – улыбаясь ей.

Мне нравится. Очень интересная. Она... э... особая.

Ага, именно это я и читал. Не знал, что она вышла в мягкой обложке.

Да, больше года назад, кажется, – ища в книге дату издания. Ага, вот оно. Почти ровно год.

Да вы что! Интересно, где это я был, – улыбаясь и качая головой; путаница, неясность и противоречивость чувств постепенно сгладились, пока он ел и говорил.

После обеда он проводил ее до конторы, постаравшись – как он делал в последнее время – не назначить ей свидание на завтра. Он опоздал в контору всего на несколько минут, и хотя все еще слегка ерзал, смятение внутри отпустило, и он занялся делом в этом своем новом темпе безразличной вялости.

Утром он пришел рано, однако ему пришлось торопиться, чтобы вовремя закончить работу – работу, которая пролежала у него на столе больше месяца. Само по себе это не проблема, но мистер Уэнтворт позвонил около половины десятого и попросил сделать срочную работу для него, и Гарри вынужден был объяснять, что ему нужно закончить другую работу, и слышал досаду (отвращение?) в голосе Уэнтворта, когда тот сказал, что отдаст работу Дэвису.

87

Занимаясь своим делом, Гарри почти бормотал вслух. Что-то не так, и он, блин, не может вычислить, что. И чего Уэнтворту надо от моей жизни? Дает задание в последнюю минуту, а потом раздражается, потому что я работаю над тем, что нужно сдать сегодня утром. Я думал, вы месяц назад закончили. Да ну? Что ж, чертовски жаль. Если б ты не запирался на весь день в своем чертовом кабинете, ты бы, может, знал, что здесь, к дьяволу, творится.

Ну так отдай работу Дэвису. Кому какое дело? Мне что, плакать из-за того, что ты кому-то срочную работу отдаешь? Да пошел ты.

Быстрая прогулка к кулеру и холодной воде, бьющей по губам, потом обратно за стол. Он набросился на работу, и закончил ее быстро и аккуратно, и пошел обедать, не замечая, что уходит на двадцать минут раньше.

Он быстро прошел несколько кварталов, внутренний голос бормотал и нес околесицу, пока Гарри снова не обнаружил, что стоит с полным подносом и спрашивает, свободно ли место.

Ее босс на неделю уехал из города, и она не торопилась возвращаться на работу, поэтому они неспешно поболтали за кофе и немного прогуля-

лись, перед тем как разойтись по своим конторам. Уходя, Гарри спросил, обедает ли она там каждый день, и она сказала да, обедает. Тогда, если мне повезет, я увижусь с тобой завтра.

Может быть, – улыбаясь.

88 По пути в контору Гарри ощутил легкий приступ настораживающей тошноты, но быстро отглотнул смутные мысли, которые отчаянно пытались сформулироваться. Это его дело и больше ничье, если он захотел пообедать с телкой, и вообще, что тут такого? Это ничему не мешало и уж как пить дать никому не вредило.

Он вернулся в контору еще позже, чем обычно, и почувствовал, как глаза прожигают его спину, а часы будто пытаются заклеить его временем. Он крепко сжал карандаш, зашуршав бумагами, объявляя, что вернулся только что, его внутренний голос советовал всем и каждому идти к черту, и тебя, Уэнтворт, это вдвойне касается.

На следующий день он умудрился сохранить этот гнев, время от времени лелея его ночью, но не смог сфокусировать его или направить – казалось, гнев просто жил в нем, толкаясь внутри, ища выхода. Гарри медленно жевал ватрушку и пил кофе, пока тот совсем не остыл, никакого удовольствия, но Гарри все равно его потягивал и не начинал работу до тех пор, пока не покончил с кофе и ватрушкой.

Наконец приступив, он набросился на калькулятор, и несколько раз чуть было не проткнул блокнот карандашом, затем нагромоздил бумаги в должном порядке. Он работал как можно медленнее, чтобы закончить к вечеру, но оставалось так мало, что он, как ни старался, все доделал еще до обеда. Закончив эту клятую работу, он швырнул карандаш на стол и ушел обедать.

Она как раз становилась в очередь, когда он пришел. Они разговаривали и медленно продвигались в очереди, выбирая тарелки с едой, и буйство стихло внутри, и когда они уселись наконец за стол, он ею быстро увлекся. Из рук и спины ушло напряжение, он расслаблялся, пока они говорили о всяких пустяках.

Посреди обеда он почувствовал, как внутри сгущается узел, небольшой такой узелок, в глубине глотки тянуло и толкало, и Гарри ощутил, как мятущийся поток течет сквозь него, наружу и внутрь. Он чувствовал, как дергаются мускулы на бедрах, как чуть опускаются веки, когда он смотрит на нее, кончик языка облизывает верхнюю губу, и рука Гарри потянулась и смахнула с ее колена крошки, и его ладонь легла на ее бедро, и он поглядел ей в глаза пристальнее, раздевая ее и себя, и внутри него другой Гарри смотрел на то, что происходит, и хотел захотеть остановиться. Она ответила ему тем же взглядом и ладонью прикрыла его руку, и улыбнулась в ответ на то, что он там говорил.

Они ушли и немного прогулялись по улице – Гарри уклонялся от прохожих, предплечьем задевал ее сиську и улыбался ей в глаза, и чувствовал, как вздрагивает нутро, а другой Гарри все пытался выдернуть его из игры, но та совершенно вышла из-под контроля, и Гарри был скорее свидетелем своих действий, нежели творцом; и они разговаривали о кино, а затем о порно, и Гарри чувствовал, как узел затягивается, и дерготня сильнее, и еще осознавал, как проходит время, и как упоительна опасность, но прежде всего, глядя на нее, ощущал, что един со своей похотью. Он подвел ее к стене, подальше от людского потока, и стоял,

почти касаясь ее, и говорил, что хочет выебать из нее все мозги, и смотрел на нее, – открытый напор его похоти ее возбуждал; затем он за руку повел ее в отель «Роскошный» – всевозможные его чувства расцвели единым буйством возбуждения.

Когда они ушли из отеля, Гарри направился в ближайший бар и сел в угол, пытаясь рассеять морок и мороку чувств. Он их не понимал. Он как будто сожалел, что не вернулся на работу вовремя, как будто облажался, но не знал, в чем; смутно желал что-то изменить, но не знал что. Он допил и подумал, не вернуться ли в контору, но покраснел от одной этой мысли, кожа запылала, под глазами и на копчике выступил пот. Он не мог прийти в контору на пару часов позже. Он попытался заставить себя, но способность двигаться ушла от него. Его парализовало. Он заказал еще выпить, затем решил позвонить и сказать, что заболел и едет домой. Он позвал к телефону Луизу и сказал, что жестоко отравился за обедом и направляется домой, что он больше часа провел в уборной и только сейчас смог позвонить, и он чувствовал, как другой Гарри наблюдает за ним и качает головой, и пробормотал наконец до свидания, и повесил трубку.

Он медленно потягивал выпивку и думал, может, напиться, но эта идея не только не привлекала – он не знал, как ее осуществить, будучи не в силах залить в себя достаточно спиртного, чтобы охмелеть. Когда алкоголь начинал вставлять, Гарри прекращал.

Над третьим стаканом он искал нечто такое, на что бы ему разозлиться, на что наброситься, – нечто такое, что окажется причиной тревоги и незнакомых чувств, прожигающих его насквозь, но

желание и способность внутри него никак не согласовывались. В конце концов он бросил попытки, допил и ушел.

Утром он вышел из дома в обычное время, чтобы мать не задавала вопросов, затем позвонил и сообщил, что болеет. Он все еще не мог примириться с тем, что потребуется объяснять свое вчерашнее отсутствие, и даже в тишине своей комнаты не мог состряпать историю, которую можно рассказать правдоподобно. Если он и сегодня на работе не появится, никто не усомнится, что он действительно болен, и, может, его и не спросят.

Он пошел на Сорок вторую улицу и высидел парочку старых вестернов, затем прогулялся к Брайант-парку и сел на скамейку, избегая любых взглядов, даже голубиных. Он был слишком на виду, ему смутно чудилось, что люди смотрят на него и удивляются, что это он тут делает. Он сидел до упора, наблюдая, как голуби клюют крошки, которые им бросали, смутно слыша концертную запись и пытаясь сосредоточиться на том, как солнечный свет скользит по листьям и косо заглядывает сквозь ветви, отбрасывая подвижные тени... цветы, кусты, статуи... безрезультатно. Как он ни старался усидеть на скамейке, гоня время, ему это не удавалось, и пришлось встать, прогуляться по периметру парка, не отрывая глаз от дорожки.

Он гулял, пока не добрался до библиотеки, и зашел, надеясь там себя чем-то занять, но только и мог бродить бесцельно по залам меж книжных рядов, и затем снова очутился в Брайант-парке. Он прогулялся до Сорок второй, затем к Таймсквер и еще одному кинотеатру. Он попытался высидеть оба фильма, но вынужден был уйти, посмо-

третью половину одного и первую – другого. Он проехался на метро обратно в Бруклин и зашел в «Кейси».

Он прошел к концу барной стойки, где сидели Тони и Эл. Святой Иисусе, смотри, кто здесь. Сейчас, наверное, воскресенье.

Ага, или шесть часов. Привет, че скажешь?

Привет.

92 Срань господня, Гарри, что стряслось, твой босс умер или что? – оба засмеялись, а Гарри пододвинул табурет и сел.

Да иди ты, Эл, – эй, Пэт, налей мне пива. Дай им тоже по одной, что ли, а то у них такой вид, словно ждут, кто бы их угостил.

Вот такие разговоры мне по душе, – быстро осушив кружку и двинув ее вперед.

Без балды, Гарри, что стряслось?

Ничего. А что? Неужели человек не может взять отгул? Непременно все на уши встанут?

Да, конечно, – смеясь, – только не ты. Ты никогда не брал отгул и не приходил потом сюда.

Ну, сегодня взял и пришел. У меня отгул, и я собираюсь выпить пару кружек пива.

Да, как же так?

Я решил провести исследование.

Ага, и что за исследование?

Изучение природы тунеядцев, и я, ребята, не могу придумать никого более подходящего, чем вы.

Эй, я тоже подойду, – Пэт, смеясь, присоединился к ним.

Думаешь, только потому, что я не хожу каждый день в офис...

Ты че хошь сказать, типа это не наш офис...

Ага, – все засмеялись.

Думаешь, если я не езжу на метро, я не работаю? Слушай, держу пари, я тружусь больше, играя на скачках, чем ты на своей работенке. Все снова засмеялись.

Ага, еще бы.

Кстати о работе, как же это ты взял отгул? Не боишься, что работа твоя тью-тью?

Они хохотали, и Гарри в ответ улыбался. Я решил, надо в жизни рисковать.

93

Что ж, я всегда говорил: если долго зависаешь у «Кейси», увидишь чудо, и я его вижу. Гарри взял отгул и сидит в «Кейси». Напрашивается тост. Тони поднял кружку, затем Эл поднял свою. За Гарри, Который Горбатится, – и они осушили кружки, хлопнули их об стойку, а Гарри улыбался, стараясь не выпасть из их игры, чтобы не уйти обратно в себя.

Эй, Пэт, дай нам еще три.

Эй, чувак, может, пойдешь с нами вечером в «Форт»? Там должны быть хорошие бои.

Ага, главное – двое в полусреднем, выглядят очень даже неплохо.

Да? – пожимая плечами, – может, схожу.

Гарри плыл по течению, потягивая свое пиво, час просидев над третьей кружкой, Эл и Тони подначивали его, чтоб не отставал. Гарри слушал, улыбался, смеялся, говорил, полностью во все это не вникая, но не вникая и во внутреннюю боль.

Он пошел с ними и другими ребятами на бои, по пути заглянули в итальянский ресторанчик, и Гарри чуть расслабился, когда они сидели на открытой трибуне. Был ясный вечер, и с бухты дул приятный ветерок, и он оттягивался с друзьями и затем увлекся. На отборочных были неплохие

бои, один очень хорош – нокдаун, вынос тела, – но главное зрелище было просто супер, и Гарри захватило возбуждение, и он стоял вместе со всеми, и вопил, и улюлюкал.

После боев все вернулись к «Кейси», но вскоре Гарри помахал на прощание и ушел домой. Он лежал на кровати, размышляя об этом дне, о вчерашнем и о прошедших неделях и месяцах, и вдруг холодный узел скрутился внутри, и Гарри невольно поднял колени, чтобы снять напряжение, и когда узел наконец начал рассасываться, Гарри не вспоминал больше этот день или любой другой день своей жизни, но закрыл глаза, и выпитое пиво окунуло его в неглубокий сон.

Если, конечно, такое беспокойство можно назвать сном. Всю ночь Гарри не ворочался, не крутился и не мучился, но был частью непрерывного сна – может, сон приснился только раз, а Гарри снилось, что это происходит снова и снова, – и сон этот не выводил его из бессознательности, но держал на грани бодрствования, а разум и дух не обрели покоя, в котором нуждались. До того простой сон, что ради него толком и спать не стоило. Сон, что не дает отдыха, должен, по крайней мере, быть точкой захватывающим или полным сексуальных символов.

Конечно, не такой простой, типа, едешь по улице в нормальном потоке и видишь, как на машине впереди загораются стоп-сигналы, и ты снимаешь ногу с акселератора, и она застревает под педалью тормоза, и ты все ближе, ближе к этой машине, и все стараешься вытащить ногу из-под педали, чтобы дать по тормозам и не ударить машину впереди, и, естественно, все проис-

ходит как в замедленной съемке, и вроде бы это повторяется время от времени, и ты никогда не ударяешь машину перед собой, но и не узнаешь, что же в итоге случилось...

Гарри не помнил сон утром, хотя смутно и сознавал, что ему снилось нечто, но проснулся вялый и почти силой заставил себя принять душ и побриться. Его шаг по пути вниз в кухню был неспешен и ленив.

Как и его голос. Гарри услышал его, желая своим старикам доброго утра.

С тобой все в порядке, Гарри?

Да, конечно, пап, а что?

Ну, я точно не знаю, просто у тебя как будто такое настроение... ну, ты как будто не в настроении в последнее время. Наверняка сказать не могу, но ты что-то на себя не похож.

Фу ты, – изо всех сил разыгрывая искренность, – я не знаю. У меня все нормально.

Гарри купил газету и попытался сосредоточиться на ней по дороге на работу, но разум его все возвращался к отцовскому вопросу, и Гарри спрашивал себя, все ли нормально. А что может быть ненормально? В последнее время дела шли неважно, дела шли как-то по-дурацки в конторе, и Уэнтворт вроде зуб точит, но в целом порядок. Во всяком случае, ничего такого нету. Он попытался углубиться в комиксы, но смутная тревога не уходила, и он все гнал вопросы из головы. Если что-то и не так, он не виноват. В этом он не сомневался.

Гарри уже несколько минут сидел за своим столом, когда Луиза подошла и спросила, как он себя чувствует.

Очень хорошо. Пожалуй, я выживу.

Что ж, приятно слышать. У тебя желудочная инфекция?

Он вдруг почувствовал, будто его поймали в ловушку и на секунду запаниковал, но потом вспомнил, как сказал Луизе, что заболел после обеда и был вынужден поехать домой.

Ага, именно. Не мог слишком далеко от дома отойти, – понимая ее улыбаясь.

96 Я так и думала, что ты, наверное, болеешь. Почему? – хмуря брови.

Ну, ты был прямо сам не свой. Знаешь, напряженный и какой-то озабоченный. Но я рада, что ты пришел в себя, – похлопывая его по плечу, затем отправляясь обратно за свой стол.

Сидя над кофе с ватрушкой, Гарри ломал голову, что, к чертовой матери, происходит, почему люди суют нос в его дела. Он желал, чтоб они, ради бога, его не трогали. Они – единственное, что с ним не в порядке.

В то утро он работал с напором и расслабился к тому времени, когда осознал, что люди бродят туда-сюда и пора обедать. Он посмотрел на работу на своем столе. Он отлично поработал утром. Просто отлично. Уилсоновский проект целиком готов и аккуратно упакован.

Он кивнул работе, которую сделал, и, воодушевленный, отправился на обед. Зашагал по Пятой авеню, но на первом же углу бодрость вновь сменилась смутной тревогой, и Гарри развернулся и пошел обедать в кафе в здании. Доев, он вернулся в контору и остаток часа провел в комнате отдыха.

Всю следующую неделю, до корпоративного пикника в пятницу, Гарри заказывал из кафе обед с доставкой и проводил час в комнате отдыха за

чтением, решительно не желая выходить на улицу, не в состоянии заставить себя, даже если и думал попытаться. Он взял из библиотеки по соседству несколько научно-фантастических книжек и читал их в метро, а также за обедом, и они вроде поглощали энергию с поверхности разума, и Гарри удавалось игнорировать любой спазм боли.

Его напор в работе спадал, хотя Гарри и желал бы его сохранить. Поддерживать напор выходило час-два, не больше, да и то потому, что Гарри обычно вновь выпадал из графика и приходилось неистово работать, чтобы все доделать.

97

Время от времени Гарри Уайт порывался спросить себя, отчего неспособен трудиться ровно, как прежде, отчего неспособен уходить из конторы на обед, но едва чувствовал, как эти вопросы невнятно формируются, страх сковывал его, и Гарри отбрасывал вопросы и заполнял мысли чем-нибудь другим, чем угодно, только бы избежать этих вопросов в упор.

Накануне корпоративного пикника мистер Уэнтворт вызвал Гарри в свой кабинет. Гарри понял, что дело серьезно, когда мистер Уэнтворт велел ему сесть, и что-то внутри перевернулось, и легкая тошнота занудила в глотке. Я хотел, чтобы вы услышали это от меня, Гарри, а не на завтрашнем банкете. Как вы знаете, наша фирма быстро растет, и – я говорю это с гордостью, – растет весьма ускоренными темпами. В сущности, наш рост за эти последние два года был феноменален.

Это замечательно, – стараясь изобразить пиетет.

Это точно, замечательно. Итак, из-за этого роста возникла потребность в увеличении администрации, и недавно была создана должность

младшего вице-президента, – минуту он смотрел на Гарри, откинувшись в кресле. Мячик у Гарри внутри подпрыгнул и застрял в глотке, – и ее отдали Дэвису, – шлеп, комок рухнул вниз, скрутил трахею и зашастал по нутру, – по моей рекомендации. И я хочу сказать вам, почему. Вы умнее Дэвиса, – Гарри почувствовал, как заморгал, и во имя Иисуса понадеялся, что не заплачет. Не то чтобы ему хотелось плакать, но за глазами давило, их окутывала усталая печаль, и он отчаянно пытался сохранить на лице пристойное выражение, каково бы оно, к дьяволу, ни было. Он-то уж точно не знал, – у вас больше воображения, и вы способны быть напористее; иными словами, у вас имеются все черты успешного корпоративного руководителя (о, Христа ради, заткнись и выпусти меня отсюда), за исключением самых необходимых, – наклонясь вперед, дабы подчеркнуть мысль, – постоянства и надежности. Я бы хотел видеть вас младшим вице-президентом – думаю, вы могли бы принести фирме много пользы, но я не могу на вас полагаться. Возможно, Дэвис и не продвинется дальше младшего вице-президента, но он надежный и постоянный. Он семейный человек, с тремя детьми. Человек, который устроился в жизни и хорошо работает *каждый* день. Видите, это важно. Он не взлетает стремительно сегодня, чтобы камнем рухнуть завтра. И в текущий момент, в текущем положении для фирмы это важнее, чем напористое воображение.

Я не знаю, что творилось с вами в последнее время, но не могу надеяться на вас так, как мог раньше. Когда мне нужно, чтобы вы что-то сделали, я хочу нажать кнопку и не сомневаться, что все будет сделано, без вопросов, без задержек. В

последнее время я не могу вас даже *найти*, если вы мне нужны, поэтому вы для меня бесполезны, когда что-то вдруг требует внимания. Вы, судя по всему (господи Иисусе, сворачивай эту поебень. Выпусти меня), стали безответственны, а для успешной карьеры, можете мне поверить, нет ничего пагубнее. Лично я считаю, вам пора подумать о том, чтобы остепениться, обзавестись семьей, взять на себя обязанности мужчины. Ничто больше не даст вам ясную перспективу в жизни и не рассеет пелену вокруг целей, которых мы хотим достичь. Лично я думаю, вам нужен как раз такой стимул.

Но я не только поэтому рекомендовал Дэвиса. Видите ли, я не изменил свое мнение и/или оценку ваших способностей. Я считаю, у вас неограниченный потенциал и вы можете быть весьма полезны для фирмы. Крайне полезны. Но вам нужно изменить отношение, чтобы осознать этот потенциал, и я надеюсь, это достаточная встряска, после нее вы осознаете, что ставите под угрозу блестящее будущее, и измените свое отношение.

Я верю в нашу фирму. Я верю в нее всей душой. Мы растем и будем расти, пока люди хотят посвящать ей жизнь и абсолютно ей преданны. Другого пути нет. Все дело в отношении, Гарри. И я хочу, чтобы вы были так полезны, как только можете быть, – а я знаю, как вы можете. То, что вас не повысили до младшего вице-президента сейчас, ничего не значит, если вы внемлете моему совету и измените свое отношение. Вы меня понимаете?

Да... да, понимаю, мистер Уэнтворт. Я...

Хорошо. Обдумайте то, что я сказал. Знаете, Гарри, однажды вы меня за это поблагодарите. Вы

вспомните этот день как поворотную точку в поразительной карьере. Гарри кивал и быстро моргал. Ладно, лекция окончена. Увидимся завтра.

100 Увидишь ты меня завтра, – возвращаясь за свой стол и плюхаясь на стул, по-прежнему быстро моргая, скрученный комок прыгал от кишок к глотке, и застревал, и тянул, – увидишь ты меня завтра. Однажды вы меня за это поблагодарите. Это что еще за дерьмо? Кем он себя, к чертовой матери, возомнил? Я горбачусь на него, и вы на него посмотрите... Да ладно, хер с ним. Гарри пошел в уборную, поссал, плеснул в лицо холодной воды и убил еще несколько минут, пока не пришло время уходить.

Научно-фантастические книги не слишком помогали по дороге домой, и Гарри удивлялся, что это Уэнтворт себе думал, на него наезжая, весь такой святоша. Можно подумать, я один с телками развлекаюсь. Да кто он такой, чтобы выступать???? Ага, кто ты такой, чтобы первым бросать камень, ты и твоя команда по связям с общественностью... Ааааа, хер с ним... это не единственная работа в мире... я им нужен больше, чем они мне... вот увидишь, что будет, если я плюну на работу... ага, долго ли продержится тогда мистер младший вэпэ... ой, я не знаю... что-то я понять не могу... ч-черт! Что за... да чего они отстать от меня не могут... аххх...

Тони, Майк и Стив собирались в тот вечер на бейсбол, так что Гарри пошел с ними. Время от времени он ловил себя на том, что заползает в сумеречные злые уголки своего разума, чтобы поиздеваться над Уэнтвортом, сообщить ему, какой он придурок, Гарри ему покажет, но он уже

растратил массу энергии и, оказывается, отчасти увлекся азартом игры, и рука внутри не смогла извлечь ненависть на свет ночи.

Идеальный день для пикника, а загородный клуб «Лесная долина» – идеальное место. Поле для гольфа с восемнадцатью лунками, «утопленные сады», громадный бассейн, безупречные земли в окружении красивых рощ и другие удобства и прелести эксклюзивного загородного клуба.

Большинство народу сидели вокруг столов на солнце или в тенистых внутренних двориках. Несколько человек скакали на теннисных кортах, и Гарри понаблюдав за ними, а затем прогулялся вдоль рощицы.

Он наслаждался в одиночку – не потому, что стал ближе к деревьям вокруг, к птицам, что щебетали и порхали между ветвями, к земле с пятнами зеленой травы под ногами или к солнцу и голубому небу над головой; да и не из страха перед людьми или неспособности влиться в общество – тут у него проблем не было; он наслаждался собственным самодовольством, озирая просторы клуба, зная, что повсюду здесь люди, чем-то занятые, и чувствуя: им известно, что его нет, им интересно, где он.

Он стоял в тени деревьев и смотрел на яркий солнечный свет на покатой лужайке, что заканчивалась у садов и края бассейна, и сила нахлынула

на него. Он прикрыл глаза, разглядывая образы внутри себя, чувствуя судьбу, которая принесет ему деньги, богатство и престиж, о которых он мечтал и знал, что однажды получит.

Линия между тенями и яркостью была четкой, а переход резким, когда Гарри шагнул в почти осязаемую субстанцию солнечного света. Он ощущал солнечный жар на лице и все еще прохладу теней на спине, но едва отметившись в его сознании, это краткое мгновение прошло, и он и спиной ощутил яркость солнца, солнечный жар.

Он прошелся к бассейну, где с полдюжины людей лежали, плавали или загорали, растянувшись на солнце. Подойдя ближе, он заметил девушку в бикини, стоящую у края бассейна, и почувствовал, что вытаращился на нее. Он слышал голоса, хлопки теннисных мячей с кортов в паре сотен ярдов по ту сторону бассейна, случайный вопль и чей-то плюх в воду, однако внимание его всецело поглотили девушка в бикини и то, как ее сиськи будто вытекали из лифчика, а ягодицы чудесным образом зависли, и узкая полоска под легкой припухлостью живота...

Он глазел на воду, стекавшую к ее пупку, и думал о замочной скважине и моргал от яркости солнца и электрошоков похоти. Иисусе, он не прочь насадить ее прямо здесь, прямо сейчас. Она сняла купальную шапочку и потрясла волосами, а потом легла на полотенце у бассейна. Сразу видно, волосы у нее на лобке тонкие и большой площади не покрывают.

Он встал так, чтобы его тень накрыла ее тело. Она открыла глаза и приподняла голову. Вы заслоняете мне солнце.

Ой, прошу прощения, – и он шагнул в сторону и проследил, как его тень медленно скользнула по ее телу на газон. Нет ничего хуже похитителя солнца.

Спасибо, – улыбаясь, глаза закрыты, – мне сейчас главное высохнуть перед обедом.

Ну, с таким солнцем и таким купальником это не займет много времени...

Привет, Гарри. Может, искупаешься? Вода просто отличная.

Привет, Стив, Джоан, – махнув рукой, – не сейчас. Я лучше после обеда...

Почему-то, – хмуря брови, – меня смущает этот разговор насчет высыхания и купальника.

Ну, я только имел в виду, что дольше всего сохнет купальник, а у вас его не так уж много, – смех в его голосе очевиден, и она ответила хихиканьем.

Вам не нра?

О, напротив, – смеясь и присаживаясь рядом на корточки. – Я Гарри Уайт. По-моему, я вас раньше не встречал.

Я Линда Сорренсон, – поворачивая к нему голову и открывая один глаз, – я новая секретарша мистера Данливи. Начала всего пару месяцев назад.

Вы работаете в фирме пару месяцев, и я вас раньше ни разу не видел? Боже мой, я, наверное, схожу с ума. Я себя никогда не прощу. Где вы были все это время?

За своим столом, где мне и место, – переворачиваясь на живот лицом к Гарри, глядя на него и улыбаясь.

Что ж, у меня возникла идея в будущем хорошенько заняться Данливи. Она захихикала, и

Гарри посмотрел на здания клуба. Похоже, они готовятся к обеду. Может, нам уже лучше подтягиваться.

Ой, я, пожалуй, не пойду. Я плохой едок.

Вот уж о чем вам не нужно беспокоиться, – смеясь.

Еще как нужно. Нелегко ведь сохранять размер бикини.

Ну, вам все равно стоит пойти. Вам понравится, как сервируют.

Правда?

Ага. Фуршет, выглядит замечательно, – вставая и секунду потягиваясь, – вам понравится, поверьте мне на слово.

Она посмотрела на него, затем перекатилась на спину. Так и быть, вы меня уговорили.

Гарри протянул руку, и она схватила ее, и он потянул Линду вверх, и сила инерции остановила Линду всего в нескольких дюймах от него. Мне кажется, вы мне знакомы, – улыбаясь ей.

Не слишком знакома, я надеюсь, – отнимая руку и заворачивая в полотенце купальную шапочку.

Они шли по лужайке, Гарри шагал рядом с ней, частица его следовала за ними и наблюдала, и его глаза ласкало покачиванье бедер и задницы, теплыли, когда Линда двигалась.

Они сидели в тенистом внутреннем дворике и обедали, кто-то устроился за столами под открытым небом, но большинство остались в столовой с кондиционером. Луиза и Рэй присоединились к Гарри и Линде, расставляя тарелки разнообразной еды.

Ты ведь не против, Гарри?

У вас заказаны места? – улыбаясь им.

Разумеется, он не против, Луиза, зачем ему сидеть наедине с красивой молодой девушкой? Ой, я тебя уже ненавижу, – Линда слегка удивлена, – такая прелестная фигура, – Гарри и Луиза смеялись. Даже до того, как я стала бабушкой, у меня не было такой фигуры.

Возьми еще блинчик и расслабься.

Гарри, ты лопнешь. Все засмеялись, и обед продолжался среди клацанья вилок по тарелкам и смеха. После обеда Гарри надел плавки и присоединился к остальным у бассейна. Он прыгнул в воду, и поплыл через весь бассейн, и оказался рядом с Линдой. Мне кажется, вы мне смутно знакомы, – улыбаясь, и вода текла по его лицу.

Не слишком смутно, я надеюсь.

О, вовсе нет. Во все нет, – и он обрызгал ее, а она обрызгала его, и они бултыхались в воде, смеясь.

Кто-то приволок пляжный мяч, и купальщики образовали большой круг в бассейне, и мяч взмывал в воздух и перелетал от одного к другому – первого промахнувшегося остальные окунали в воду. Большинство игроков вскоре устали играть, и Гарри продолжал дурачиться в бассейне с Линдой.

Дэвис и его жена присоединились к остальным, и едва Гарри заметил, как они идут к бассейну, боль скрутила нутро, и он стоял по подбородок в воде, шевеля руками, чтобы не кувырнуться, подпитывая кручение внутри и пляясь, машинально и непроизвольно оценивая жену – явные дюймы вялых мускулов, стянутых в цельном купальнике, – и насмехаясь над Дэвисом, уже выходящим в тираж, и его тощими лысыми ногами. Но она ни-

чего, совсем даже ничего, особенно если учесть, что у нее дети, и животик ничего, если только нет морщин на заднице...

Эй, Гарри, отойди, – Гарри не слышит ни звука, – ты оглох, что ли? – Ага, неплохая идея... Я еще ни разу не трахал жену младшего вэпэ...

Эй, подвинься, – потянув его за руку, Гарри повернулся и вопросительно уставился на Линду, – они хотят сплавать наперегонки.

108   Что???? А, – двигаясь с Линдой к краю бассейна.

У тебя, наверное, очень сильная способность сосредотачиваться.

Что?

Они тебе орали, а ты ничего не слышал.

Я изучаю йогу, – улыбаясь ей и краем глаза наблюдая за Дэвисами. Он помог Линде вылезти из бассейна, затем вылез следом, как раз когда купальщики нырнули и понеслись через весь бассейн. Минуту все вопили и улюлюкали, и это отделило Гарри от Дэвисов.

Хочешь пойти на солнышке полежать?

Через минуту, – глядя на Линду и ощущая, что улыбается, но отчасти не чувствуя улыбку. Хочу размяться.

Линда ушла, и Гарри нырнул и поплыл через бассейн, несколько раз сплавал вдоль всего бассейна, чувствуя узелок энергии, который, казалось ему, нужно извергнуть, и посреди третьего заплыва почувствовал, как узелок рассосался, и добравшись до стенки, Гарри вылез из воды к Линде.

Он встал над ней, и несколько водяных капель шлепнулись на ее сухую спину.

Ооооо, как холодно, ты гад, – завертевшись и уклоняясь от воды.

Ты час бултыхалась в воде, а теперь кричишь, когда на тебя падают две капли, – смеясь и присаживаясь рядом.

Смешно, правда? – смеясь и снова укладываясь на полотенце.

Ух, это было неплохо, – растягиваясь на животе и глядя ей в лицо, покоящееся на ее руках всего в нескольких дюймах от него. Ничто так не расслабляет, пожалуй, как хороший заплыв.

Да, согласна. Он как-то усыпляет, – ее глаза закрыты, в голосе улыбка. Кажется, ты хочешь спать. Хххмммм. Разбуди меня скоро, чтобы я спреди тоже подзагорела. Что значит скоро?

109

Ну, знаешь, когда спина достаточно загорит. А, ну ладно, – сознавая ее близость и улыбаясь. Гарри не спал, но плыл внутри себя, слыша, но не слушая крики пловцов и остальных вокруг бассейна – их голоса мешались с шумами, получался почти единый звук с разными партиями, и он поглощал поверхность разума, как фильмы на Сорок второй; и Дэвису с женой не разрешалось проникать в его разум – его чувства наполняли эту сторону разума, в полудреме он ощущал солнце на спине, запах травы и земли, и как они его глядят, и полотенце под собой, и касание мух и других насекомых, что исследовали его спину и ноги, но в основном он ощущал Линду, которая лежала рядом, спиной чувствуя то же самое солнце и букашек, покидающих его кожу, чтобы потрогать ее, и запах влаги после бассейна, запах воды, и кожи, и воздуха смешивались воедино, будоража Гарри, и оставались в мозгу даже теперь, когда солнце отравило влагу в прошлое.

Он сознательно погрузился в эти чувства и ощущения и затем постепенно осознал кое-что еще, другое... расслабленность. Он как бы усмех-

нулся про себя: он не чувствовал себя так, говоря, что плавание расслабляет, зато чувствует теперь. Забавно. И забавно, что вокруг целая куча людей, но ты – отдельно. Приятно плыть, и скользить, и чувствовать землю под собой... Действительно приятно...

Славная вода...

красивое небо...

и деревья...

110

Он

услышал, как Линда втянула воздух и чуть вздохнула, перекатившись на спину.

Пора переворачиваться?

Угум.

Чего это?

Спина готова, – и она утрамбовала себе место для головы, поворачивая ее туда-сюда, затем устроилась в этой ямке.

Что ж, наверное, мне тоже пора перевернуться.

Гарри чувствовал яркость солнца на веках, но вскоре привык и начал погружаться в себя, в пустоту сна, и гул внутри все тише, пока не стал почти бесшумным, затем его пнуло внезапно бодрствование. Гарри сощурился и перевернулся на бок. Он слышал, что в бассейне никого и стало гораздо тише. Он огляделся и заметил, что большинство людей валяются на солнце, а некоторые играют в карты.

Пора вставать.

Хммммм, – заворочавшись.

Лучше вставай, а то поджаришься.

Она перевернулась на бок и приоткрыла глаза, потом быстро заморгала и попыталась открыть их снова.

Я думал, у тебя встроенный таймер какой-нибудь, чтобы не перегреваться.

Я не перегрелась.

Ага, но если б я тебя не разбудил, ты бы подгорела до корочки.

Ну, я ведь не сказала, как именно проснусь, так? – улыбаясь, – есть всевозможные будильники.

А, понимаю, – смеясь, – ты установила *мой* таймер.

Ну, ты же разбудил меня, когда я загорела, – тоже засмеявшись...

111

Эй, Гарри, сыграем в рамми, а? Ты тоже, Линда, нам нужна еще пара рук.

Гарри посмотрел на Линду, и та в ответ пожала плечами и состроила мину, мол, почему нет, и они присоединились к остальным и уселись вокруг полотенца, которое заменяло игровую зону. Умеешь играть в пятьсот, Линда?

Наверное, еще помню.

Я вижу, ты ведешь, Том.

Естественно, Гарри, как же иначе? Они смеялись и хихикали, и посреди игры женщины поменялись местами, чтобы на них равно падало солнце.

Когда игра закончилась – выиграл Том, под хор обвинений в мошенничестве и требований проверить лист со счетом, – они вместе с остальными пошли одеваться перед коктейлями и ужином.

В баре мистер Уэнтворт подозвал Гарри и представил мистеру Симмонсу, президенту. Рад с вами познакомиться, Уайт. Уолт тут говорил вам комплименты, – рука на плече Гарри, – а я люблю поближе узнавать наших перспективных сотрудников – они наша новая кровь, хребет нашей фирмы.

Спасибо, мистер Симмонс, надеюсь, я смогу немало поспособствовать росту фирмы.

Хорошо, хорошо, вот такое отношение мне нравится.

Хотите выпить, Гарри?

Скотч с водой.

Уэнтворт помахал бармену и, когда тот принес выпивку, вручил ее Гарри.

Спасибо. Просто, как я понимаю, чем больше я помогу расти фирме, тем больше вырасту вместе с ней.

112

Правильно. Я так всегда и говорю: чем важнее для тебя фирма, тем важнее для фирмы ты. Они переглянулись и понимающе, одобрительно закивали.

Ненадолго они остались втроем – Гарри слегка удивлялся, что ему довольно уютно с Уэнтвортом и внутри не кипит никакая злоба. Он говорил совершенно искренне: он и в самом деле хотел содействовать росту фирму и стать успешным корпоративным руководителем, ему нравилась фирма и его работа, и он вполне согласился бы остаться там на всю жизнь – жизнь, которую он распланировал и спроектировал, жизнь, которая включала не только должность и успех, но и большой дом, автомобили, яхты и прочие атрибуты успеха, типа членства в эксклюзивном загородном клубе вроде «Лесной долины».

Гарри потягивал выпивку и искренне прислушивался к искренности собеседников, почти ощущая их и полагая себя участником разговора, но смутно сознавая свою обособленность. Он быстро и машинально отмел это чувство и заменил его гордостью и торжеством: он знал, люди в зале наблюдают, как он на равных беседует с Симмонсом и Уэнтвортом, и еще знал, что они трепещут перед ним и завидуют.

Разговор наконец завершился, и Гарри курсировал в толпе, слегка опьяненный и высокомерный, и ему казалось, он немного выше (порой гораздо выше) остальных. Он чувствовал себя обходительным и наслаждался тем, как звякают кубики льда, когда он трясет стаканом.

Он пошел к Дэвисам и, приближаясь, еще чуточку расправив плечи, и посмотрел на нее внимательно, когда Марк его представил. Дорогая, это Гарри Уайт. Гарри, моя жена Терри.

Привет, очень приятно.

Привет, Марк часто о вас говорил.

А, ну еще бы, – улыбнувшись ему, затем вновь взглянув на нее, – ничего хорошего, надеюсь. О вас он тоже говорил, но ни разу не упомянул, что вы так красивы, – Терри слегка покраснела. Марк, черт ты эдакий, не удивительно, что я с ней раньше не встречался. Будь я женат на вас, – снова пристально посмотрев на нее, – я боялся бы выпускать вас из дому, – его лицо открылось в дружелюбной улыбке, – Марк счастливчик, – Гарри смотрел на нее секунду-другую, внутри слабо закопошилась боль, и ему хотелось следовать туда, куда эта боль его приведет, но к ним подошли остальные, так что он с облегчением свалил.

В конце концов, он наткнулся на Линду – та сидела с Рэй и Луизой. Три милые юные леди, одни – мне сегодня везет.

Присоединишься к нам?

Спасибо, Луиза.

Вы только послушайте сэра Финкельштейна. Думаете, я поверю, что вы смотрите на эти античные руины, когда здесь такая красивая девушка, как Линда?

Все засмеялись, и Рэй посмотрела на них, широко и озорно улыбнувшись. Они шутили и смеялись, пока не пришло время обедать, затем встали и последовали за другими в главную столовую.

Гарри снова осознавал присутствие Линды и по пути чувствовал, как тонкое платье липнет к ее телу. Они сели рядом за один из длинных банкетных столов – Рэй и Луиза по одну сторону, Гарри с Линдой напротив. И за столом он тоже ее осознавал – ее голая рука всего в нескольких дюймах.

Дружеская болтовня и юмор Рэй помешали Гарри целиком – и исключительно – увлечься Линдой, хотя даже с шутками и смехом он постоянно чувствовал ее присутствие и нечто новое и смутное, что, казалось, исходило от нее. Его влекло к ней, однако вот прямо сейчас внутри не было никакого узла тревоги или напряжения предчувствия. Он мимолетно отмечал, что это так, но стал осознавать, что происходит, когда понял, что привычные ощущения пропали. Большею частью он просто пытался наслаждаться тем, что происходило (или не происходило), они перешли от супа к десерту, который Рэй, как она заявляла настойчиво, есть не собиралась, но затем принялась покусывать под взглядами и вздохами одобрения. Утром ты себя возненавидишь. Ой, Гарри, ты ужасен.

Ну и что тут такого? Несколько дней не буду вставать на весы и думать, что худая.

Они хихикали, пока мистер Уэнтворт не поднялся, постучав по бокалу, и не попросил внимания. В зале стало тихо, и все повернулись к мистру Уэнтворту. Благодарю вас. Он окинул взглядом столовую – на лице широкая улыбка. Надеюсь, вам всем нравится ужин, – взрыв вербального одобрения и аплодисменты, – и, – улыбка мисте-

ра Уэнтворта стала шире, – приятный час коктейлей, – снова аплодисменты, смех и энергичные кивки. Мистер Уэнтворт умолкнул, окидывая взглядом зал. Сейчас вы получите по заслугам... Я собираюсь произнести речь, – рукоплескания и смущенная пауза, и мистер Уэнтворт хихикнул и замахал руками. Нет, нет, пожалуйста, не волнуйтесь. Я не испорчу такую прекрасную трапезу, – опять хихиканье и смех. Я лишь хочу представить нашего президента, Кларка Симмонса, – обернувшись и простирая к нему руку, затем аплодируя, и остальные присоединились к нему.

Кларк Симмонс стоял, и слушал, и раскланивался минуту, широко улыбаясь, затем поднял руки, требуя тишины. Спасибо, большое спасибо. Мне действительно приятно быть с вами по такому торжественному случаю. И как мой добрый друг Уолтер, – глядя на Уэнтворта, – я не хочу лишними словами портить хорошую трапезу. Он улыбался и молчал, пока хихиканье не стихло. Тем не менее, я хочу поблагодарить всех и каждого из вас в отдельности за то, что вы преданные сотрудники, выполняете свои обязанности с энтузиазмом и энергией и помогли сделать этот год лучшим в пятнадцатилетней истории фирмы. И в связи с этой традицией и ростом, которому она способствовала, я хочу сделать краткое объявление о новой должности, которую этот рост сделал возможной и необходимой... и представить джентльмена, который будет нашим новым – и первым – младшим вице-президентом, – Луиза и Рэй покосились на Гарри, широко улыбаясь – мол, поздравляем, и Луиза потянулась к его пальцам, но он быстро убрал руку со стола, чтобы почесать затылок. Должен признаться, этому способному молодому человеку еще не

сообщили об изменении его статуса, так что это будет сюрпризом для него и его милой жены тоже. Леди и джентльмены, я хочу представить нашего младшего вице-президента Марка Дэвиса, – ооохи и ааахи, и Марк Дэвис заозирался, удивленный, счастливый, перепуганный, улыбающийся, и его жена принялась подпрыгивать на стуле, неистово хлопая в ладоши и хрипло выкрикивая ура и толкая мужа к президенту Симмонсу, те, что сидели рядом, пожимали Марку руку и хлопали его по спине, и он нерешительно двинулся вперед и схватил протянутые руки Кларка Симмонса и Уолтера Уэнтворта, и кто-то принялся скандировать: речь, речь, – и остальные присоединились и Марк Дэвис встал между Уэнтвортом и Симмонсом – они обняли нового младшего вице-президента за плечи – и несколько птичек вылетело когда делались снимки для профессиональных журналов и в конце концов аплодисменты и скандирование стихли так что Марк Дэвис мог говорить, а Луиза с Рэй смотрели на Гарри хмурясь не веря вопросительно и Гарри как последний сукинсын изо всех сил старался удержать эту проклятую улыбку и пожимать плечами отбрасывая безмолвные вопросы и обвинения Луизы и Рэй и не позволить коже треснуть от жара что казалось пробивался изнутри и тошноты что неожиданно скрутила нутро и сжала глотку а Уэнтворт и Симмонс сидели ухмыляясь и этот придурок Дэвис тупо мямлил как счастлив и как постарается выполнять обязательства налагаемые должностью – *новой* должностью, придурок, – и он должен поблагодарить свою чудесную жену за ту помощь которую она ему оказывала и за то что она позволила ему работать так, что он получил эту... – и он все благодарил людей, гро-

моздя бессмысленную чепуху, робкое изумление, и наконец-то сел, и все захлопали, как стадо умственно отсталых тюленей, и Гарри чувствовал взгляды Луизы и Рэй, что впились в него, как две матери, которым только что сообщили, что их сын учинил массовую резню, и пускай он встанет перед ними и откроет молнию на груди, пускай все заглянут внутрь и увидят уродство и порок, что скрываются внутри и медленно разлагают, и пускай он объяснится, чего это он тут сидит, в то время как этот жополиз Дэвис раскланивается под аплодисменты, а его жена визжит и виснет у него на шее, как сифилитичный альбатрос, словно этот тупой сукинсын и впрямь сделал что-то такое, чем стоит гордиться, а ведь он должен быть счастлив, если удастся почистить зубы и расчесать волосы, не перепутав расческу и щетку, и Гарри скрежетал зубами, мило улыбаясь Рэй и Луизе, и ноги его будто вот-вот сбегут от тела и он снова пожал плечами и захотел рассмеяться но испугался что заблует весь стол и он попытался напрячься и изобразить безразличие и дать двум своим суррогатным матерям понять что он мог бы получить эту работу но отказался ибо она помешает его будущему, но он не мог этого сказать, мог только намекнуть, потому что запускать слух нельзя, но все равно это не важно, и впереди ждут большие дела, и эта должность нужна Дэвису, у него же вся эта толпа, которую надо кормить, жалкий неудачник, и вот поэтому вообще-то ему эту должность и отдали, да и вообще, кому какое дело до всей этой херни, и мускулы на плечах и на шее вот-вот лопнут, и так больно, что, подумал Гарри, он сейчас либо потеряет сознание, либо вспрыгнет на стол и заорет, и проклятая улыбка словно схвачена це-

ментом, и Луиза с Рэй, по-видимому, с ним не разговаривают, и постепенно до него доходило, что происходит нечто новое, не только возобновились голоса, болтовня и хихиканье и смех, и краем глаза он уловил движение и затем услышал музыку, танцевальную музыку, и он несколько раз моргнул, и цемент, кажется, слегка треснул, а сердце замедлилось ровно настолько, чтобы не стучать в ушах, и затем он расслышал подобие слов, это Рэй велела ему подняться и танцевать уже, – ты что, шлёмиль¹, – собираешься вот так все и просидеть? И он услышал, как Линда засмеялась, и почувствовал, что встает на ноги, ослабевшие от болезненных мышечных спазмов, и слезы навернулись на глаза, и он встал и попытался шагнуть, и торопливо сморгнул слезы, и хихикнул, споткнувшись, надеясь, что ноги, к дьяволу, не подкосятся, и, пробираясь к танцполу, цеплялся за спинки стульев тех, кто сидел, и на ощупь вел Линду среди тех, кто отплясывал на площадке, позволяя себе падать на всех, кто случался рядом, пока ноги не окрепли наконец и он не смог стоять и двигаться без опаски, но танцпол был, к счастью, слишком переполнен, и можно было просто отскакивать от других пар, пока он не смог стоять без посторонней помощи, на своих двоих, и словно бесконечный ветер сочился постепенно изнутри, разбивая цемент, что держал его – и его улыбку – намертво, и он притянул Линду ближе и прислонился щекой к ее уху и ощутил мягкость ее платья и тепло своего дыхания, которое возвращалось, отфильтрованное ее волосами, обратно ему в лицо.

А чего

это они так смотрели? Кто смотрел?

---

1 Зд.:бестолочь (*идиш*).

Кто смотрел? Рэй и Луиза смотрели на тебя так, будто случилось что-то дикое и они ждут, что ты объяснишь, – Линда засмеялась, – или, как сказала бы Рэй, объясни-ка мне?

Они затерялись среди танцующих, и Гарри уже восстанавливал самообладание, незаметный и безликий в толпе, и его лицо расплылось в непринужденной улыбке. Кто его знает? Что бы это ни было, теперь об этом и говорить не стоит. Давай просто потанцуем. Линда улыбнулась и пожала плечами, склонив голову набок, и Гарри вновь притянул ее к себе, и они танцевали.

119

Когда они вернулись за стол, некоторые уже ушли, и они решили выпить еще по чашечке кофе перед уходом, а Линда приняла предложение Гарри отвезти ее домой.

Когда они проезжали мимо сторожки, меж огромных каменных колонн и чугунных кованых ворот, затем свернули на узкую дорогу к автостраде, Линда смотрела в заднее стекло на потемневшую сумеречную территорию клуба и пунктирный свет машин, движущихся по узкой дороге к воротам. Поворот неожиданно скрыл территорию, но Линда чувствовала бассейн, сад и покатые зеленые газоны, и деревья, и солнце, и смех. Она улыбнулась, повернувшись, и как бы вкрутилась в сиденье. Луиза и Рэй, конечно, милые дамы. Я, по-моему, никогда в жизни так не смеялась. Она смотрела на силуэты деревьев, и яркую луну, и звезды. Ух ты, какое прекрасное небо. Луна – прямо как солнце, только небо мягче. Как бархатное. Она поглубже уюстилась на сиденье и тихонько вздохнула. Какой замечательный день. Мне просто чудесно было. Я думаю, почти невозможно не провести там время хорошо, такое прекрасное

место. Линда хихикнула: я сама не понимала, но я рождена для клубной жизни... благословенной жизни, как говорится. Ты не согласен, Гарри? Ты не считаешь, что это прекрасное место?

Ага, но до следующего года все кончилось. Скоро мы снова окунемся в пот и вонь города.

120

Линда хмыкнула и посмотрела в мягкое бархатное небо, а Гарри чувствовал, как мимо проносятся телеграфные столбы. Может, оно и так, но прямо сейчас – совершенно прекрасно.

Линда включила радио, нашла станцию со спокойной музыкой и утнездилась на сиденье, в тепле своих чувств, и ее нежная улыбка и настроение не исчезли, когда деревья сменились дымовыми трубами и неразберихой зданий. Гарри мрачно предвкушал колдобины и пары из бездымных труб. Наверное, теперь, когда Дэвис большая шишка, ему придется переехать в пригород. В какую-нибудь элегантную картонную коробку в Левиттауне... нет, нет, в Джерси. Ага, в какой-нибудь муравейник в Джерси.

Что? Линда услышала голос Гарри, но горечь пока не уловила. Она все еще чувствовала сады, и солнце, и смех.

Знаешь, если у тебя высокий титул вроде младшего вэпэ, ты обязан жить в пригороде. Линда посмотрела на него, улыбаясь по-прежнему, и заморгала. В смысле, младший кто бы там ни был, в конце концов, не может себе позволить жить на Сентрал-Парк-Уэст. И вообще, нехорошо подбираться так близко к Парк-авеню, мало ли что в голову взбредет. Конечно, есть Коннектикут, но стоимость проезда отправит его в богадельню. Нет, придется в Джерси. В убогом районе, где зимой все замерзает и есть пожарное депо из двух

добровольцев. И можно расслаживаться и языками трепать, мол, когда-нибудь у них появится дом, а рядом газон с дождевальнoй установкой и куст азалии у парадной двери.

О чем ты вообще говоришь? – хихикая и качая головой.

Что? О нашем новом гиганте индустрии. Нашем вице-президеееенте. Этом мировом чемпионе, Дэвисе.

О. Ты меня как-то запутал. Я и не думала, что...

Ты его речь слышала? Господи, вот ведь дерьмо.

Я ничего такого не заметила, – глядя на Гарри и хмурясь.

Ты что, шутишь? Иисусе, да он выступал, как будто ему только что вручили Нобеля или по крайней мере объявили Человеком Года: и я хочу поблагодарить свою любимую жену, которая поддерживала меня (пока я лизал задницу) и всегда ободряла меня и давала мне... аххх, что за дерьмо.

Ты это серьезно, да?

В смысле?

В смысле, ты по правде расстроен, что его повысили. По правде разозлился.

Повысили? Нет. Кому нужно повышение? Это совсем другое. Просто меня достала вся эта возня из-за пустяка, и эта тупая баба, его жена, стоит и визжит, как свинья набитая...

Господи, ты и впрямь разозлился. По-моему, ты завидуешь.

Ты шутишь? – поворачивая голову, чтобы посмотреть на нее, пальцы стиснули руль, – завидую ему? О, ты, наверное, шутишь. Да от моего мизинца больше толку, – показывая мизинец, – чем от

его пустой головы. И я бы ни за какие коврижки не хотел проснуться с этой его женой в одной постели. Иисусе, что за тупая баба.

Мне показалось, она очень милая, – серьезно глядя на Гарри, – очень изящная и красивая.

Да? Ну, лучше он, чем я, – качая головой, – и уж из-за должности младшего вэпэ явно нечего шуметь.

122 Эта женщина слишком щедра на уверения, по моему¹, – глядя Гарри в лицо в мерцающем свете уличных фонарей. Это ты делаешь из мухи слона, Гарри.

Минуту он смотрел ей в глаза. Она раскованна и искренна, несомненно. Она его не дразнит. Слушай, я тебе вот что скажу. Если б я хотел быть каким-то там несчастным младшим вэпэ, я мог бы им стать не просыпаясь. Дэвис, наверное, хороший парень и все такое, но он бесхитростный говнюк, – голос все громче и напряженнее, – и все, что умеет делать этот тупой ублюдок, я умею делать в тысячу раз лучше, засунув палец в задницу и насвистывая «Дикси», и если ты думаешь, что я тут буду торчать, как последний шланк², пока этот жополиз куда-то ползет, ты скоро убедишься в обратном так что потусуйся тут и последи что будет потому что я-то уже взлечу а он так и останется младшим вице застрянет в вонючей хибаре где-то в джерсийском болоте и, – Гарри глубоко вздохнул, и сжал руль, и быстро поморгал. Он слышал ярость в своем голосе, и эта ярость его пугала. И еще он чувствовал, как низко то, что он говорил, и ежился внутри от смущения. Да ладно, хер с ним.

1 Уильям Шекспир. «Гамлет, принц датский», акт 3, сцена 2, пер. М. Лозинского.

2 Зд.: придурок (*идиш*).

Нашел из-за чего переживать. Он плотно сжал губы, потом ткнул в прикуриватель. Когда тот выскочил, Линда поднесла Гарри огонек. Он кивнул и пробормотал спасибо, борясь со смущением, терзающим изнутри, мучаясь, спрашивая себя, что думает Линда, боясь оглянуться и понять по ее лицу, что творится у нее в голове.

Линда потянулась и принялась слушать тихую музыку по радио – удовлетворенная улыбка вновь смягчила лицо. Задолго до того, как Гарри начал свою тираду, или даже до того, как они поехали домой, в глубине сознания Линда снова вспомнила день и решила, что это был хороший день, день для удовольствия, и ничто его не испортит... и никто. Она слушала скорее с любопытством, нежели с подлинным интересом, и абсолютно не собиралась что-то запоминать – ее устраивало, если сказанное уплывет вместе с пейзажем и временем.

Радио внезапно умолкло, когда они въехали в тоннель Линкольна, и Гарри в отчаянии попытался поддержать легкую Линдину болтовню, но разговор оказался почти невозможен; по бокам тек пот, и Гарри шепотом проклинал парня впереди за то, что не движается быстрее, и они никак не выберутся из тоннеля, чтобы Линда смогла и дальше слушать радио.

Когда они выехали наконец из тоннеля и влились в нью-йоркский поток машин, Гарри немного полегчало. Но чем ближе они подъезжали к Линдиному дому, тем сильнее он тревожился. Ему решительно неохота расслаиваться и базарить с какой-то телкой, и он знал, что ему не хочется с ней заигрывать, они так и будут сидеть и говорить о прошедшем дне, и каким прекрасным он был, и тому подобное дерьмо и, господи Иисусе, у него нет никакого настроения.

Он припарковался перед ее домом, и Линда посмотрела на третий этаж. Свет выключен. Наверное, моя соседка уже спит. Извини, – улыбаясь, – я не смогу пригласить тебя на кофе. Не хочу ее будить.

Все нормально. И вообще я какой-то разбитый.

Я чудесно провела время, – широко и искренне улыбаясь, – и большое спасибо, что отвез меня домой. Гарри подождал, когда она войдет в подъезд, и уехал прочь, надеясь поскорее добраться домой и немного поспать.

Иисусе, в понедельник была тоска зеленая – большая, жирная, зеленая тоска. Чем ближе подступало время вставать, тем беспокойнее был сон. Гарри ворочался, пытаясь устроиться поудобнее, но не мог, и висел, запертый, в сером мучительном лимбе между сном и явью. Тело болело и пылало в лихорадке, но в реальности голова была холодной. Он старался, изо всех сил старался поверить, что у него грипп и надо весь день оставаться в постели, но уснуть невозможно, а лежать без сна, опять и опять переживая пикник и поездку с Линдой, – слишком мучительно, и потому через пять минут после звонка он встал и охладил себя горячим душем.

И проклятое метро воняло, как помойка. Проклятые животные, набились в поезд, как в ковчег... ага, вот кто они – стадо вонючих животных. Как зоопарк в жаркий день. Ага, Нью-Йорк – праздник лета. Поганые ублюдки. Знаю я их праздник... с такой погодой. Просто отличная погода. Ужас как жарко, влажно, а ты потеешь, как душем окатило. И эти придурки смердят хуже зверей. Никогда не слышали про мыло, и воду, и зубную

пасту. Господи, ну и вонь. Проклятые уродливые тупицы. Как будто подмышки себе натерли чесноком и луком... и сжевали грязные трусы. Как вон тот чертов бабуин. Прямо как настоящий, на ремне висит. Вот бы он обрадовался, если б я ему орехов швырнул. Господи, интересно бы поглядеть, на каком орангутанге он женат. Так и вижу, как они сидят и смотрят ящик, выискивают друг у друга гнид и поедают. Она, вероятно, такая же волосатая, как вон та собака. Иисусе, да у нее усы длиннее, чем у Граучо Маркса¹. Черт, у нее из бородавки на щеке растет больше волос, чем у меня на голове. Ни за что на свете не хотел бы увидеть ее ноги. Волосы, наверное, гирляндами свисают... Господи, как в этой мерзкой коробке жарко. Пот рекой течет по спине. Боже правый, что за убогая жизнь – начинать день с того, что тебя в поезде сплющивает стадо вонючей живности... Черт, да ни одно животное не пахнет так мерзко... и не выглядит так мерзко. Толпа деревенщин, черт бы их взял... Уроды паршивые! Иисусе, вы посмотрите на их форму. Да шимпанзе в цирке лучше одеваются, чем эти кретины, ч-черт. Комплекты из «Подвала Кляйна». Доллар девяносто восемь за всё, плюс бесплатное радио в качестве бонуса. Красные слаксы! Красный пиджак! Розовая трикотажная рубашка и мудацкий красный полиэфирный галстук. Иисусе. Они, наверное, близнецы, – в одиночку невозможно быть настолько тупым. А бабы. Иисусе, что за шмотье. В этом сезоне и впрямь мода на уродство. Ахххххх, да хер с ними. Со всеми, кроме... Черт, может, лучше переехать в город и забыть про эти поганые под-

1 Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890–1977) – американский комик, член комедийной труппы братьев Маркс.

земки. Или, может, в пригород, там в поездах тупицы классом повыше. Черт! Да кому оно надо. В жопу пригород. И мудаков этих. Кретинов убогих. Хер с ними. Где они жрут... Пригород. Черт! Кому он нужен... Кто захочет...

126

Он пробился и протолкался через потный тоннель, десятилетия вони, и разрисованные стены, и плитка, точно в морге, и тупые неандертальцы отхаркивают мокроту из глубин нутра, сосут ее, а потом выплевывают на рельсы или в тень балок, втаптывают в цементные поры, и она прячется под прошлогодней грязью

и
наверх в радость гудящих машин и улиц бродячего зверинца нагретых солнцем что спрятано этими клятыми кусками стали и хуйни, но все равно понимаешь, что эта хрень там наверху потому что очень жарко и Бог запрещает чтобы стал ветерок который бы охладил потому что даже если бы ветерок и рискнул подкрасться к поганой печке города, его бы отрезал какой-нибудь фаллический символ кроме зимы когда кажется ничто не мешает ветру отморозить тебе яйца

но даже улицы
лучше чем проехать в лифте рядом с какой-то телкой облитой дешевыми духами что жгут тебе глаза пока те не превращаются в две дырочки от горячей мочи в снегу

и добираешься наконец до
своего стола и копаешься в мусоре на столе, ожидая, когда сломается кондиционер...

Глубокий
вдох, выдох, и аххх, нахуй, и новый день, новая неделя, начались...

И вообще, в чем дело, какого черта все так напряглись? Я ведь ничего такого не сказал. Не бил никого по голове и не трахал ничью жену. Наверное, не слишком тепло прозвучало, вне контекста, но можно ведь неверно истолковать шутку или такой вот экспромт. Знаете, едешь себе, радио включил, за окном ветерок, и машины гудят, концентрируешься на дороге и почти не слышишь ни слова и говоришь что-то типа, у него хорошая голова, и у кого-то в ушах все перемешивается и мерещится, вероятно, типа... э... чего-то, знаете... типа, он большая падла или что-то такое, не знаю, может, это не очень хороший пример, но вы понимаете, о чем я, или, может ты говоришь что-то типа он большая падла, но это же в шутку, и если бы человек видел твое лицо, он бы просек, что ты шутишь, а в темноте лица не видно, и он не привык к твоему чувству юмора и принимает тебя всерьез, а когда он это повторяет, все извращается и выходит оттенок и смысл, который не имеет ничего общего с тем, что ты сказал и имел в виду... вы же понимаете, что я имею в виду, правильно? Мне не нужно вдаваться в детали и загонять это дерьмо в лузу...

и, черт побери, куда делся лист спецификаций для Клаусонского проекта? Я же знаю, в прошлый четверг он лежал у меня прямо вот здесь, а теперь сукин сын пропал. Если его взяла Луиза, я...

ну хорошо, хорошо, вот он. Кто-то, наверное, передвинул, когда что-то искал. Оставили бы они в покое мой стол, ради бога...

И ради Христа, держите при себе свои плоские анекдоты. У меня нет времени выслушивать каждый

тупой анекдот, который какой-то идиот где-то услышал. Мне нужно работать. Некоторые из этих глупых баб думают, что все как они, и они здесь просто потому, что им больше нечем заняться, и они забили на работу и думают только о перерыве на кофе, на обед и о конце рабочего дня...

128 ну сами подумайте, мистер Уэнтворт. Вы же знаете, я бы не сказал ничего подобного ни об одном сотруднике. Господи... Ах, вы знаете... Я не утверждаю, что тот, кто говорит, будто я это сказал, лгун, но я скажу, что они ошибаются...

Видимо, это и впрямь звучит так, будто я завидую, но я скажу тебе правду, Линда, Истинную Правду. Я не завидую. Во-первых, мне нравится Дэвис, – лицо Гарри расплывается в искренней улыбке, – и я его уважаю. Он прилежный работник, таких еще поискать, и он мне очень помогал. И в конце концов, он здесь дольше меня, и...

Нет, нет, вовсе нет, мистер Уэнтворт. Я совершенно не против подшлифовывать его работу. В конце концов, мы здесь для того, чтобы делать все, что в наших силах, правильно? И если...

Иисусе! Удивительно, как люди лажают и делают из мухи слона. Болтаешь о пустяках с какой-то телкой, а кому-то нужно из этого раздуть федеральное дело. И вообще, это вас не касается. Просто отъебитесь от меня, а? Меня ваше мнение не интересует. Не хотите мне верить – ваша проблема. Я знаю, что ничего такого не сказал, и мне этого достаточно, а если вам не нравится, катитесь отсюда. Идите жевать свое дерьмо от меня подальше. Мне это

не нужно. Я делаю свою работу и не должен извиняться ни перед вами, ни перед кем ни за что! Ни за что!!!!

А затем поездка домой... клацанье, бряцанье, кашлянье, харканье, блядство-то... Так-то вот, жуй теперь, сукин сын. Покатай во рту, ты... аххх, ну и животное. Но хотя бы день закончился, не нужно выслушивать это конторское дерьмо и глупых баб, и как они щебечут, мол, замечательно было в пятницу, и такое прекрасное место, и представляете, я знаю владельца, и еда чудесная, и, и, и...

129

Насрать. Я пойду вечером в киношку с ребятами или что-то такое. Завтра будет лучше – да, точно! Все уже отойдут от пикника, вернусь в рабочий ритм – хвала Иисусу, этот кашляющий сукинсын сошел, таким ублюдкам надо запретить в поездах кататься, – подумаю, что бы такое сочинить по этому новому проекту Лангендорфа, и посмотрим, как старик Уэнтворт тогда запоем... Ага... Это уже будет не просто ночка в городе.

Гарри предался работе с упорством, которое поглощало всю его энергию. Титулы Гарри не волновали, – ему не нужен какой-то идиотский титул, чтобы доказать, кто *действительно* важен. И он не собирался никому ничего говорить, просто занимался делом и развивал идею, которая некоторое время варилась в голове, он положит Уэнтворту на стол лучшее, к чертовой матери, предложение, какое тот когда-либо видел... или кто угодно, с титулом или без, – Хахаха, интересно, постелят ли мне на пол узорчатый ковер????

Он рано приходил в контору и тут же погружался в работу, чтобы его не беспокоила утренняя болтовня и медленное рассаживание, и оставался допоздна, наслаждаясь тишиной и одиночеством, а также количеством и качеством работы, которую он выполнял за эти вечерние часы.

Пару дней он в основном бывал вне конторы, собирая и сравнивая информацию и проверяя имеющиеся данные. Чем дольше он работал над проектом, тем больше увлекался, и поздно вечером, приходя домой, тихо сидел в комнате и размышлял над дневной работой, перепроверя себя, чтобы наверняка ничего не упустить. И чем больше он увлекался, тем больше убеждался, что прав и его идея вполне осуществима, и чем яснее он это понимал, тем возбужденнее становился, и чудесное тепло самодовольного удовлетворения кружило у него внутри.

Он поехал в контору в субботу и к полудню так увлекся не только работой, но и предполагаемыми результатами, что совсем разволновался, и ему пришлось оставить стол и погулять между столами. На самом деле он скорее гордо расхаживал, чем гулял, и подпрыгивал, как подпрыгивал сидя.

Он остановился перед одним столом и понял, что тот принадлежит Линде, и в то же время сообразил, что не вспоминал о ней или Дэвисе несколько дней – как будто годы прошли. Господи, это же было всего неделю назад. Невероятно. А кажется, так далеко, почти смутное воспоминание. Ну и хер с ним, без толку думать о ней или о Дэвисе. Не сейчас. Просто выполняй работу... Ага.

Он быстро вернулся за свой стол и тут же продолжил работу – его правая нога подпрыгивала, как будто он закачивал в себя топливо.

К середине следующей недели он завершил проект Лангендорфа и два проекта помельче, линейного типа класса «А», чтобы проиллюстрировать, как будет работать его новый метод в проекте данного типа, но любого размера. Еще он порылся в папках и достал проекты прошлых лет для такой же корпорации. Все сложив и подготовившись представить все мистеру Уэнтворту, Гарри так возбудился, что внутри аж прыгал. Он трепетал, просто глядя на свою работу. Надо быть поосторожнее в разговоре с Уэнтвортом, потому что Гарри готов был ворваться, и хлопнуть того по плечу, и спросить: как делишки? Провернул что-нибудь удачное? Хахаха. Смотри-ка, чего я тебе притащил, Венти, мальчик, ты кирпич высрешь. Чисто золотой кирпич. Вот теперь-то мыотрежем конкурентов. Что думаешь, Венти, мальчик мой, старый ты мошенник, – хихикая и гогоча, – как думаешь, это стоит ночки в городе и меееее-дленнннного минета кого-нибудь из общественно-полезных и лобковых – извини, толковых – сотрудников по связям с общественностью? Или, может, всего их клятого отдела, – хлопнув его по спине и громко смеясь...

Но как *эти* данные дадут нам результаты, которые нужны для *этого* расчета?

Ну, я интерполировал вот эту информацию на полудесятичной основе вот с этими текущими данными. Затем я сопоставил их с результатами, спроектированными для *вот этих* данных, и загрузил в компьютер ИЛ30, на соотношении один к семнадцати, это *ультра*консервативно, и тем не менее получил малую цифру.

Уэнтворт откинулся назад в кресле, уставившись на бумаги и схемы, которые собрал Гарри, затем наклонился вперед и продолжил на них гла-

зеть. Вкупе с методом, который вы использовали для проекта «Комптона и Брисбейна», в линейном поле класса «А» мы неприступны.

Так и есть.

Откуда вы знаете, что так и есть?

Я порылся в наших папках и переработал старые предложения по этому методу, а *затем* проверил их с учетом реального опыта, и в каждом случае разница выходила меньше одного процента реальной стоимости работы, включая все неясности и непредвиденности.

132

Иными словами, – внимательно глядя на Гарри, – мы можем исключить фактор погрешности десять-двенадцать процентов и все равно иметь минимум восемь процентов маржи на выходе.

Правильно. Легко. Плюс на разработку любого такого проекта потребуется вдвое меньше времени.

Когда должен быть готов проект Лангендорфа? Двадцать седьмого числа следующего месяца.

Значит, вот что вы сделаете. Вы отдадите это, все это, аналитикам, и скажете им, что я прошу эти предложения и процедуру разобрать на части. Пусть кромсают под всеми возможными углами. Если в этой вашей идее есть изъяны, я хочу, чтобы они обнаружили сейчас. Понятно?

Да, – его внутренности пылали от возбуждения, руки-ноги тряслись, когда он собрал бумаги и схемы и направился к выходу.

И Гарри.

Да?

Не промахнитесь на этот раз, – слабый намек на улыбку.

Не промахнусь. Определенно.

временем будет так же раскован, как Уэнтворт и остальные, которых он замечал, оглядывая зал. Они словно бы абсолютно не стеснялись и не знали, каково чувствовать себя гостем, и он намеревался однажды – скоро – вести себя в точности как они.

Если хотите знать, Гарри, я не собираюсь обсуждать проект Лангендорфа – вы прочли отчет аналитиков, – и я считаю, мы начнем внедрять эту идею, – улыбаясь и глядя на Гарри, – как есть. Гарри воспылал внутри, изо всех сил стараясь сохранить расслабленную улыбку, а смысл Уэнтвортова замечания проникал все глубже и глубже, и Гарри захватило будущее и то, что будущее припасло, и преграды на пути к успеху будут разрушены, он будет все расти, и расти, и расти... Как только будут подписаны контракты, – а мне кажется, это абсолютно неизбежно, – я позабочусь о том, чтобы вы получили солидную прибавку.

Спасибо, – улыбаясь и старательно говоря как можно спокойнее, – я всегда только «за».

Уэнтворт посмотрел на Гарри. На самом деле я хочу с вами поговорить – еще раз, – о том, почему не собираюсь рекомендовать вас для повышения... сейчас. Нутро вдруг схлопнулось, и Гарри надеялся во имя Иисуса, что по его лицу это не видно. Не хочу пересказывать историю древности – а я считаю, это история древности и есть, – но вы сами знаете, что в прошлом у нас были дискуссии насчет вашего непостоянства. Я говорил вам, что я о вас высокого мнения, и это правда, я вас ценю. Когда вы добросовестно беретесь за работу – и то, что вы на днях сделали, идеальный тому пример, – вы умнейший молодой человек в фирме... и, возможно, не только среди моло-

дых. Я могу вам гарантировать будущее без границ, если только вы будете работать постоянно. Вообще-то, – махнув рукой, – мы всё это обсуждали, и, я считаю, уже достаточно сказано. Суть вот в чем – если точнее и конкретнее: я знаю, что некоторое время вы можете делать великолепную работу – вы ее делаете не впервые, – но как вы выдерживаете длинные дистанции? Вот, мой юный друг, в чем вопрос. Вы великолепны в забеге на пятьдесят ярдов, но нам не это нужно. Нам нужны люди, которые способны работать день за днем... год за годом. Я думаю, вы на это способны, но я не уверен, что вы думаете так же. Я думаю, где-то в глубине души вы сомневаетесь, что можете постоянно жить в соответствии со своим потенциалом. Гарри чувствовал, как скручиваются мускулы, и отчаянно старался сохранить правильное выражение лица, только бы вычислить, черт возьми, каково это правильное выражение. Вот почему я не хочу, чтобы вас повысили сейчас. Я не хочу, чтобы вы думали, будто выиграли гонку, и почили на лаврах, как случалось в прошлом, и подсчитывали победные трофеи. Видите ли, Гарри, в этой гонке нет финиша, кроме выбывания из игры. Каждый день очередная гонка, и она требует очередной победы. Поэтому я хочу, чтобы вы доказали себе, что можете постоянно выполнять работу. И, – слегка откинувшись назад и улыбаясь, – я даже собираюсь немного облегчить вам эту задачу, дав дополнительную работу. Я знаю, что такое скука. Оба заулыбались, и Гарри чуточку расслабился. Постоянство – секрет успеха, Гарри. Это первая ступень к вершине лестницы.

Гарри провел остаток дня в колебаниях между радостью и разочарованием, обижаясь на то, что его оставили за прежним столом, затем предвкушая дополнительные деньги и задачи. Он усердно выполнял работу, которая прямо сейчас была уныла, время от времени прекращал и озирался: то ему казалось, что он был здесь всю жизнь, то мерещилось, что все вокруг новое, – будто он знал, что бывал тут раньше, однако все почему-то незнакомое.

Он думал о Дэвисе, новом младшем вице-президенте, и слегка мучился и краснел, но затем вспоминал о прибавке и комплиментах Уэнтворта и самодовольно улыбался, думая о том, что будет получать, вероятно, даже больше Дэвиса с его титулом. И мысли его непрестанно возвращались к ресторану, и гомону, и запахам, и ощущению салфетки на коленях и в руке, когда он время от времени промакивал губы, и к лицу Уэнтворта, и к его тону. И Гарри знал: тот не вешает ему лапшу на уши. Уэнтворт был искренен. И его слова были искренни. Гарри это знал. Глубоко внутри он точно знал, что Уэнтворт говорил абсолютно честно. И в тоне Уэнтворта было нечто такое, от чего Гарри было хорошо. Ага, Уэнтворт был откровенен, еще бы. Тут никаких сомнений. Гарри нужно только не отвлекаться, и Уэнтворт продвинет его как может. Проще простого. Гарри точно не знал, что с ним случилось раньше, когда он облажался и просрал это повышение, но что бы это ни было, такого больше не повторится. Он об этом позаботится. Он собирался приходить сюда каждый день прямо по часам и делать такую офигенную работу, какую Уэнтворт и все остальные и не видали, и очень скоро... Ага, кто знает. Только наверх, боль-

ше некуда. Забудь об этих убогих кафетериях – он знал, куда идти обедать. И этот бред с гамбургером на перекус, когда поздно работаешь, – больше этого не будет. Он знал, как жить – как жить настоящему. Сентрал-Парк-Уэст не так уж далеко. Милая квартирка повыше, чтобы видно было весь этот чертов парк или даже океан. Вот как надо жить. Нужно куда-нибудь добраться – просто запрыгиваешь в такси. Никаких больше мучений в подземках. Скоро все будет. Ага... Гарри глядел перед собой и улыбался, и его затапливали будущее, тепло и благополучие.

Его улыбка стала шире, он встал и прошел к кабинету младшего вице-президента. Привет. Как дела? Я вдруг понял, что еще не видел твой новый кабинет, так что я подумал, надо бы глянуть, пока ты очередное повышение не получил.

Оба засмеялись, и Дэвис встал и воткнул свою ладонь в руку Гарри, протянутую над столом. Привет, Гарри. Как дела?

Отлично. Просто отлично. Ух ты, какой кабинет, – озираясь. Картины и цветов в горшке, а?

Ага, – смеясь. Видимо, если ты младший вице-президент, люди считают, что тебе нужно чуть больше кислорода.

Наверное, – они оба смеялись и хмыкали. Гарри с серьезной улыбкой повернулся к Дэвису. На самом деле я хотел сказать, что действительно рад за тебя, и если я могу что-нибудь сделать – знаешь, может, помочь или еще что, – просто свистни.

Ну, спасибо, Гарри, я это очень ценю.

Ну да. Они улыбнулись друг другу, и Гарри хлопал Дэвиса по плечу и ушел.

Гарри было так хорошо, он был так возбужден, что пришлось силком усаживать себя за стол.

Гарри не знал, что ему хочется делать, но что-то явно хотелось – что-нибудь.

Телефон зазвонил, и он тотчас поднял трубку. Привет, Гарри, это Линда. Папка Баррелла еще у тебя?

На мгновение мысли закружились, и Гарри отчаянно старался не отстать. Он знал, что знает некую Линду и некую папку Баррелла, но не мог их связать или сопоставить. Прошло несколько бесконечных секунд, а затем все встало на свои места.

Привет. Давно не виделись. Ага, вообще-то у меня.

О, хорошо, она мне нужна. Не возражаешь, если я заскочу?

Не беспокойся. Мне все равно в ту сторону. И вообще мне надо было ее раньше вернуть. Сейчас приду.

Он нашел папку и, счастливый, вышел из-за стола. По крайней мере, теперь ему есть что делать и куда идти. Он не мог больше сидеть спокойно.

По пути к Линдиному столу в его разуме вспыхнули картины: как она лежит подле бассейна – и подле него – и как они танцуют, и он вспомнил, как она выглядела, как ощущалась, и смутно подумал, в городе ли ее соседка.

Привет. Куда ее? – протягивая папку.

Ой, да положи вон туда, к остальным, – тепло улыбаясь.

Надеюсь, они не упадут, – водружая папку на верх стопки, – они рухнут на тебя, а нам бы этого не хотелось.

Тут я с тобой солидарна. Когда-нибудь я с ними закончу, я надеюсь, и благополучно уберу их со

стола. Кстати, я слышала, ты в последнее время засиживаешься за работой до глубокой ночи.

Правда? Ты, наверное, с Луизой и Рэй говорила, – хихикая и грозя ей пальцем.

Ну, – смеясь, – я обедала с ними несколько раз.

Кстати про обед, может, составишь мне завтра компанию? Я заскочу.

Я думала, ты перестал ходить на обед.

Ну, – бурно жестикулируя, – для тебя я сделаю исключение.

139

Спасибо, – улыбаясь и хихикая, – очень благодарно с твоей стороны.

Ну, ты ж меня знаешь, – прижимая руки к груди, – я сама доброта.

Как я могу отказаться от такого приглашения – нет, – поднимая руку, – не говори мне, я знаю: легко. Они оба засмеялись.

Пойду обратно. До завтра.

Обед был восхитительный. Как будто годы миновали с тех пор, как он спокойно обедал, и он уже забыл, когда в последний раз обедал с женщиной и кто она была, – столько времени прошло. И когда бы он ни был, и с кем бы он ни был, Гарри знал наверняка, что этот обед не такой – этот ненапряжный, никакого давления, никаких игр, никакого лавирования. Просто слишком краткий обеденный перерыв с веселой женщиной (хммм, никогда бы не подумал, она не телка) и очаровательный разговор.

Ходят слухи, ты готовишь что-то новенькое?

Ты имеешь в виду слухи под названием сплетни?

Она захихикала вместе с ним. Кажется, Рэй и Луиза как-то особо тобой интересуются.

И многим другим тоже.

Да, это правда, но они мне ужасно нравятся. Они такие милые, такие приветливые и... дружеские. У них материнский инстинкт, что ли.

Ага, – хихикая, – я знаю. Но одной матери достаточно, мне еще две не нужны, – Гарри вдруг засмеялся, – чтоб интересовались нашим обедом и когда мы поженимся.

140

Да, пожалуй, – улыбаясь, – ты сколько детей хочешь?

Ну, я не знаю, почему бы не начать с десяти?

По-моему, лучше нам вернуться к обеду, если ты не против.

Ладно, – смеясь вместе с ней, – кажется, это гораздо безопаснее.

Но нельзя отрицать, что они – отличный источник информации. Между собой они знают все, что происходит в конторе, даже если это еще не случилось.

Ага, – кивая, – это, конечно, правда... Кстати, я хотел извиниться за то, что я тебя доставал по дороге с пикника.

Доставал? Боюсь, я не понимаю, о чем ты.

Ну, знаешь, – ерзая и взяв по столу кофейной чашкой, – я, э... ну, я, наверное, нехорошо отзывался о некоторых вещах, и, – пожимая плечами, – то, как я... э... говорил о Дэвисе и его повышении, звучало, наверное, странно... Знаешь, поразмыслив, я понял, что у тебя, возможно, создалось неправильное впечатление.

Гарри, не нужно извиняться, – тепло и утешительно улыбаясь, – передо мной. Вообще-то я даже не представляю, о чем ты говоришь. Я действительно чудесно провела время.

Хорошо, – улыбаясь и про себя вздохнув, – рад слышать.

Но Расскажи мне об этом твоём новом проекте, мне до смерти хочется узнать. Рэй сказала, это нечто, цитирую, уже впечатляющее и фантастическое, конец цитаты.

Ну, на самом деле оно не такое уж грандиозное, – расслабляясь и наслаждаясь теплом её улыбки и голоса, – мир оно не изменит. Но, – улыбка шире, – оно меня и впрямь заводит. Видишь ли, в этой идее что, наверное, важнее всего, – жестикулируя и уже ораторствуя, – что я, кажется, могу её применять и в других областях, не только в тех, где сначала её использовал, – по крайней мере, это я попытаюсь сделать – пытаюсь. И кто знает, что обнаружится, если я и дальше... – Линда засмеялась, и Гарри озадаченно вытаращился на неё, а она потянулась через стол и сжала его руки в своих.

Прости, Гарри, я не хотела тебя прерывать или огорчать, просто я никогда не видела человека, которого так волнует работа. По-моему, это чудесно, просто замечательно. Тебе по правде работа нравится, да?

Ага, ну, – слегка покраснев, – наверное, нравится. Она меня как-то захватывает, знаешь, когда есть проблема и нужно найти решение, – Линда убрала руки и внимательно глядела на него, улыбаясь, – или когда неожиданно возникает идея, и работаешь над ней, и работаешь, и вертишь её, и налегаешь на неё, пока не доводишь до совершенства, – Гарри откинулся на спинку и усмехнулся, – видимо, работа мне нравится.

Да, я так и поняла. Но я боюсь, нам придется продолжить в другой раз, пора возвращаться.

Очень жаль. Единственное, что мне нравится больше моей работы, – это о ней говорить, – взмахнув руками и широко улыбнувшись, – с тобой. Может, пообедаем снова, завтра?

Отлично. Я с радостью.

Назавтра обед получился еще увлекательнее – он прошел за разговором о работе Гарри и о том, что он сделал и надеялся сделать и как хорошо и, ах... он становился цельным, что ли, когда с головой уходил в работу; и о его амбициях и мечтах об успехе. И удивительная вещь – Гарри Уайт не совсем это осознавал, поскольку чересчур увлекся собой, но как-то чувствовал, – Линда не только внимательно слушала, ей было по-настоящему интересно то, что он говорил, и она явно наслаждалась разговором – или, возможно, точнее сказать – монологом.

Вернувшись в контору, он спросил Рэй, не хочет ли она узнать, о чем они говорили, или она уже знает?

Конечно, знаю, – Рэй смеялась, – но тебе не скажу. Сам выясняй, дорогуша. Ты только послушай этого вундеркинда, Луиза. Он думает, у нас под столом клопы. Гарри и Луиза разразились громким хохотом, который поспешно уняли до пристойного смеха. Ну и что здесь такого смешного?

Луиза и Гарри все еще содрогались между бурным хихиканьем и смехом. Скажи ей, Гарри.

Гарри вытер пару слезинок и перестал смеяться. Ты хотела сказать – жучки.

Ой, великое дело. Клопы или жучки, какая разница.

Не совсем, – они с Луизой вновь засмеялись, – большая разница.

Да кто спорит? Позволь сказать тебе, клоп или

жучок, сначала расписываешь девушке, какой ты замечательный и как высоко взлетишь, а затем она тебя ловит.

Прислушайся, Гарри, это хороший совет, – все еще смеясь и хмыкая.

Ты имеешь в виду типа совет страдающим от неразделенной любви от Милашки Линды¹ или, может, от Линды Лавлэйс?

Ну что тут сказать? Назови и выбери.

Все засмеялись, и Гарри смиренно распростер руки. Я сдаюсь. Не знаю, как я тут вообще оказался, но я смываюсь, пока из-за вас с катушек не слетел.

Недалеко лететь, – Луиза захлебывалась смехом и брызгала слюной, – совсем близко.

По пути к столу его глаза опять слезились от смеха.

Весьма счастливо и без напрягов они обедали с Линдой почти каждый день. Гарри знал, что они просто поедят, поговорят и вовремя вернутся в контору, а потому не боялся, что ситуация выйдет из-под контроля, и он вернется на несколько часов позже, и у него снова будут проблемы с Уэнтвортом. Гарри этого не хотел. Дела шли хорошо – в сущности, великолепно, – и он хотел продолжать в том же духе. Ему действительно нравилась работа, и он с нетерпением ждал ее каждый день.

И у него не было никакого желания слоняться в обед и смотреть, каких телок можно подцепить и с какими поиграть. Так или иначе, весь этот расклад казался частью далекого прошлого и вспо-

---

¹ Линда Лавлейс, (1949–2002) – американская порноактриса.

минался лишь смутно, – временами с тенью смущения, а временами со смутным подозрением: если он займется этим снова, это будет означать не только потерю работы – работы, которую он теперь так любил и которая доставляла такое удовольствие, – но и потерю чего-то еще. О чем он не знал, но смутно чувствовал: лучше остерегаться, ибо с этим раскладом связано нечто не просто неизвестное, но и совершенно убийственное.

144

И, разумеется, ему нравилось общество Линды. Она была другая, не похожая на остальных телок – женщин, – которых он встречал. Он не пытался анализировать отличие или хоть как-то об этом размышлять, он просто позволял себе наслаждаться. И все яснее понимал, какие чувства она в нем будит.

Например, он время от времени думал – изумленно, – как сильно ему нравится просто с ней разговаривать. Казалось, у них всегда праздник, если они беседуют, едят сэндвичи и пьют кофе в переполненном буфете или кафетерии. У них всегда находились темы для разговора и идеи, и это было так ново для Гарри.

Но самое важное, действительно важное, то, о чем он думал снова и снова, то, что нравилось ему все больше и больше, – ее смех. Самый счастливый смех, какой Гарри только слышал. Такой настоящий. Будто ей не только нравилось смеяться, но и нравилось жить. Не раз он смеялся до того, как она подходила к кульминации анекдота, который рассказывала, потому что она начинала смеяться еще раньше.

Но не только в звуке дело, не только в том, что этот смех делал с Гарри и для Гарри. Еще и сама картина. Линда просто сияла, когда смеялась, и,

казалось, веселится все ее тело, все ее существо. Ее глаза сверкали огоньками, и даже ногти словно пылали. Она любила смех.

В пятницу они договорились на завтра пойти поплавать. Они пришли на берег ближе к полудню, и хотя пляж переполнили выходные искатели отдохновения, им не составило особого труда найти свободное место, более чем подходящее для их нужд и поблизости от прибоя. Они разложили подстилку, скрутили одежду и положили ее под полотенца, затем отправились купаться.

Вода была холодная, когда они вбежали, но едва первоначальный шок прошел, она стала бодрящей, и они купались довольно долго, плавали до последнего буйка и обратно; ныряли в волны или просто скакали в прибое. Выйдя из воды, они побежали назад к своей подстилке, смеясь и стряхивая с себя воду.

Они растянулись на подстилке, и Линда, высохнув, принялась натирать себя маслом для загара. Натершись целиком, кроме спины, она передала бутылочку Гарри и вытянулась на подстилке. Натри мне, пожалуйста, спину, Гарри.

Конечно. Гарри медленно уронил несколько капель ей на спину и засмеялся, когда Линда заерзала.

Ооо, как холодно, Гарри, не надо.

Ага, я знаю, – смеясь и выливая на ладонь немного масла.

Ты ужасен.

Ага, я знаю, – хмыкая и медленно втирая масло ей в спину. Знаешь, с таким бикини натирать приходится прямо целые акры. Она хмыкнула, и Гарри дальше натирал ей спину, наслаждаясь прикосновением к ее коже, такой гладкой и теплой от масла и солнца. Он натирал, почти гипнотически, наблюдая, как рука движется по ее прекрасной спине, – и внутри тоже разливалось тепло, от солнца и возбуждения, что струилось через ладонь по руке...

О, это так приятно, я усну сейчас.

Ну, – смеясь, – это не дает уснуть мне. Он провел рукой последний раз и собирался было шлепнуть Линду по попе, но передумал. Он отдал ей бутылочку: Ладно, теперь моя очередь, – и растянулся на подстилке.

Типично пляжный день, и дети, пробегая мимо, швыряли им в лицо песок. Они вдвоем плавали, окунались, прыгали и ныряли; и ели хот-доги с холодным пивом, и даже турецкие ириски.

Они ушли с пляжа под вечер, и дороги были переполнены, и машины временами еле двигались, но сегодня это вроде и не беспокоило Гарри. Впервые, они никуда не спешили, болтали и смеялись – Иисусе, ему нравилось слушать ее смех, – и хотя машины временами ползли как черепахи, время летело, и поездка была приятна. Выходило, конечно, совсем не так, как в прошлый раз, когда Гарри подвозил Линду. Поразительно, но это было не так уж давно, и все же казалось, что та поездка – из смутного и далекого прошлого. Боже, какая разница между той поездкой и этой. Просто ни в какое сравнение не идет. Вообще.

Соседка уехала на выходные, так что они решили поужинать у Линды. Я пожарю отбивные, нарежу салат и гляну, что у нас еще есть.

Отлично. Я согласен.

Я по-быстрому в душ, смою песок. Вернусь через минуту.

Гарри растянулся в кресле и постепенно осознал, что слушает плеск в душе, а затем поймал себя на том, что представляет, как вода стекает по Линдиному телу, и потряс головой, и проморгался, и отогнал эту картину. Неизвестно почему, углубляться в такие фантазии не хотелось.

Плеск неожиданно прекратился, и через несколько секунд Линда вышла из ванной, закутанная в большой махровый халат, вытирая голову полотенцем. Ну вот, душ в твоём распоряжении. Знаешь, я считаю, одна из лучших вещей в походе на пляж – душ после пляжа.

Гарри засмеялся вместе с ней. Ну, наверное, можно и так посмотреть.

Когда он вышел из душа, весь такой свежий, чистый и холодный, Линда возилась в кухне, жарила, мешала и нарезала. Знаешь, ты права, это лучшая часть дня на пляже. Он зашел в кухню и минуту понаблюдал, как Линда работает. Ну и ну, ты крутишься так, будто правда знаешь, что делаешь.

Я и знаю, – сморщив нос, потом засмеявшись, – и мне это нравится. По-моему, я для этого рождена. Меня это и впрямь заводит, цитируя одного знакомого трудолюбивого юношу.

С такой памятью мне придется следить за тем, что говорю. Чем-нибудь помочь?

Нет, спасибо. Если только ты не хочешь вина к ужину.

Конечно, почему нет? Может, «Голубую Монахиню»?

Нет, пожалуй, не надо, – лицо серьезное, – я думаю, мы поедем вдвоем. Ее лицо растянулось в широкой улыбке, и Гарри рассмеялся.

Осторожнее, это может войти в привычку. Они захмыкали, и Гарри спросил, предпочитает ли она какое-то особое вино.

150 Нет. На самом деле я их не различаю. Обычно я покупаю импортное «бордо» за девяносто семь центов. Кажется, оно очень хорошее.

Понял, одно импортное и дорогое вино. Красное или белое?

Красное. Оно гораздо красивее.

Мне кажется, его оценивают не так, – улыбаясь и наслаждаясь тем, как она перемещается по кухне, – но как скажешь, пусть красное.

Садясь, Гарри оглядел стол и ему показалось, что это волшебство. Все это. Волшебство. Пара свечек, большая салатница и две поменьше, тарелки, приборы, салфетки, старый деревянный стол, – ничего необычного или исключительного, однако Линда что-то такое сделала, и все вместе казалось совершенно особенным. И было особенным.

Это невероятно. Как тебе это удалось? Ты же готовила совсем недолго.

Ой, пустяки. Это любой первоклассный шеф-повар может.

Пожалуй, ты права, – улыбаясь, – это и впрямь тебя заводит, конец цитаты.

Ужин был вкусным и восхитительным. Когда они закончили, Линда вынесла вазу с фруктами и сыр. Надеюсь, тебе нравится вонючий сыр. Я его обожаю.

Они остались за столом, попивали кофе и разговаривали. Гарри весь день не думал о том, что чувствует. Он даже не знал, думал ли хоть о чем-нибудь. Он блаженствовал и просто следовал за этим блаженством без вопросов. В сущности, он не мог вспомнить – если и пытался, – когда еще ему было так хорошо. С самого детства он так не расслаблялся. День был приятен отчасти потому, что Гарри всего этого не осознавал.

Но затем он постепенно распознал какую-то тревогу внутри. Без всякой на то причины ему стало не по себе. Вечер продолжался так же, как весь день, они разговаривали и смеялись, но теперь внутри Гарри что-то смутно сопротивлялось инерции дня, – сопротивлялось, дабы изменить курс событий. Гарри понимал, что ведет себя неестественно. Что за дела – сидит и шутит с какой-то телкой. Это безумие. Он в жизни такого не делал. Он должен делать что-то другое, но сейчас не знал, что именно. Кретинизм. Он чувствовал: он знает, что ему полагается делать, что он должен взять и сделать это, но в то же время не мог вычислить, что это такое – или зачем – или что вообще внутри него происходит. Его просто все сильнее смущали эти метания, а смущение смущало еще больше.

И плюс к смущению Гарри было хорошо с Линдой – просто сидеть, и шутить, и пить кофе, и покусывать сыр. Дурно пахнущий сыр. И Линда волновала его, и он хотел потянуться и коснуться ее руки, но как-то не мог. Иисусе, да почему это обязательно так сложно? Почему у него все сжимается внутри и такое чувство, будто вот-вот что-то произойдет? Он пригляделся к этому странному ощущению и к тому факту, что он не может

потянуться и взять ее за руку. И вообще, зачем ему брать ее за руку? Это ребячество, Христа ради. Он как-то потерял контроль над игрой. Она еще никогда так не шла. А как она шла? Он почему-то не мог вспомнить. Или мог? Каким-то образом он чувствовал, как должна идти игра, но будто просто наблюдал с трибуны, как она идет не туда. Ему почти хотелось встать и завопить: Эй, тут что-то нечисто. Так нельзя. Но он лишь сидел, и разговаривал, и шутил, и смеялся, и наслаждался жизнью как никогда, сражаясь с бесом, что бурлил внутри, рос, и рычал, и внутренний глаз Гарри моргал в тревоге и смущении.

Гарри встал, и пошел в ванную, и посмотрел в зеркало, и нахмурился на свое отражение – или отражение нахмурилось на него? – и повертел головой туда-сюда, и растянул рот в улыбке, затем покачал головой и тихо усмехнулся, да ты псих, сукин ты сын. Ты не в своем уме. Он еще немного поглядел на себя так и эдак, затем пожал плечами и вышел из ванной.

Он постоял у Линды за спиной, затем положил руки ей на плечи и поцеловал в шею, и его ладони медленно заскользили по ее рукам. Она, казалось, чуть подалась к его губам, а он, целуя ее в шею, вдруг застеснялся, и наблюдал за собой, словно играл роль в фильме – или, скорее, подражал какому-то актеру в любовной сцене. Он будто одеревенел, стал неуклюж и неестествен, но продолжал целовать ее шею и скользить ладонями к ее груди. Она очень вежливо, но твердо убрала его руки. Он тяжело дышал ей в шею, пытаясь воодушевиться и в то же время критикуя себя за плохую работу. Но остановиться не мог.

Пошли в постель.

Линда тихонько хмыкнула, и обернулась, и посмотрела на него изумленно. То ты смеешься над «Эбботт и Костелло встречаются с Оборотнем»¹, то хочешь в постель.

Ну, а что тут такого странного, если человек хочет пойти в постель с красивой женщиной, – заставляя себя снова ее поцеловать, но она вежливо отстранила его, и он сел.

Ничего. Просто момент, по-моему, странный. И смешной.

Он пожал плечами, якобы равнодушный, но все равно застенчивый и неуклюжий. Я не знал, что существует какое-то особое время.

Ну, существует, – все еще нежно улыбаясь, – подходящий момент.

Я всегда думал, что любой момент – подходящий.

Для тебя, возможно, но не для меня. А для пары нужны двое.

Гарри пожал плечами и изо всех сил попытался проглотить беса, покончить с ним раз и навсегда, но не смог. Он не знал, что произошло и как сложилось вдруг, что они сидят и вот так разговаривают, но не мог помешать себе делать то, что делал, и не знал, что еще сделать или сказать. Что-то вышло из-под контроля. Казалось, он только и мог сидеть и слушать себя, и наблюдать за собой, и чувствовать себя таким ужасно извращенным и странным, что он не знал, как ему, к дьяволу, поступить.

---

1 Имеется в виду комедийный фильм ужасов американского режиссера Чарльза Бартон «Эбботт и Костелло встречаются с Франкенштейном» (*Abbott and Costello Meet Frankenstein*, 1948), в котором комики Бад Эббот и Лу Костелло встречаются с Франкенштейном, Дракулой и Оборотнем.

Прости, если я тебя обидел...

Ты меня не обидел, Гарри, – все так же нежно улыбаясь, –

...но я

не знал, что ты это приберегаешь.

Линда склонила голову набок и посмотрела на Гарри, затем покачала головой. Я удивлена. Я правда удивлена, Гарри.

154 Почему? Ты что, думала, я какой-то монах-отшельник, что ли?

Ну, откровенно говоря, я об этом вовсе не думала. Но если бы подумала, должна признаться, я бы никогда не сочла тебя таким... таким, – она пожала плечами и покачала головой, – э... не знаю, как точно выразиться, – Гарри уставился на нее так, словно один взгляд мог все изменить – изменить то, что сказано, что произошло и, самое главное, изменить то, что сейчас скажет Линда, ибо он чувствовал, что ее слова пронзят его, точно острая ледышка, – ну, наверное, я хочу сказать, я никогда не думала, что ты поведешь себя, как школьник.

Может, это ты ведешь себя, как школьница. Может, это ты...

Гарри, – улыбка сошла с ее лица, и она посмотрела ему в глаза, посмотрела почти сквозь него, – если все выворачивать наизнанку, ничего не изменится. И я совершенно не понимаю, зачем ты раздуваешь из мухи слона. Твое эго настолько нежное, что ты не можешь без враждебности принять отказ?

Кто это, черт побери, враждебен? Я, знаешь ли, не враждебен только потому, что ты упорная целка, которая свою девственность высиживает.

Линда посмотрела на него, уже не удивленная, но недовольная и крайне разочарованная. Я хочу сказать тебе одну вещь, Гарри, – Гарри чувство-

вал, как его корежит внутри, ему хотелось встать и уйти, или исчезнуть, или все изменить, и что за хуйня здесь вообще творится, – не то чтобы я должна... Я, конечно, не обязана разъяснять тебе свое поведение. Это, конечно, *моя* прерогатива говорить да или нет кому пожелаю. Но я хочу тебе сообщить, чтобы ты кое-что зарубил себе на носу... и, может, я хочу это сказать, потому что меня твоя детскость расстроила. Ты не должна мне говорить...

155

Я знаю, что не должна. Но я хочу тебе сообщить, что ничего не *высисываю* и ничего не *приберегаю*, потому что нечего приберегать (Гарри становилось все жарче и жарче, и будь он проклят, если не краснеет. Черт! ЧЕРТ!), и нет никакого *пунктика*, никаких *подавленных желаний*, никаких страшных, темных, уродливых и подлых секретов под покровом намеренной непорочности (Гарри в жопе. В жопе! Он не мог протестовать. Он не мог двигаться. Он, казалось, мог только сидеть и слушать) – всего лишь простое решение, принятое мною, ради меня (если б только она завопила или сделала что-то такое, отчего он смог бы разозлиться, оборвать эту свою долбаную инертность, – так нет же. Она лишь смотрела ему в глаза и уверенно говорила то, что хотела сказать, даже не повышая голоса), решение, которое возникло не в результате какого-то уродливого, драматического или травматического опыта, но просто из внутреннего понимания себя... из внутренней потребности. Ты тут ни при чем и, если уж на то пошло, никто ни при чем... только я. Знаешь, Гарри, я не хиппушка или какая-то там раскрепощенная или разочарованная женщина, которая прыгает из постели в постель как одер-

жимая. Я просто зрелая женщина, и следующим мужчиной, с которым я лягу в постель, будет мой муж. *Мой муж*, – снова нежно улыбаясь, – а не чей-то еще. И он будет моим *нынешним* мужем – не *будущим* мужем. Извини, что не могу рассказать тебе гнусную скорбную повесть, Гарри, – ее улыбка становилась все нежнее, – которую мы бы могли обдумать и проанализировать, – Гарри топорно попытался пожать плечами, – но все вот именно так просто.

Гарри смотрел на ее улыбку, его лицо опустело и окаменело, в голове все металось и кружилось, и он отчаянно придумывал, что бы такое сделать, – как-то скривить рот, кивнуть, махнуть рукой или пожать плечами, или улыбнуться, и хотя буйство внутри продолжалось, он сидел и смотрел на ее улыбку. Затем пошарил рукой в поисках своих часов и попытался – понадеялся – изобразить легкое удивление. Уже поздно. Я, пожалуй, пойду.

Линда молчала, проглотив свое разочарование, и смотрела, как Гарри уходит. И хотя она была разочарована тем, как завершился день, ей стало легче, едва за Гарри закрылась дверь. Неловкость и замешательство, а также напряжение, которое они создали, росли так быстро – особенно когда они сидели, безмолвно глядя друг на друга, – что стали почти осязаемы и невыносимы.

Линда сидела за столом и тихо вздыхала, все еще немного шокированная внезапностью, с которой прекрасный день превратился в нечто такое... такое печальное. Да, наверное, это подходящее слово. Ужасно жалко. По правде жалко. Она быстро обдумала, что произошло и что она говорила, и не

раскаялась. Ни капли не раскаялась. Как бы она на это ни смотрела, каковы бы ни были ее чувства к Гарри – а были они глубоки и нежны, – она бы повторила то же самое. Просто бывают такие компромиссы, которые подорвут саму основу твоей жизни. Она опять вздохнула, взяла кофейные чашки и поставила их в раковину.

Она огляделась, затем опорожнила пепельницы и тоже сложила их в раковину, погасила свет и отправилась в постель. Некоторое время она лежала без сна, думая о Гарри, с любовью, хотя сегодня страшно в нем разочарованная, но мирясь с тем, что произошло, и с тем фактом, что это свершилось и осталось позади, и ничто и никто не мог этого изменить. И она смирилась также с тем, что не изменила бы своих слов, даже если б могла, и тревога рассеялась, и Линда погрузилась в сон.

Господи Иисусе... Сукин сын. Все испортил. Все, нахер, испоганил. Просто не понимаю сукиного сына. Сидишь, смеешься и вдруг бац – пошел на хуй. Как это я, к чертовой матери, позволил телке так меня облапошить? Я, наверное, спятил. Надо было слинять. Эй, крошка, да кому оно нужно? Прибереги для другого. Я на это не покупаюсь. До встречи. Вы представьте только – телка пыталась мне эту лапшу на уши вешать, а? Да за кого она меня держит? Широко улыбнуться, засмеяться и слинять. Или просто взять ее и отнести в постель. Она-то, вероятно, того и хотела. Несла эту зрелую чушь и ждала, когда я раскрою ее блеф. Почему я этого не сделал???? Хер с ним. Я ей такого удовольствия не доставлю. Пускай изводится. Гарри въехал в Бруклинский тоннель, и замкнувшееся пространство, и кафель, и огни напомнили дале-

кое прошлое, когда он вез через тоннель Линду и сукин сын Дэвис не шел из головы, и Гарри отмахнулся, избавляясь, выталкивая все это из окна, или за спину, или еще куда, куда угодно, все равно, он просто не хотел, чтобы это его сейчас напрягало... Вернувшись из ванной, он сел и, слушая Линду, обеими руками нежно взял ее ладонь, и посмотрел в глаза, и улыбнулся, и затем нежно поцеловал кончики пальцев, и постепенно голос ее затих, и он встал, обогнул стол, не отпуская ее руки, и поцеловал нежно в лоб, затем в глаза и в губы и услышал ее вздох, почти неразличимый, и она медленно поднялась, и их тела обожгли друг друга, и без единого слова он повел ее в спальню...

Ага, это что еще за фигня – ты не хочешь в постель? Да ты шутишь... Когда Гарри вышел из ванной, они включили телевизор и стали смотреть «Эбботт и Костелло встречаются с Оборотнем», и ели вонючий сыр, смеясь и время от времени отпуская замечания, сидишь на диване, чувствуешь ее тепло и слушаешь прекрасный смех, допиваешь вино, затем принимаешься за кофе. Они просто отдыхали и хохотали всю ночь до утра... И Гарри ощутил себя уязвимым – он ехал по Гованусу, и дорога в этот час казалась такой бескрайне широкой и одинокой, только изредка машины проезжали мимо. Что за гнусный день. Что за гнусный, мерзкий день. Пытаешься поплавать, и какой-то козел врзается в тебя, а когда пытаешься отдохнуть на пляже, недоразвитые сопляки носятся вокруг, швыряя песок тебе в лицо. Ублюдки мелкие. Матрас казался жестким и комковатым, и он вертелся и ворочался, стараясь устроиться поудобнее. И долбаное солнце поднимется очень скоро, будет светить мне прямо в глаза. Без толку и пы-

таться поспать. Гнусный сукин сын. Хер с ним. Со всем. Со всей этой чертовщиной.

О понедельник, гнусный понедельник! Поезда, жара, влажность, вонь, люди. Надо принять закон против толстых тупиц в метро... Ладно, черт с ним. Надеюсь только, Рэй не будет нервы мотать. Мне это совсем ни к чему. Вся контора, наверное, будет в курсе, что случилось в субботу вечером, еще до того как я приеду. Думать надо было, а не тащить на свидание телку из конторы. Чертовски много сплетниц. Будут паяльщики и коситься. Может, Рэй с пятницы в отпуске. А, да какая разница. Пусть треплются. Делов-то.

159

К счастью для Гарри, у него была куча работы, и пришлось сосредоточиться на ней, вместо того чтобы нескончаемо вспоминать субботнюю ночь, раз за разом переигрывая сцену, снова и снова переписывая сценарий. Работа попала сложная, и он сознательно в нее погрузился, однако внутри жила какая-то тревога. Острее всего он осознал это в обед, когда бродил по улицам и работа больше не занимала мысли. Временами тревога усиливалась, ему казалось, он почти уловил, что это, будто знал, что должен извиниться, но такого же быть не может, точно, и он пожимал плечами, отгоняя эту мысль.

Постепенно он осознал, что идет следом за телкой, чья задница, едва прикрытая мини-юбкой, мерцала и подмигивала ему. Поистине восхитительная задница. Славная, и круглая, и упругая, и гладкая. Он просто знал, что она гладкая и – он вдруг остановился, заморгал и потряс головой. Эй, что, к дьяволу, творится? Посмотрел на часы. Черт! Опаздываю уже на пару минут. Черт возь-

ми. Он развернулся, поспешил обратно в контору и опоздал минут на пять. Он сел за стол и обнаружил, что запыхался. Пять минут – не так уж и страшно, однако он планировал вернуться на пять минут раньше. Несколько минут он сидел тихо, затем работой вытеснил из головы все остальное.

160

Назавтра поездка на работу оказалась поспокойнее. Гарри меньше нервничал. Вчера его никто не доставал. Никто ни слова не сказал про субботний вечер. Ни Луиза, ни Рэй не подкалывали его и не острили. И, слава богу, не пришлось общаться с Линдой. Вот что его по правде мучило. Даже сейчас он краснел и поеживался, представляя, как встретится с ней. И это нелепо. С чего бы ему смущаться, к чертовой матери? Он ничего не сделал. Вообще ни черта! Ему не за что извиняться. Незачем забивать голову этими глупостями. Забудь и сосредоточься на работе. На столе была парочка проблем, которые действительно заводи-ли, которые заставляли думать...

Но, может, они вчера обедали, она рассказала им о субботнем вечере, и сегодня они отточили свои подколки и взгляды. Вот дерьмо. Только этого спектакля мне и не хватало. Просто зареюсь в работу, и они не будут меня доставать. Постараюсь не оказаться с ними в лифте, не позволю им заманить меня обедать. Гарри знал, что нужно делать, и, хотя его бесило, что приходится так поступать, дабы какие-то престарелые телки его не донимали, он все равно так и поступит.

Утро миновало довольно легко и быстро, он не поднимал головы от работы. Решил было позвонить вниз и заказать сэндвич, перекусить за столом, но передумал и вышел из конторы. Поев,

решил пару минут погулять и немного размяться. Вообще-то прекрасный был день, погулять – самое оно. Не слишком жарко и влажно, и в тени приятно, так что Гарри оставался на тенистой стороне улицы и несколько минут разминал ноги...

Будь я проклят, десять минут. Ч-черт. И он развернулся и помчался в контору. Как вообще получилось, что уже так поздно? И он даже не шел за бабой. Просто бродил по улицам, может, глазел чуть-чуть, как любой парень. И все. Даже не... О, черт. Теперь лифта ждать целый день. Пальцы поджигались в туфлях, Гарри ждал этого клятого лифта, чтобы вернуться за стол. Черт. Пятнадцать минут второго. Чтоб я сдох. Ну наконец-то. Он втиснулся в лифт, поспешил за стол и быстро закопался в бумаги.

Через несколько минут он огляделся и понял, что Уэнтворта в конторе нет. И на том спасибо. Гарри чуть успокоился и сосредоточился, но время от времени отрывался и смотрел по сторонам. Вроде бы все заняты, и все же он чувствовал, что за ним кто-то наблюдает, хотя Рэй и Луиза, кажется, в его сторону не смотрели. Странное и весьма загадочное ощущение – оно будто росло и росло, и вот уже Гарри вопреки своей воле снова озирался. Он вовсе не хотел озираться и вообще-то не признавал, что озирается, пока не начинал вертеть головой. Хер с ним. Он просто возвращался к работе. Снова...

И проклятейшая штука в том, что после работы тревога так и не улеглась. Не то чтобы Гарри в подземке по дороге домой чувствовал, что за ним наблюдают, но внутри кружило какое-то смутное беспокойство.

И эта чертовщина никуда не делась после ужина. Гарри прогулялся к «Кейси», поболтал с ребятами и послушал болтовню о лошадях и бейсболе, толком не понимая, что ему говорят, потом рано отправился домой. Он ушел к себе и попробовал почитать, но закрыл книгу, сжал ее и потряс головой. Нелепица. Все это нелепо. И причины никакой нет, однако что-то тянуло и дергало в затылке. Черт! Он швырнул книгу в кресло и позвонил Линде.

Иисусе, прошла куча времени, пока она взяла трубку. И все это время желудок у него точно лип к глотке, и Гарри надеялся, что ее нет дома, и в то же время хотел с ней поговорить, почему-то чувствовал, что одно лишь это и успокоит его странную тревогу. Прошло бесконечно долгое время, Линда подошла к телефону, и к тому времени, когда она сказала алло, его пальцы свело судорогой – так крепко он стискивал трубку.

И затем невнятное привет, как дела? – и извинение, мучительно выжатое нутряным кручением, и затем он постепенно успокоился, пальцы ослабли на трубке и Гарри вытянулся в кресле... и потом ее смех, и они болтали, а когда наконец распрощались, он точно не помнил, что он сказал, или что сказала она, однако знал, что все в порядке. Внутри все утихомирилось. За исключением смерчка возбуждения, – смерчка, что, казалось, чуточку подрос, когда Гарри вспоминал ее смех. Остаток вечера Гарри думал о Линде.

Уэнтворт не шутил, говоря, что собирается дать ему массу работы. Работу он и впрямь наваливал горами, и Гарри преуспевал. Он частенько оставался допоздна – не из необходимости, а просто потому, что не хотелось бросать работу на середине, хотелось перед уходом довести ее до конца.

И еще кое-что существенно поменялось. Он жил почти в воздержании – ну, для него это воздержание. Это не значит, что он принял монашество или дал зарок с торжественной клятвой и на всем поставил крест; он знал, зачем это нужно, но для него разница была огромна. Выпадали вечера, когда он просто сидел дома, читал или учился – иногда пару вечеров подряд (уверенность и надежда зародились в душе родителей, которые видели, что сын остепеняется), – и откладывал свои эскапады на выходные. Вообще-то парочка выходных прошли даже толком без раздумий о том, как бы стянуть с каких-нибудь телок трусы – не часто, но такое временами случалось.

А еще была Линда... Леди Смеха. Чувства Гарри, когда он был с ней или думал о ней, озадачивали – в основном потому, что он никогда раньше такого не испытывал. Но со временем они становились знакомее, а значит – все меньше тревожили, пока

он не привык к ним настолько, что вдруг начал получать от них удовольствие. Возбуждение было, но напряжения вроде бы никакого. Вообще-то Гарри не понимал отчетливо, что ощущает, но знал, чего *не* ощущает. Он знал, чего не хватает, и не сказал бы, не может без этого обойтись.

164 Обеды время от времени, ужины, кино или театр, и каждый раз – сплошное веселье. Ага, веселье. Почему-то лучше всего подходило это слово. Не истерия выходного дня на Файр-айленде, не вопли на бейсболе или на боях, не насаживаешь телку и сматываешься, пока ее мужик не вернулся... не такое веселье. Как бы Гарри ни использовал это слово прежде, ни одно значение теперь не подходило, и все же веселье – единственное слово, которое всплывало в голове, когда он думал о том, как был с Линдой.

Весело... гулять по улицам, глядя или не глядя, болтая или молча... Ну да... Весело швырять орешки белкам. Весело смотреть Шекспира в Центральном парке. Весело спорить о политике с чуткой либералкой... Нет, это не может быть весело. Бессмыслица какая-то. Политические споры – ну, конечно, не споры, но что бы это ни было... факт, весело. Иначе не скажешь. Линда Смех – это весело. Господи Иисусе, вот же бредятина. Ты проводишь время с женщиной, чем только ни занимаясь, и в голову западает лишь одно слово – весело. Бред. И тем не менее. Весело. Весело.

С течением времени и приходом осени Гарри вернулся к занятиям в школе пару вечеров в неделю. Один предмет начинался в восемь, так что вечером Гарри ужинал с Линдой, и они болтали за кофе, пока Гарри не пора было уходить.

Гарри хорошо занимался – как никогда хорошо. Это его скорее удивляло: он не замечал, что перенапрягается или прилагает какие-то необычайные усилия, однако, судя по оценкам, именно это он, видимо, и делал. Он как-то больше расслаблялся, стал раскованнее и очень интересовался тем, что изучал. Оно, очевидно, в дальнейшем поможет ему быстро подняться по лестнице успеха.

И его способность сосредотачиваться вроде бы возросла вдесятеро. Словно между ним и работой не осталось препятствий. Он слушал преподавателя и читал книги, и книги были осмысленны, материал укладывался в голове почти без проблем и отпечатывался в памяти. Гарри учился усердно, не замечая времени, потому что внутри было мирно, а следовательно, и напряг не мучил; и поскольку Гарри нравилось учиться, время летело быстро и незаметно.

Сын нередко оставался дома и занимался, сын был так расслаблен и доволен, что родители Гарри поистине радовались, но с ними случилось большое потрясение, когда он повел их отпраздновать их годовщину. Сперва они лишились дара речи и почти отклонили приглашение. В прошлом Гарри открыток не посылал и вообще не показывал, что помнит дату. Когда мать или отец упоминали, что сегодня их годовщина, Гарри улыбался, говорил «замечательно, мои поздравления», целовал их, а потом вел себя так, будто выкинул их годовщину из головы, что он, собственно, и делал.

Но на сей раз он не только вспомнил, но и повел их отпраздновать, втроем. Даже купил билеты на бродвейский мюзикл, а значит, все спланировал заранее. Ооооо, это было чудесно. Просто чудесно. Даже погода была восхитительная.

Их Гарри повел их в очаровательный французский ресторан, и ужин выдался один из вкуснейших в жизни, и еще они заказали немножко вина, и миссис Уайт чувствовала себя такой особенной, и отец Гарри смеялся, и хихикал, и сжимал руку жены, и время от времени целовал ее в щеку, и Гарри внутри пылал, видя их волнение и счастье. Каким-то необъяснимым образом в тот вечер он чувствовал, что очень близок к родителям – так близок к ним он никогда не был. Он понимал, что они счастливы благодаря ему, и его наполняла радость – он и не догадывался, что такая радость возможна. Он содействовал их счастью – это ошеломяло его и озадачивало. Он не мог сознательно связать свои поступки и благополучие. Но он и не старался понять. Просто наслаждался моментом.

Как ни жаль, вечер закончился слишком рано. Но мать и отец Гарри Уайта не раз вспоминали этот праздник между собой и описывали его друзьям, делились радостью и широко улыбались, рассказывая о любимом сыне.

То был не просто вечер. То было подтверждение. Подтверждение надежд и чаяний и, что важнее, – успеха: их родительского успеха и его сыновнего. Их жизнь оправдалась; оправдались их методы воспитания единственного ребенка. И оправдалось то, что они не оставляли надежд и чаяний: он будет здоров и счастлив, он будет жить хорошо.

Разумеется, его жизнь еще не завершена, однако со временем – может, скоро – у него появятся семья и дети. Многие годы они боялись, что избалуют его, потому что он единственный ребенок, они даже подумывали кого-нибудь усыновить, много лет назад, но процесс казался бесконечным

и безнадежным, поэтому они так и не приступили. Но теперь их страхи растаяли от тепла музыки и жара блюд, от тепла памяти о вечере. Этот вечер они будут лелеять и оживлять в памяти снова и снова.

Постепенно, со временем, Гарри все больше свободного времени проводил с Линдой, и наконец стал встречаться почти исключительно с ней. Конечно, временами он по-прежнему трахался на стороне, но порой мог неделями даже не думать об этом. Работа, учеба и Линда – не хватало времени или пространства думать о телках. Он мирно проводил обеденный перерыв, обычно с Линдой, так что возвращался в контору без проблем. Куда ни глянь, жизнь Гарри Уайта протекала гладко и размеренно.

167

Однажды Уэнтворт снова предложил вместе пообедать. Когда они уселись и заказали выпить, Уэнтворт сразу перешел к делу. Это не для широкой публики, так что держите рот на замке, но в следующем году назревают кое-какие важные перемены. Довольно серьезные перемены. Мы растем. Расширяемся. Особенно зарубежные операции. И я хотел бы видеть вас главным – *главным* – элементом перемен.

Гарри улыбнулся и кивнул: Я тоже.

Да, – с улыбкой, – не сомневаюсь. И я бы этого хотел, поскольку верю, что вы можете стать неопенимым достоянием не только для фирмы, но и для меня лично. Видите ли, я буду отвечать за осуществление этих перемен. Гарри смотрел и одобрительно кивал. Официант принес напитки, и оба пригубили, а затем Уэнтворт продолжил.

Последние месяцы дела у вас шли хорошо. По крайней мере, я так понял, судя по вашей работе и вашему отношению.

Да, дела идут хорошо. Очень хорошо.

Отлично. Отлично. Рад это слышать. Но это, разумеется, очевидно. Они улыбнулись друг другу. Мы уже беседовали, и я не хочу опять возвращаться к старой теме, но у меня сложилось впечатление, что, возможно, вы готовы двигаться вверх, – нутро у Гарри вдруг схлопнулось, и его окатила волна возбуждения, – или, по крайней мере, почти готовы, – в животе у Гарри сгустилась пустота. Он уже не понимал, что происходит. Уэнтворт все смотрел на него, и Гарри не знал, что ему полагается чувствовать или что он чувствует, кроме замешательства. Он глотнул из бокала и стал ждать, когда Уэнтворт раскроет карты.

Для успеха требуется ответственность. Иначе возникают естественные преграды. Вот вам пример: я постоянно приглашаю других успешных сотрудников, и эти люди такие же, как я, – ответственные. Мы семейные люди с хорошими, прочными корнями в обществе. Мы разумно смотрим на вещи. Мы умеем – улыбка и взмах рукой, – расслабляться и веселиться, но... но! мы возвращаемся домой к семьям. Правильные вещи в правильном месте в правильное время. Корпоративный руководитель обязан быть хорошим семьянином и ответственным членом общества. Уэнтворт еще секунду смотрел на Гарри, затем углубился в меню.

Гарри, естественно, был не тупица. Он отлично понял, о чем толкует Уэнтворт. Тот говорил это уже не впервые. В этом мире, полагал Уэнтворт,

нужно быть семейным человеком, чтобы тебе доверяли. Пожалуй, Гарри был согласен – ну, до некоторой степени. Сознавая свои обязательства перед семьей, ты вряд ли будешь безответствен на работе, а для Гарри это критично.

Но *сегодня* Уэнтворт на самом деле говорил о другом. Вот именно. Он говорил, что надо менять свое семейное положение в ближайшем будущем, если Гарри хочет быть важным элементом грядущих серьезных перемен.

169

И еще Уэнтворт, очевидно, напоминал – в своей манере, – что имеет право распоряжаться жизнью Гарри и смертью в контексте будущего Гарри в фирме. У Гарри был выбор: сделать, как говорит Уэнтворт, и подняться к вершине – и Гарри ни секунды не сомневался, что так и случится, – или просто барахтаться где-то посередине и, может, со временем стать младшим вице-президентом. Головоломка тут же сложилась. Но что ни надвигается, до следующего года оно не произойдет. А тем временем он будет пробивать себе дорогу как раньше. До сих пор работало.

В первое воскресенье декабря Линда и Гарри отправились в гости к ее старикам. Чтобы не переживать из-за снега и льда на дорогах, они поехали по Лонг-Айлендской железной дороге. Линда была знакома с опасностями и непредсказуемостями таких путешествий, поэтому они взяли с собой термос горячего кофе.

Время от времени Гарри поглядывал в окно на тусклые до безобразия окрестности, осознавая лишь, как ему хорошо.

«Когда я засыпаю, овец не считаю»¹,

Их дыхание струилось изо ртов, они пальцами рисовали глупые картинки на окне, затем дышали на стекло и смотрели, как рисунки проступают в тумане их дыхания.

«я считаю все прелести Линды. И кажется мне»,

Гарри посмотрел на смешные картинки и затем на Линду. А это еще что? О, – улыбаясь, – ты сам угадаешь.

---

1 Здесь и далее цитируется песня «Линда» (*Linda*, 1946), написанная Джеком Лоренсом и посвященная годовалой дочери его адвоката Ли Истмена, будущей Линде Маккартни; песню исполняли, помимо прочих, Перри Комо, Бинг Кросби, Фрэнк Синатра, Уилли Нелсон и др.

«всегда

я во сне гуляю в обнимку с Линдой»

Гарри улыбнулся и пожал плечами. Понятия не имею. Линда засмеялась:

Нанук с Севера¹. Пар вырвался изо ртов, когда оба рассмеялись,

«и скоро, да, скоро, узнаю я

Линду»

172

это зрелище, этот звон – ее смех, кипящий в нем теплым сиянием.

Линдин отец встретил их на станции, и хотя дороги было всего минут десять-пятнадцать, пейзаж резко изменился, и Гарри ехал словно по рождественской открытке. Его улыбка будто зарождалась внутри и потом прилиwała к лицу. Снег высокими сугробами громоздился по обочинам и стекал по склонам нетронутой белизной, и сосульки свисали с заснеженных деревьев и мерцали на солнце. И небо – Иисусе, какое прекрасное небо.

«Но чудо еще возможно, и когда засияет моя звезда

По-зимнему голубое и морозное, в нем плыли белые пухлые облака – ровно с такой скоростью, чтобы ты понял: оно настоящее.

В доме Гарри представили брату и сестре Линды, ее матери и тете – старшей сестре матери. Все посидели немного, попивая кофе и проникаясь друг к другу симпатией. Затем настал час мат-

---

1 Нанук с Севера – эскимос, герой одноименного немом документального фильма (*Nanook of the North*, 1922) американского режиссера Роберта Дж. Флаэрти о жизни эскимосской семьи на Крайнем Севере.

ча. Гарри, Линдин отец и брат пошли в гостиную смотреть американский футбол, а женщины остались в кухне готовить ужин и трепаться с Линдой о ее приятеле.

Гарри нравилось смотреть с ними игру. Оба знали и любили футбол, слушать спортивный комментарий – одно удовольствие. Гарри немного опасался, что они будут как сумасшедшие бабы из конторы, которые свистят и вопят во время чемпионата и, кажется, особенно счастливы, когда твоя команда проигрывает; затем они спрашивают, кто впереди, «Рейнджеры» или «Никсы»? Но тут вышло иначе, и игра была увлекательная, поэтому Гарри не чувствовал себя так, будто его постоянно изучают.

И ужин был замечательно вкусным, а разговор приятным. И когда через два часа они вышли наконец из-за стола, разговор продолжился за кофе в гостиной, и все погрузились в умиротворение сытости, горящих и тлеющих поленьев в камине.

Время протекало тепло и нежно, и тепло этого дня, и дома, и его обитателей казалось неиссякаемым, а веселье и хохот до колик, – бесконечными. Боже, это было прекрасно. И никто не вспомнит, о чем говорили. Но чувства будут помниться – так всегда бывает – еще долго после того, как безвозвратно забудутся слова и обстоятельства.

И затем смех прервало объявление, что пора уходить, и термос заново наполнен дымящимся кофе, и Линда с Гарри укутаны в пальто, и последовали объятия, и похлопывания по спине, и

---

1 «Нью-Йорк рейнджеры» (*New York Rangers*, с 1926) – нью-йоркская хоккейная команда, «Нью-Йорк Никс» (*New York Knickerbockers*, с 1946) – баскетбольная.

опять смех, и поцелуи, и рукопожатия и: До свидания, до свидания, не забудь позвонить, когда приедешь домой, дорогая.

Хорошо, мама, не волнуйся.

И ты к нам заглядывай, сынок.

Конечно, – широко улыбаясь, – и спасибо за отличный день. Просто чудесный. И спасибо *вам* за прекрасный ужин. Вы отлично готовите.

Спасибо, я так рада, что тебе понравилось.

Ну, до свидания.

До свидания.

Спасибо. До встречи.

До скорого.

Счастливо добраться.

Ну все, пора ехать, – и дверь распахнулась в холодный зимний вечер, и они помчались к машине и заскочили внутрь, и радость и ликование звенели в их голосах:

Оооо, как холодно, брррррр.

Ну и ну, вот это да. То сидишь в славной теплой комнате, то – бах! – и Северный полюс.

Они смеялись, пока Линдин отец прогревал машину, чтобы отправиться на станцию. Печка через минуту нагреется, будет тепло.

Они сидели в теплой машине, а затем показался поезд, и они обнялись, поцеловались и пожали руки, и Гарри с Линдой заторопились на станцию.

На обратном пути было чуть теплее; они сели в вагон, где работали обогреватели, и устроились на сиденьях. Они смотрели в окно, а когда исчезли огни станции – на отражения друг друга, и разом улыбались и всё глядели в темноту сквозь свои отражения. Вечер затмевал серость пейзажа, и разбросанные там и сям пятна снега и льда вспыхивали на свету. Это было волшебное.

Гарри подмигнул, и Линда улыбнулась, и оба захихикали и отвернулись от окна,
«Мы встречаемся на улице».

Привет, Линда.

Они внимательно поглядели друг на друга и тепло улыбнулись. Гарри взял ее руки в свои и посмотрел на них, затем снова ей в глаза. Это был прекрасный день, поистине прекрасный день. Я отлично провел время.

Хорошо, – ее улыбка шире, – я рада.

175

Гарри снова посмотрел на ее руки, сжал их нежно, затем ласково улыбнулся, подняв глаза. Прекраснее этого дня только ты. Линда почувствовала, что краснеет. Ты самое прекрасное создание на свете. Гарри поцеловал кончики ее пальцев, нежно, очень нежно, затем снова поднял голову. Я люблю тебя.

Поезд громыхал себе, а они смотрели друг на друга, оба изумленные тем, что услышали. Линда хотела это услышать, а Гарри не знал, что собирался это сказать, но прозвучало правильно.

Это слово нельзя говорить запросто, Гарри.

Я знаю. Я знаю, что нельзя. Ты же не слышала, чтобы я им разбрасывался.

Это правда. Не слышала. Но оно может много чего означать.

Я знаю. По крайней мере, мне кажется, я знаю, о чем ты. По-моему, я впервые в жизни вообще об этом думаю.

Линда внимательно смотрела на Гарри, и лицо ее было решительно. Что ты хочешь этим сказать, Гарри?

Он моргнул, немного удивленный тем, что чувствует, и тем, что хочет сказать. Я хочу на тебе жениться.

Они глядели друг на друга, пока слова не слились с чувствами, пока чувства не запечатлелись и не стали действиями. Поезд трясся и бряцал-лязгал к Нью-Йорку, и постепенно Линдино лицо оттаяло, затем просияло.

176 Я очень хочу стать твоей женой, Гарри, – и она обвила его руками и поцеловала, и он захихикал и принялся целовать ее, и они оба засмеялись, подпрыгивая на сиденье и обнимаясь. Линда откинула голову, и посмотрела на Гарри, и покачала головой: Ой, Гарри, я люблю тебя. Люблю тебя. Ее глаза чуть слезились и блестели в тусклом свете поезда. Она снова рухнула в его объятия, и они обнимались и целовались, а затем наконец пустили между собой крошечное пространство, и Гарри смеялся и размышлял, что, интересно, думают остальные пассажиры.

Наверное, думают, что мы счастливы, и вообще, какая разница, что они там думают?

Гарри налил дымящийся кофе в две чашки от термоса, и беззаботные веселые влюбленные выпили за свою помолвку.

Линдины родители пришли в восторг от новостей, и разговаривали с Гарри и Линдой долго-долго, прежде чем положить трубку. Выпив еще несколько чашек кофе и поделившись хорошими новостями с Линдиной соседкой, Гарри ушел.

По дороге домой он инстинктивно пересматривал случившееся. Казалось, все произошло спонтанно – он не планировал делать Линде предложение или говорить, что любит ее. Он никогда не говорил себе, что любит ее, но когда сказал ей, это прозвучало правильно. И идея женитьбы ощущалась правильно. Это был сюрприз, и уже уста-

канивалась реальность, но все равно ощущалось правильно. Он ощущал – чувствовал: вот он, недостающий ингредиент его жизни, это и требовалось, чтобы жизнь его стала завершенной.

Наутро Гарри сообщил новости своим старикам, и их реакция его поразила. Мать буквально завизжала от радости, обняла его и расцеловала: Ой, как это чудесно, сынок. Я так за тебя рада. Я так и думала, что между вами с этой Линдой что-то есть.

177

Отец то и дело хлопал его по спине: Поздравляю, Гарри. Отлично. Просто отлично. Каждый мужчина должен иметь семью. В конце концов, – подмигивая Гарри, – раз все прочие страдают, почему бы и тебе не пострадать?

Ах ты негодник. Ты каждой минутой наслаждаешься, и сам это знаешь.

Он засмеялся и поцеловал жену, и затем они оба снова поздравили Гарри.

Гарри все еще усмехался про себя по дороге на работу. Впервые слышу о праздничном завтраке. Старики были так счастливы, он подумал, не рехнулись ли они часом. Пожалуй, все это правильно. Как пить дать, осчастливил их. И это осчастливило его. Придется вести Линду на обед в воскресенье. Надеюсь, папа не надерет ей задницу. Он чуть не рассмеялся вслух, но вовремя сдержался.

Он начал предчувствовать недоброе, когда шел от метро к конторе. Он придерживался своего нового графика, так что прибыл на несколько минут раньше, и ему не пришлось идти под пристальными взглядами всей конторы, однако он знал, что ему полагается как-то себя вести, только вот как? Еще пара минут, и контора заполнится людьми,

будут взгляды, вопросы... Гарри поморщился про себя, а может, и не про себя. Сейчас только понедельник, утро, знаете ли, а все случилось вчера вечером... Что, правда? Всего-то? Иисусе, несколько часов – и дело сделано? Вот не подумал бы. Ну, все равно как-то странно.

Еще ранним утром – первого перерыва на кофе еще ждать и ждать, – Рэй и Луиза возникли у его стола. Ну доброе тебе утро, любовничек.

178

Гарри быстро поднял голову, затем откинулся назад и засмеялся; они присоединились.

Самое время. Я боялась, ты еепустишь.

Эй, это что, допрос? Ну а почему нет?

Раньше была твоя очередь, теперь наша. Гарри засмеялся вместе с ними, затем посмотрел на Рэй: Ты просто лопнешь... в десяти футах от Фонтенбло.

Когда они ушли, Гарри несколько минут вникал в работу. Что ж, по крайней мере, с этим покончено. Теперь в конторе будет проще. Полдюжины поздравлений и рукопожатий, но с этим он справится. Гарри улыбался внутри и снаружи и все оставшееся утро мурлыкал себе под нос.

В первый раз он почувствовал, что слегка на виду, когда встретился с Линдой перед обедом, но вскоре это прошло. В конце концов, они впервые встретились у лифта на этаже, а не в холле, что по-настоящему узаконило их помолвку.

Линда засмеялась: Я об этом не подумала, но, пожалуй, ты прав.

Ага, но через пару дней новизна иссякнет, и нас перестанут доставать.

Мы надеемся. Линда засмеялась, и Гарри улыбнулся, глядя, как сверкают ее глаза. Иисусе, ему

хорошо с ней. Он будто никогда не осознавал, до чего ему хорошо. И становилось все лучше, и лучше, и лучше. Иисусе, он женится... Но все правильно. Действительно правильно.

Гарри хотел, чтобы Уэнтворт узнал о помолвке, но почему-то не желал входить в кабинет и объявлять. Явится как дурак. И вообще, рано или поздно Уэнтворт узнает. Скорее рано. Рэй – не единственная сплетница в конторе.

179

Гарри не ошибся. Уэнтворт узнал рано. Когда в тот день Гарри вошел к Уэнтворту в кабинет, Уэнтворт улыбался. Я слышал от Данливи, что вы помолвлены с его секретаршей.

Да, – улыбаясь, – это правда.

Хорошо, хорошо. Рад видеть, что вы взрослеете и остепеняетесь. Мудрый шаг, Гарри, очень мудрый шаг. Совсем другое дело.

Гарри сидел за своим столом, благодаря господу, что он не параноик. Легко возомнить, будто люди только и делают что расслаиваются да болтают о нем и его семейном положении. Как-то дико. Типа они знают такое, чего не знаешь ты. И его старики вели себя так, будто планировали, что сделают с его комнатой, едва он женится и переедет, будем надеяться, ждать недолго. Давай мы поможем тебе вещи собрать. Он пожал плечами и улыбнулся: Ну что ж, все счастливы. Вероятно, теперь и *впрямь* совсем другое дело.

Свадьбу назначили на первое воскресенье июня, а Гарри так зарылся в работу, что, наверное, и не создавал бы приближения даты, если бы не куча деталей, о которых требовалось позаботиться, – в основном этим занималась Линда, но и ему хватало, так что о предстоящем событии он не забывал.

В середине мая у него состоялся краткий разговор с Уэнтвортом: Вы скоро женитесь, не так ли, Гарри?

Да. Так, посмотрим... Воскресенье, а потом еще три недели.

Я надеюсь, – лукавая усмешка, – вы знаете, как насладиться медовым месяцем.

Гарри хихикнул: Ну, если нет, застряну, пока не выясню.

Уэнтворт ахнул, потом рассмеялся: Вот это молодец. Мне это нравится. Они посмеялись, затем Уэнтворт внезапно умолк.

Ну хорошо, – он слегка ухмыльнулся. Я хочу, чтобы вы оттянулись на всю катушку. Фирма знает, как выразить признательность ценному сотруднику, и вы получите бонус в размере пятисот долларов, чтобы событие стало незабываемым.

Спасибо. Я ничего такого не ожидал. Это просто чудесно.

Ладно, ладно, – отмахиваясь, – мы хотим, чтобы, когда вернетесь, вы кипели энергией. Короче говоря, перемены, о которых я упоминал несколько месяцев назад, вот-вот произойдут, и вы будете их неотъемлемым элементом. Мы создаем новый отдел, на международной основе, и я буду управляющим генеральным менеджером и исполнительным вице-президентом, а вы – моим помощником, вторым в команде, вторым вице-президентом, – голова Гарри дернулась назад, и он посмотрел на Уэнтворта, стараясь не вытаращиться как придурак и не подпрыгнуть с воплем ура, – и тогда вы узнаете, что такое работать по-настоящему. Уэнтворт снова ухмыльнулся, и Гарри встал, понимая, что аудиенция окончена.

Спасибо, мистер Уэнтворт, я, э... я не знаю, что сказать.

Просто работайте хорошо и впредь, вот и все.

Ну да, – кивая.

И помните, Гарри, – пауза, дабы фраза наверняка осела в голове, – незаменимых людей не бывает.

Гарри был настолько возбужден, что с трудом мог усидеть за столом. Он продвигается, вот теперь он на самом деле продвигается. Никакого там младшего дерьма, которое получил Дэвис. Господи, до обеда полчаса. Черт побери, вот это я понимаю – свадебный подарок. Ему не терпелось перейти на новую должность.

Наконец пришло время обеда, и Гарри рассказал Линде хорошие новости, и она так разволновалась, что все обнимала его и целовала. Ой, я так рада за тебя, дорогой, я ужасно рада. Я еще родителям расскажу – вот они будут счастливы – Оооо, я так горжусь тобой, милый... Гарри улыбался и

посмеивался, ее волнение питало его собственное. Господи, у нее прелестный смех, и все складывается как нельзя лучше.

Медовый месяц был таким, каким и должен быть – месяцем славной ебли. В удачном медовом месяце много чарующего, и, естественно, Гарри с Линдой нашли эти чары в Новом Орлеане, но если не выходит в постели, медовый месяц просто не складывается. Если этого нет, самая экзотическая земля уныло сереет, а если есть – даже невзрачное пастбище вроде Секокуса романтично и волнует. Но когда гармонично сочетается и то и другое, результат синергический, остаются опыт и воспоминания, которые хранятся всю длиннейшую жизнь, к которым возвращаются в мыслях, ища утешения и надежды на будущее.

183

И медовый месяц мистера и миссис Гарольд Уайт был без преувеличения идиллическим. Что сказать о Новом Орлеане в любое время, в любых условиях? Это вам не просто Джинетт Макдоналд и Нелсон Эдди¹, или Марди-Гра, или даже сам старик Сачмо².

И когда вы только что покинули Нью-Йорк со своей невестой, и все такое новое и незнакомое, и вы гуляете июньским вечером по Латинскому кварталу, и улавливаете возбуждение в воздухе и в пальцах друг друга, тогда Новый Орлеан – чистое волшебство.

---

1 Джинетт Макдоналд (1903–1965) и Нелсон Экерман Эдди (1901–1967) – голливудские звезды, сопрано и баритон, нередко игравшие в паре, в том числе в фильме «Новолуние» (*New Moon*, 1940) Роберта З. Леонарда, где действие происходит в Новом Орлеане.

2 Сачмо – прозвище джазового музыканта Луиса Армстронга (1900–1971).

А что сказать о Гарри в постели???? Вообще-то немало. И все хорошее. Но важнее всего, считал Гарри, была разница в ощущениях – разница, которую он осознал постепенно, когда первоначальное возбуждение спало и его вытеснило удовольствие еще острее. Он не мог определить эту разницу или даже ее обособить, если уж на то пошло; он лишь понимал, что в прошлом было иначе. Он будто никуда не спешил – вот разве как он мог описать это смутное чувство.

Однажды днем они гуляли по бульвару, только закончив дразнящий креольский обед, и Гарри поцеловал кончики Линдиных пальцев, затем поймал такси, и они поехали обратно в отель. Позднее, ранним вечером, когда она принимала душ и неторопливо натирала тело ароматным мылом, наслаждаясь ароматом мыла и плеском воды, роскошествуя, она улыбнулась и усмехнулась про себя, осознав, что, будь у нее хоть малейшее представление, хотя бы самый смутный намек, что в постели с Гарри будет так восхитительно, она бы, наверное, не сказала тогда, что ждет замужества. Она наблюдала, как медленно смывается мыльная пена. Нет, нет, она бы ни за что не произнесла ту речь... Но слава богу, что произнесла. Иначе она бы, наверное, не была сегодня миссис Гарри Уайт, а она очень сильно хотела ею быть. Она любила Гарри, и ей нравилось быть его женой.

В конце концов, разумеется, медовый месяц закончился, но отзвуки остались. Гарри и Линда вернулись в пятницу поздно вечером, и все выходные звонили родным и друзьям, и устраивались в милой квартирке на Централ-Парк-Уэст, и гото-

вились к новой жизни, что вот-вот развернется перед ними. И в понедельник эта жизнь начала развертаться.

Атаки отражала в основном Линда, но она не возражала. Едва Линда успела сесть за стол, позвонила Рэй – хотела знать, как дела; и во время перерыва на кофе остальные девочки хотели все услышать про медовый месяц; и потом был обед с Рэй и Луизой и еще вопросы.

Но Линде это нравилось. Ей нравилось говорить о медовом месяце; она возбуждалась, когда вновь переживала его, пересказывая другим. И еще она понимала, что через день-два все войдет в свою колею.

Для Гарри все вошло в свою колею сразу же, только еще прочнее. Уэнтворт спросил, хорошо ли Гарри отдохнул, и тут же перешел к хитросплетениям предстоящей работы. Большую часть дня они провели у Уэнтворта в кабинете, заказали сэндвичи на обед, – Гарри смутно припомнил свою мечту оставить след в мире и обедать в прекраснейшем из ресторанов, – и просидели до позднего вечера, – порядок, который теперь сохранится надолго.

Линда расстраивалась из-за того, что они не ездят домой вместе, но затем поняла, что теперь ей с избытком хватит времени, дабы к возвращению Гарри приготовить отличный ужин, так что она быстро приспособилась к такому графику.

Новая должность Гарри была утомительна и требовала высокой отдачи, но он преуспевал. Столько всего было в ней нового, до сей поры беспримерного, что приходилось неизменно вырабатывать новые системы и подправлять нынешние.

Каждый день новые проблемы, и все особое. Это положительно бодрило, и увлекало, и поглощало все его напруги.

Работа до 7:00 или 8:00 вечера стала обычным делом, но Гарри старался ежедневно обедать с Линдой, даже если приходилось сокращать перерыв. Затем стандартной процедурой стали четыре-пять часов работы по субботам, и Линда тратила это время на домашние дела, которыми не успела заняться на неделе. Гарри предлагал взять домработницу, но Линда хотела все делать сама. Они обустраивались в повседневности, а жизнь их и брак двигались вперед гладко и размеренно.

И любовь их со временем расцветала. Близость взрастила возбуждение. Им нравилось открывать разные мелочи, касания, на которые другой отвечал содроганием или вздохом, и, в свою очередь, нравились эти открытия.

Время текло мягко и незаметно, разве что погода поменялась и настала пора надевать пальто. Затем воскресная газета распухла от объявлений, и вот уже не за горами очередной праздничный сезон. Линдино возбуждение росло день ото дня, она предвкушала их первые праздники вместе, муж и жена.

На День благодарения был пир и праздник, которые превзошло разве что Рождество. Линда мечтала, планировала и покупала, и квартиру оживили цвета и радость. Гарри и Линда нарядили елку за неделю до Рождества, и Линда, приходя домой, каждый вечер зажигала гирлянду. На двери венок, с люстры над обеденным столом свисает омега. Теплота, сияние, э... дух, что пропитывал всю квартиру и ее обитателей. Гарри улавливал его, входя в лифт, и чувство усиливалось, когда от-

крывалась дверь и звякал колокольчик на венке, и затем струилось сквозь Гарри, когда он закрывал дверь, и шел на кухню, и видел Линду, которая возится с кастрюлями, и слышал ее голос: Привет, милый, как дела? И он целовал ее, не снимая пальто; затем растягивался в кресле, и смотрел на елку, и смаковал внутреннее сияние.

Рождественским утром они сидели на полу под елкой, срывая бумагу с подарков, как дети малые, и ооооxxxxхая, и ааахxxxxхая, и визжа, и обнимаясь, и целуясь, и смеясь... Они много смеялись.

Они навели его родителей, затем ее, и поздним вечером возвратились домой усталые и оживленные после радостей долгого рождественского дня, что превзошел все воспоминания и ожидания. Гарри швырнул пальто на диван и плюхнулся в кресло. Линда свернулась калачиком у него на коленях, слегка боднула его в лоб, затем поцеловала. Счастливого Рождества, мистер Уайт, мой красивый, любящий муж.

Гарри улыбнулся, намотал на палец ее локон, поцеловал нежно в лоб и нос и губы. Я тебя люблю. Я очень сильно тебя люблю, Линда Уайт. Ты мое Счастливое Рождество.

Линда жила уютно. Она виделась с Гарри меньше, чем ей хотелось; она не совсем понимала это стремление к успеху и потребность в нем, но приняла и их, и график Гарри. Время, что они проводили вместе, принадлежало только им, и для нее оно было драгоценно. Поездки, и прогулки, и спектакли, и зоопарки, и сады, и разглядывание витрин, и обеды, и вечера, когда они просто сидели дома и болтали, и смеялись, и были близки –

внутренне, по-особому. Для нее в этой жизни была полнота. И Линда не сомневалась, что и Гарри чувствует то же.

Он так трогал ее, так смотрел на нее, что она чувствовала себя особенной, будто никого и ничего на свете не существует, и нежное волнующее сияние разгоралось в ней и сверкало в ее глазах.

188

И время от времени она возвращалась с работы и находила записку или открытку от Гарри, и на открытке такой смешной человечек, который будто бежит в десять сторон сразу, и идиотская надпись, типа: Эй, что на ужин, – или еще какая глупость, но Линде нравилось. Порой она открывала конверт и находила записку: Привет, я люблю тебя. Или: Скоро увидимся, миссис Уайт. P.S. Я люблю тебя, детка. Она усмехалась и сияла от удовольствия и добавляла каждую новую открытку или записку к своей коллекции.

И, разумеется, не только сами записки или открытки так ее будоражили, не только из-за них она мурлыкала себе под нос в лифте и стояла посреди гостиной, говоря: Привет, дом. Все дело в том, что Гарри в своем загруженном расписании выкраивал время, чтобы купить открытку или написать записку и отправить конверт по почте. Ее будоражило при мысли о том, как он о ней думает, когда она думает о нем.

И хотя Линда не была влюблена в свою работу, как Гарри, работа ей нравилась, и у нее не было проблем в конторе, и, казалось, дни просто незаметно скользили мимо.

Но в жизнь Линды Уайт, в конце концов, начало вгрызаться смутное недовольство. Она знала причину задолго до того, как появилась осознанная проблема, о которой стоило беспокоиться.

Линда всегда понимала, что чего-то не хватает, и, ощутив недовольство, поняла, откуда оно взялось, а потому не особо расстроилась или забеспокоилась. Ее лишь тревожило, что скажет Гарри, и в подходящий момент она это выяснит. А тем временем она просто не огорчала себя лишними переживаниями.

Однажды ярким, ясным, желто-зеленым майским воскресеньем, где-то за месяц до первой свадебной годовщины, они гуляли по Бруклинскому ботаническому саду, глядя на цветущие вишни. Первый по-настоящему теплый весенний день, голубое небо и солнце, что согревает до нутра, – день, какой выпадает лишь несколько раз в году, и все чисто и свежо. Казалось, вишни бесконечны, и Гарри с Линдой медленно шагали по дорожке, ощущая мягкость лепестков под ногами. Добравшись до конца, они отправились в розовый сад и сели на скамейку под солнцем. Посидели молча, наслаждаясь садами, этим кусочком волшебства, что вроде бы так далек от города вокруг...

Линда кончиками пальцев погладила руку Гарри. Посмотрела на него и ласково улыбнулась. Гарри тоже улыбнулся и поцеловал ее в кончик носа.

Гарри... Я кое-что хочу. Я очень сильно этого хочу.

Оно твое.

Нет, милый, – улыбаясь, – я серьезно.

Так и я тоже, – отвечая ей улыбкой и снова целуя в нос.

Ой, ты...

Они засмеялись, и наконец Гарри спросил: О'кей, в чем дело?

Я хочу ребенка.

Прямо здесь, – в притворном шоке, – и сейчас?
Ну, на это, наверное, потребуется время.

Да, я что-то такое слышал, – тепло улыбаясь и пальцем проводя по ее уху, – даже на аистов и капусту.

Я не знаю про аистов и капусту – даже про бабочек не знаю.

Его глаза изумленно распахнулись: Даже про бабочек?

190 Не дразни меня, пожалуйста, Гарри. Я хочу ребенка. Очень, очень сильно.

Гарри нежно обнял ее за плечи и слегка наклонил голову: Твое желание для меня закон. Оно исполнено, моя прекрасная леди.

Да ну? Значит, меня всю жизнь обманывали. Они посмеялись, затем Линда внезапно обняла его: Ооооооооо, Гарри, я люблю тебя, – и прижала к себе.

Гарри обхватил ее руками и поцеловал в щеку, и шею, и ухо: Я люблю тебя, миссис Уайт. У нас будут прекрасные малыши, – Линда закрыла глаза и мягко прижималась к его губам, – и, пожалуй, начать можно прямо сейчас.

Думаю, надо подождать, – не открывая глаз, – по крайней мере, пока не придем домой.

Зайчишка-трусишка, – все еще обнимая и целуя ее.

Зверюга.

Они рассмеялись, и встали, и зашагали обратно – рука в теплой руке – по дорожке вишневых лепестков.

В сентябре – если точнее, двадцать третьего, – Линда сказала Гарри, что беременна.

Ты уверена?

Абсолютно, – улыбаясь, – сегодня получила результаты от врача.

То есть ты не прошла свой кроличий тест?

Это как посмотреть. Я бы сказала, что прошла.

Они засмеялись, и Гарри посмотрел на нее, затем широко ухмыльнулся: Мама Уайт. Будь я проклят. Это что-то. Когда? Какой срок?

Шесть недель.

Уверена?

Угу. Я проверяла календарь.

191

Гарри засмеялся: Ты по правде хочешь ребенка, да?

Линда затрясла головой – теплая, довольная улыбка.

Ну что же, – хлопнув в ладоши, – наверное, меньшее, что я могу сделать, – повести вас, обоих вас, на ужин. Он хихикнул: Никак не привыкну, мама Уайт. Это что-то, а?

Да уж, – улыбаясь и кивая, – папа Уайт, – обнимая его и прижимаясь к нему.

За несколько месяцев до рождения ребенка они переехали в новую квартиру. Прекрасное место в том же доме, но выше, роскошное пространство и великолепный вид на Центральный парк. Там был кабинет для Гарри – на случай, если у него бывала работа, которую он хотел сделать дома, – и комната для горничной, но Линда твердила, что хочет ухаживать за ребенком и за домом сама, и от постоянной горничной отказалась, однако позволила Гарри нанять уборщицу, чтобы та приходила несколько раз в неделю и помогала с тяжелой работой. Тебе незачем самой драить такую большую квартиру. И вообще, мы не можем

позволить, чтобы жена помощника вице-президента, заведующего иностранными операциями, работала служанкой.

Линда засмеялась и покачала головой: Хорошо, твоя взяла. Но если я стану толстой и ленивой, виноват будешь ты.

Они посмотрели на ее живот и засмеялись.

Гарри нравились не только квартира и вид – еще ему нравилась мысль, что он живет в огромной роскошной квартире на Сентрал-Парк-Уэст. Одна из его целей – грез – стала реальностью.

Беременность прошла спокойно, а роды без осложнений. Конечно, все случилось среди ночи, Линда попросила Гарри отвезти ее в больницу: Я думаю, пора, – и рано утром родила наконец их первенца, здорового мальчика. Гарри сидел с Линдой, пока она не погрузилась в сон, затем пошел домой, проспал до полудня и отправился в контору.

Гарри еще мотало, но он был в восторге. Он рассказал Уэнтворту, и тот все хлопал Гарри по спине: Так держать, Гарри. Лучше всего, когда первым рождается сын. Это отлично. Отлично.

Распространив новости в начальственной зоне, Гарри взялся за работу и вскоре, как обычно, увлекся, но по-прежнему ощущал внутри горячий вихрь возбуждения, и время от времени его лицо озарялось улыбкой. Уолт прав, хорошо иметь сына.

Когда он привез Линду и Гарри-младшего из больницы домой, они положили ребенка в кроватку и долго-долго стояли и смотрели на него. Удивительный, совершенно удивительный. Гарри

никогда еще не видел новорожденного младенца. Такой маленький. Поразительно, какой он невероятно крошечный.

Он, может, тебе и кажется крошечным, милый, но я не чувствовала, что он крошечный.

Гарри засмеялся, и обнял ее нежно, и ласково поцеловал в щеку. Трудно поверить, что однажды он вырастет, станет мужчиной и все такое.

Линда засмеялась и покачала головой. Дай мне полюбоваться на моего сына пару минут, пока ты не собрал ему чемодан и не отправил его в колледж.

Ладно, – смеясь и обнимая ее, – как скажешь... мамуля.

Они были молодые родители. И гордились – особенно гуляя в парке по воскресеньям. И еще Гарри робел. Невероятно, с какой легкостью Линда брала ребенка, переворачивала, втирала в него то и снимала с него се и вообще как будто им жонглировала. Иногда Гарри брал ребенка на руки, но всегда боялся сделать ему больно. Особенно боялся проткнуть пальцем мягкое пятнышко на голове или что-нибудь там сломать. Линда смеялась и заверяла его, что ребенок гораздо крепче, нежели Гарри думает. В конце концов, он же твой сын, – и она прижималась к нему.

Со временем Гарри перестал робеть, а Гарри-младший рос – явно не по дням, а по часам, – и чувствовал себя у Гарри на руках все спокойнее и безопаснее. Теперь Гарри даже нравилось держать ребенка – несколько минут. Временами днем Гарри думал о сыне и жене, даже когда погружался в работу. Ему нравилось чувство, что возникало при мысли о них, и он наслаждался предвкушением, что захватывало его вечерами по дороге до-

мой. Еще ему нравилось целовать жену, приходя с работы, и обнимать ее, когда они смотрели на сына.

194

Его рука медленно ползла вниз по Линдиной спине, он гладил ее попку, и Линда прижалась к нему и прислонила голову к его груди. О, Гарри, мне нравится, когда ты меня трогаешь. Особенно если вот *так*, – глядя на него снизу вверх и улыбаясь, – ты сексуальное создание.

Еще какое, а?

Вот именно.

Ну, я тебе вот что скажу, – его рука медленно следовала к ее ноге, – у тебя самая замечательная попка в городе.

Линда медленно повернулась к нему лицом, и обвила руками его шею, и крепко прижалась к нему, и чмокнула его в губы. Если бы врач понял, что я чувствую. Эти шесть недель до и шесть недель после вдруг какие-то ужасно длинные... и несправедливые.

Гарри засмеялся и поцеловал ее в кончик носа. Может, до тех пор нам лучше просто пожимать друг другу руки, *подруга*.

Еще чего, – снова притягивая его к себе. Верни руку туда, где ей место.

Да, мэм, – медленно скользя рукой вниз по ее спине, – вы сумасшедшая и бесстыдная девица.

Да уж, я такая и есть...

Однажды вечером Гарри ждал, когда Линда ляжет в постель, и она вошла в спальню в пеньюаре, который надевала в брачную ночь. Тонкий, облегающий, текучий, она медленно приближалась, и Гарри старался смотреть на каждый ее изгиб.

Давно я этого не видел.

Да, я знаю. Слишком давно, – садясь подле него на край постели.

Ммммммм, вкусно пахнет. Что празднуем?

О, – перебирая его волосы, – ничего особенного. Просто твоему сыну сегодня шесть недель, – поднимая голову и глядя ему в глаза. Гарри поднял бровь, затем лицо его расплылось в коварной улыбке.

Кажется, я что-то такое уже слышал.

– Правда, – кокетливо улыбаясь, – интересно, с чего бы? Похоже, придется мне снять это... снова. Зачем терять время????

Гарри засмеялся и притянул ее к себе.

удивился, узнав, как долго они жили в непорочности. Шесть и шесть – двенадцать. Иисусе, три месяца. Чертовски долго. Вроде невозможно – и тем не менее. Поразительно, как летит время. Целых (целкиных, хахаха) три месяца.

И все это время у него и желания не возникало одному выходить из конторы в обеденный перерыв и бродить по улицам и магазинам. С тех пор как Линда перестала работать, Гарри каждый день обедал с Уэнтвортом, и/или еще с какими-нибудь высокопоставленными сотрудниками в ресторанах, какие всегда маячили в его мечтах и стремлениях. Ему нравилось небрежно бросать кредитку поверх счета; и нравилось общество этих людей – потому, что они олицетворяли успех, но еще и потому, что он знал: он сразу вернется в контору. Не нужно быть начеку.

И с этой мыслью приходило ощущение безопасности. Не то чтобы Гарри его таковым и считал, но ему нравилось это чувство, и он легче расслаблялся. Это тоже сюрприз: он и не ведал, что внутри обитает какой-то напряг, помимо рабочего. Но его явно отпускало. Время от времени он об этом думал, но не трудился анализировать; он лишь плыл по течению и наслаждался. И теперь,

когда сексуальная жизнь наладилась, отпустило больше и безопасность ощущалась сильнее.

Новое направление на работе развивалось так гладко, что Гарри уже много месяцев не опаздывал на ужин. Если крайне важные шишки из зарубежных фирм приезжали в город на переговоры и/или дискуссии, Гарри сопровождал Уэнтворта и людей из отдела по связям с общественностью, но уходил, как только деловые беседы заканчивались, и в светской жизни не участвовал. Он умудрялся поесть совсем чуточку, чтобы дома насладиться поздним ужином с Линдой.

Так он и собирался поступить в тот вечер, когда потребовалось развлечь двух представителей международного конгломерата из Бельгии. Развлекал Уэнтворт виртуозно, и, как обычно, ресторан был изыскан, а женщины очаровательны без намека на вульгарность; и Гарри осознанно упивался своей непринужденностью и безопасностью. Он знал, что нет необходимости быть начеку, поэтому спокойно и с удовольствием ел, и, когда Уэнтворт предложил перейти в номер, Гарри присоединился.

Бельгийцы выбрали себе девочек, и одна из оставшихся под села к Гарри на диван. Он выпил стаканчик-другой, разговаривал, рассказывал анекдоты и даже немного потанцевал с Мэрион. Ему с ней было приятно, однако он вовсе не намеревался вести ее в постель. Он хотел просто немного потусоваться, чтобы вечеринка шла как положено и не осталась лишняя девочка, и затем пойти домой.

Вскоре он оказался наедине с Мэрион, и лишь пожал в душе плечами и сказал себе, какого черта, один раз не повредит. Я ее даже не трахну. Один

минет, и свалю. И через час он ушел, сперва внимательно осмотрев себя и одежду – нет ли следов помады.

На следующее утро он проснулся до того, как зазвенел будильник, и свернулся калачиком, и внутри его корежило. Он слышал, как за спиной тихо дышит Линда, хотел перевернуться и посмотреть, глядит ли она на него, но боялся. Лежа в кровати, он чувствовал себя слишком на виду; он словно плакал внутри, и ему отчаянно хотелось снова и снова повторять: Прости. Он хотел встать и пойти в душ, но решил, что лучше подождать звонка будильника. Так он обычно делает по утрам. Ему, во всяком случае, кажется, что он обычно так делает. Как он может не знать, что делает каждое утро? Это же бессмыслица. *Прости! Прости!* Почему не звенит этот проклятый будильник... Иисусе, живот болит. Крутит и крутит, и он как будто пустой. Что за чертовщина? Безумие какое-то – раз! – и тебя всего перекорежило. Черт побери, звени...

199

и секундная стрелка тикала, пока будильник наконец не зазвенел, и Гарри выскочил из кровати и поспешил в ванную под душ. Ему полегчало, вода умиротворяла его, и он смотрел на матовое дверное стекло. Он проторчал в душе гораздо дольше обычного, но в конце концов пришлось оставить водяной комфорт и безопасность.

Он дрожал и нервничал за завтраком и как-то не мог смотреть Линде в глаза. Слава богу, в это утро ребенок буянил, и Линда говорила с Гарри только через плечо, по пути в кухню или из кухни. Он покончил с завтраком как можно быстрее – только бы не вызвать подозрений. На самом деле,

ему не пришлось заставлять себя есть медленно, потому что еда была ему отвратительна, приходилось заталкивать ее в рот, заставлять себя ее жевать, а потом пропихивать в глотку и насильно удерживать в желудке, безотрывно изучая рисунок на тарелке. Наконец доев, Гарри надел пиджак и перед уходом умудрился поцеловать Линду в щеку.

200

Иисусе, до чего ж хорошо в лифте... Ну, пока лифт не остановился и не зашел какой-то придурок, и Гарри смотрел на свои туфли и брючные отвороты, а внутренности орали на лифт: не тормози, спускайся, к чертовой матери...

Наконец он очутился на улице. Черт, тошнота его доконает. Не надо было жрать вечером. Надо было отказаться от этого клятого ужина. Ладно, хер с ним. Не раздувай проблемы из одного минета, Христа ради, – давай, давай, давай, двигайся, леди...

Аххх, прибежище. Контора. Дверь закрыта. И не открывается, если он не хочет. Все пройдет. Засядь за работу, и все. Не напрягайся. Работа и пептобисмол снимут... Черт! А трусы он проверил? На них все равно ничего не было. Откуда бы? Она все равно не заметит. С чего бы? Просто швырнуть их в мешок и отправить в прачечную. Нормально. Может, это... Зазвонил телефон, и Гарри подскочил, инстинктивно шарахнулся, словно от кобры с капюшоном. Гарри вытаращился. Телефон снова зазвонил, Гарри схватил трубку и почти отчетливо вздохнул, услышав голос Луизы. Еще много длинных слепящих минут, даже когда он уже положил трубку, глаза не открывались дольше, чем на две секунды.

И затем работа окутала его, и вскоре он сознавал только ее, а раз-ум затопили дела, и больше Гарри ничего не со-знавал, пока не очутился в лифте, что ехал к его квартире; здесь неловкость снова начала его тер-зать. Разум еще пытался сказать ему, что Линда занята Гарри-младшим и домашними делами, но временами Гарри чувствовал: она замечает, что он ведет себя не как обычно, и он пытался вести себя нормально и понимал, что перебарщивает, и тогда вновь приспособливался и пытался вернуть-ся в нормальное состояние, если бы только вычис-лить, что же такое норма.

К ночи ближе он попытался вникнуть в те-лешоу, и тут Линда вышла из спальни Гарри-младшего, и обняла Гарри, и поцеловала в щеку. Он тут же напрягся, и его глаза автоматически за-крылись, он ждал...

Линда снова его поцеловала. Временами я чувствую, что не уделяю тебе внима-ния.

Не уделяешь мне внимания? – стараясь дышать как можно ровнее.

Да.

Почему ты так говоришь? – только бы улыбка не превратилась в истерический хохот.

Ну, понимаешь, дорогой, Гарри-младший от-нимает столько времени, я занята то одним, то другим, и мне порой кажется, что я не уделяю тебе достаточно внимания. Что я отдаю все свое время нашему сыну и дому, а мой дорогой, милый муж остается ни с чем.

Гарри улыбнулся и облегченно вздохнул про себя, и раскрыл объятия, а Линда села к нему на колени. Ну, жить тут в последнее время труднова-то, но я тебя прощаю.

Они оба захихикали – Линда радостно подпитывала свое облегчение, Гарри сознательно пытался контролировать свое. Знаешь, дорогой, я нашего сына очень люблю, но ты все еще единственный *мужчина* в моей жизни.

И, о боже, она так ласково улыбалась, и ее ладонь мягким теплым лепестком лежала на его затылке, и Гарри притянул Линду поближе, и щекой прижался к ее груди, и уловил ритм ее сердца, что успокоил тошнотворное буйство внутри, и он нежно притулился к ней, нерешительно поцеловал в шею, поймал ее взгляд и улыбнулся любви в этом взгляде, и слезы согревали его глаза, и потом он снова поцеловал ее и медленно поднялся с кресла, обеими руками взял лепестковую мягкость ее ладони и поцеловал, и снова улыбнулся жене, а затем повел ее в спальню, и обнял и поцеловал опять, а потом нежно уложил в постель.

Воспоминания, как история древности, умеют легко исчезать, когда пренебрегаешь их касательством к сегодняшнему дню, но рано или поздно возвращаются и становятся текущими событиями. Пару месяцев жизнь Гарри шла как по маслу – до следующего вечера по связям с общественностью. Гарри позвонил Линде, посоветовал не ждать его и поужинать одной, но он не слишком задержится и вечером с ней перекусит.

Даже без помощи спиртного он быстро погрузился в раскованную атмосферу ресторана – эти ловушки, мужской и женский смех за столом, довольство, и Гарри оживленно шутил и рассказывал анекдоты, беспечно пробуя и смакуя еду. На выходе из ресторана он звякнул Линде и сказал, что задержится, будет поздно, пускай она его не ждет.

Вообще-то он удивился, обнаружив себя в постели с девочкой. Он ничего такого не планировал. Он хотел просто посидеть в номере вместе со всеми, чтобы наверняка не осталось неподвязанных концов, а затем пойти домой. Он не планировал даже оставаться с девочкой наедине, а тем более ложиться с ней в постель.

Однако лег. И случилось это будто независимо от него, будто случилось с *ним*. Девиче с ним было приятно. Он не походил на кентов, с которыми она обычно имела дело. Он был мил. Он говорил и обходился с ней так, будто она не отличалась от любой другой женщины, так что она радовалась его обществу скорее по-настоящему, чем профессионально.

И потому она улыбалась и гладила его грудь, и тут он внезапно глянул на часы. Всю дорогу домой он про себя тряс головой и пытался восстановить ночные события. Как он перешел от ресторана к постели? Что произошло? Как это произошло? Он этого не планировал. Он даже не возбудился. Просто сидел, разговаривал и ел, хотел убедиться, что все как полагается, – и вот он уже в постели с этой девичей и, оказывается, только что ее трахнул. Дважды... Зачем? Зачем он это сделал? Что, Христа ради, происходит? Бессмыслица какая-то. Вообще никакого, черт побери, смысла. Что со мной творится? Мать божья, что происходит? Будь все проклято! БУДЬ ВСЕ ПРОКЛЯТО!!!!

Затем утро, и эта клятая вина, и раскаяние, даже толком не признанные, кручат матерящееся тело и туманят разум – и отчаянно заталкиваешь, засовываешь их вниз, в клоаку нутра, чтоб они запутались или поглотились чем-нибудь, чем угодно, только бы не

смотреть на них, не распознавать, не принимать за то, чем они являются. Матерь Божья, пожалуйста, не допусти этого. Не столкни меня с правдой лицом к лицу. Что, Христа ради, мне делать перед ней???? С ней???? Нет, пусть они бурлят, и крушат, и крютчат, пусть только останутся безымянными, чтобы не нужно было изучать их истоки. Назовем их просто болью. Нормально. Не дай нам вывести их на свет божий и узнать правду. Прошу тебя. Я не знаю, что с ней делать. Я просто не знаю...

И еще один глазами уткнувший в тарелку завтрак – предыдущий внезапно ожил, воспоминания кишат мелкими трюками и уловками, что помогали в прошлый раз, – и мучительная, бесконечная дорога на работу, и затяжная поездка в лифте и пешком в контору и дверь благополучно закрылась и обхватываешь голову руками внезапно стискиваешь челюсти и руки и сознательно пытаешься утонуть в работе а затем ее благословенное облегчение заполняет всё, в том числе темные углы сознания, и наконец день вошел в свою колею.

И затем вдруг понимаешь, что контора почти пуста, – тишина заставляет поднять голову. Пора уходить, но тут, к счастью, находишь задание, которое можно сделать прямо сейчас. Надо бы чуток задержаться. Незачем звонить и предупреждать. Поработаю немного, и все. Позвоню позже. Работать. Работать! Работать!!!! И наконец быстро звонишь, и со временем больше в игры не поиграешь, бумаги сложены аккуратной стопкой, и ты неохотно покидаешь контору.

Иисусе, я свою одежду проверил? Наверняка. Ну конечно. Проверил. Точно, проверил. У ребенка режутся

зубы – о, слава богу, – и какая-нибудь тупая теле-передача, и наконец двое усталых людей сидят и разговаривают – неважно о чем, поскольку время проходит... проходит...

и затем милосердие
сна. И забвение. И еще история древности...

Гарри-младшему было где-то полгода, когда Линда впервые с ним рассталась. Был особый случай, и она отвезла ребенка к бабушке Уайт (и дедушке, разумеется, тоже), и Гарри-младший у них переночевал. Она отвезла его после обеда, и странно было возвращаться домой, одной, в пустую квартиру. И хотя это одиночество длилось всего несколько часов, она нервничала и пару раз звонила Уайтам, оба раза смеясь над собой, но все равно звонила. Она, естественно, не беспокоилась о мальчике и очень удивлялась, что так переживает его отсутствие, – несколько часов, как она думала вначале, которые вылились в ночевку, – а если учесть время на дорогу, его не будет целые сутки!

Линда громко рассмеялась: да она просто мнительная. Раньше она об этом не задумывалась, ей вообще-то незачем было тратить на это время. Но и теперь, остро сознавая его отсутствие, только что во второй раз позвонив Уайтам, она знала: как только Гарри придет домой и они останутся одни в квартире, а затем пойдут в ресторан, она расслабится и будет радоваться, как радовались сейчас Гарри-младший и его бабушка с дедушкой.

А случай был особый. Совершенно особый. В Клубе Банкиров закатали ужин для совета директоров, нескольких высокопоставленных сотрудников и их жен. Даже Гарри не знал всех подробностей и рассказал Линде все, что знал: новый

отдел цветет, превосходя все ожидания, и, судя по всему, основная задача ужина – одобрительно хлопотать друг друга по спинам за то, что так великолепно поработали. Гарри также сказали, что его собираются снова повысить, об этом скажут в поздравительных речах.

Когда Гарри пришел домой, Линда была готова, и он замер, просто глядя на нее, и внутреннее возбуждение согревало его улыбку и освещало его глаза. Боже, она была прекрасна. Все сверкало – ее глаза, волосы, кожа, – и простые линии платья нежно облегали ее округлости. Знаете что, миссис Уайт, вы ложь. Вы нереальны. Миф.

Я знаю, что должна быть польщена, – улыбаясь и наклоняя голову, – но я слишком сконфужена.

Ну, – смеясь и приближаясь к ней, – я слышал, женщины обычно слегка опухают или по крайней мере становятся немного дряблыми и неряшливыми, чуточку побыв замужем и родив ребенка, но ты с каждым днем только больше очаровываешь и возбуждаешь.

Знаете что, мистер Уайт, – ее руки обняли его шею, – это вы заставляете меня думать, что я очаровательна. Я всего лишь зеркало.

Они засмеялись и приготовились выходить.

Хотя на ужине Линда была моложе всех, на много лет младше любого, не считая Гарри, она совсем не смущалась. Пришли дюжины две пар, не больше, и знакомились неторопливо. Линда вписалась идеально, больше слушала, чем говорила, и всем мгновенно понравилась. Несколько женщин, достаточно старых, чтобы годиться ей в матери, шепнули ей на ухо, что завидуют, она такая молодая и красивая, и Линда хихикала вместе с ними.

И, естественно, почти все сообщили Гарри, как ему повезло, что у него такая красивая жена. Гарри улыбался, смеялся и с готовностью признавал, что она веселая и обворожительная, и снова обнимал и покрепче прижимал к себе Линду.

Среди прочих Линдиных черт Гарри любил ее самообладание, и в этот вечер она его просто восхищала. Она была так чрезвычайно грациозна, когда ее знакомили, и за ужином ее беседа струилась чарующе, Линда внимательно слушала, задавала уместные вопросы и говорила удачные комплименты.

Гарри сознавал это потому, что ему самому за ужином было неловко с людьми. Он говорил и действовал правильно, однако это требовало напряжения, ибо нутро его пребывало в конфликте с поступками.

Странно: с чего бы ему так себя чувствовать? Он встречал этих людей раньше – и даже некоторых жен – и не пережил ни минуты дискомфорта, сидя с ними за столом для совещаний, но сегодня он ужасно стеснялся и нервничал – тем больше, чем старательнее искал этому объяснение, и чем упорнее искал, тем сильнее запутывался. Порочный круг: чем больше он мучился, тем настойчивее искал, и чем настойчивее искал, тем больше мучился. Поэтому он просто терпел, улыбаясь сообразно случаю и исторгая изо рта уместные слова.

Изумление, притупившее все чувства, накатило неожиданно, когда председатель совета директоров попросил у всех внимания и заговорил о расширении фирмы, как она выросла, каковы перспективы дальнейшего роста и расширения – особенно на зарубежном рынке, – и

принялся благодарить разных людей, о каждом рассказывая анекдот-другой, сопровождаемый подобающим хихиканьем, и вот Гарри услышал свое имя, изобразил подходящую улыбку, но затем тотчас наступил шок, когда он услышал, что стал новым исполнительным вице-президентом, самым молодым вице-президентом, какого только знала фирма.

208

Линда вцепилась в его локоть, и Гарри чувствовал, как она подпрыгивает на стуле: Ой, милый, это чудесно, просто чудесно, – и она его поцеловала; неожиданно для себя он обнаружил, что встает под жидкие аплодисменты и говорит подходящие слова. Он благодарил всех за доброту и за честь, что они ему оказали; говорил, как сильно верит в фирму и в свои мечты о том, что сулит им будущее, и он подтвердил свою преданность фирме; и затем поблагодарил Уэнтворта за все, что тот для него сделал с тех самых пор, как Гарри устроился в фирму, – он замечал кивки и улыбки, – и напоследок, но, разумеется, не в последнюю очередь, он хотел бы поблагодарить свою прекрасную любимую жену, которая всегда была рядом, неизменно его вдохновляя (Иисусе, разве не то же самое говорил этот козел Дэвис? Как дела, младший вэпэ, хахахаха), не то чтобы я всякий раз просил или хотел этого, – Гарри широко улыбнулся своей Линде, и остальные засмеялись, – и он опять всех поблагодарил и сел, а остальные бурно зааплодировали, и Линда обняла его и поцеловала. Гарри засмеялся и поцеловал жену.

Поздравления, и рукопожатия, и похлопывания, и объятия, и поцелуи всё не прекращались, но это очень нравилось мистеру и миссис Уайт, и когда все закончилось, казалось, будто это дли-

лось всего несколько секунд. Но радость и возбуждение по-прежнему будоражили их, когда они прощались и ехали домой, держась за руки.

Гарри сидел на диване, а Линда стояла перед ним, тепло улыбаясь и глядя на него с неприкрытой гордостью. От счастья и гордости она едва не дрожала. Ой, Гарри, я так счастлива, так счастлива.

Гарри улыбнулся и взял ее за руку: Трудновато поверить, да? Наверное, потребуется время, чтобы привыкнуть окончательно.

209

Ну, а тем временем, – садясь подле него, – я хочу поцеловать своего мужа. Они сидели на диване, болтая, хихикая, держась за руки и целуясь, наслаждаясь возбуждением вечера.

О боже, как, Христа ради, это может быть правдой? Наверняка сон. Пожалуйста, пусть это будет сон. Пусть будильник прозвенит, я встану и пойду на работу. И Гарри пытался пробудиться, глядя в закрытые глаза женщины под собой, чувствуя ее возбуждение и как она движется ему навстречу. Иисусе, он слышал, как она стонет. Во сне ведь не слышно, как люди стонут? И ее теплая плоть, и он двигался и крутил и толкал и под ладонями округлость ее задницы и она стонала все громче и он хотел просто вскочить и убежать но не мог и казалось был наблюдателем трахая телку и яркость света сквозь шторы выпихивала саму идею и Гарри не мог даже пытаться отрицать правду и подыгрывал себе дальше трахая ее и вдруг их тела содрогнулись в спазмах а потом вдруг тишина и неподвижность и он закрыл глаза и потряс головой и теплая тошнота буйствовала внутри, и Гарри скатился с телки и быстро закрылся в душевой кабине, вывернул краны и стоял неподвижно, а вода барабанила по нему. По крайней мере он не сблевнет. Это точно. Но ощущение такое, будто вот-вот сблевнет. Что ему делать? Кто она такая? О, Иисусе, как это случилось? Надо быстро одеться, пока она будет в душе. Надо возвращаться в контору. О черт!

Он вышел из душа, и вытерся, и обернул себя полотенцем, и вернулся в комнату. Она лежала в постели, простыня по шею. Он боялся посмотреть на нее – он ее не узнает как пить дать – и стоял лицом к ней, глядя в сторону. Она улыбнулась: Отвернись, я хочу встать. *О Иисусе, конечно. С радостью. С радостью.* Он отвернулся и, едва зашумела вода, оделся и тихо вышел из номера и гостиницы. Он перебежал улицу и прошел через универмаг – на тот случай, если она как-то наблюдает и хочет узнать, где он работает. Он шагнул через магазин как можно быстрее и вышел с другой стороны, ища прибежища в конторе.

Как это могло произойти? Он не собирался цеплять телку. Безумие. Бред. Все это бессмысленно. Он рано ушел из конторы, чтобы пообедать одному – отчего-то ему не хотелось сидеть с Уолтом и остальными. И вот он уже насаживает какую-то тетку в гостинице. Бессмыслица какая-то. Что, к дьяволу, случилось? Он спустился на лифте, вышел на улицу, свернул за угол и кого-то задел, протянул руку, чтобы тот человек не упал, затем извинился и улыбнулся, и она улыбнулась, и вот уже он наябивает, а она стонет под ним. Это не может повториться. Не может, и все. Надо это контролировать. Контролировать! Вот ответ. Просто надо себя контролировать.

Контроль длился неделю, решимость еще меньше. Пару дней он обедал в кабинете, а Уолту и остальным говорил, что он тут на полпути и не хочет останавливаться, но с каждым днем желание выйти росло и в итоге начало мешать работе. Гарри приходилось невероятно напрягаться, чтобы сосредоточиться, а затем он вдруг вставал

и подходил к окну, глядел наружу, чувствуя себя заключенным. Через пару дней он пошел обедать с Уолтом и Симмонсом. Он не находил ни одной причины давить позыв. Но он был осторожен и держался рядом с остальными, а после обеда вернулся с ними прямо в контору.

Но затем он ловил себя на мысли о женщинах; или стоял в дверях кабинета, озираясь и вдруг очень интересуясь женскими ногами и длиной юбок. Он не помнил, чтобы замечал за собой подобное. Казалось, он никогда о них не думал. Даже до женитьбы. Действие всегда предшествовало мысли. Он гулял с ними, говорил с ними, танцевал с ними и спал, но не помнил, чтобы когда-либо думал о них. Он возвращался в кабинет и пытался выбросить из головы всю эту идиотскую чертовщину, и некоторое время осознавал только работу, но вскоре выяснялось, что он думает о какой-то неопределенной телке. Он вытеснял эти мысли воспоминаниями о Линде, но это его как-то отталкивало, и он возвращался к работе и метаниям.

Он вытерпел всего неделю. Он не мог выдержать еще день смятения и метаний настолько ужасных, что мешали работе, – и это его пугало. Он не мог позволить – и не позволит – ничему угрожать его положению.

На этот раз он знал, что собирается делать, и потому без проблем сознательно включил старый сценарий. А легкость, с которой он мог внутри себя нашарить способность зайти в ближайший кафетерий, подцепить телку, повести ее в отель и кинуть палку, холодной острой болью вгрызалась меж глаз, когда он сидел за столом и об этом думал.

Вечер дома был тяжел и утомителен. Гарри обдумывал каждый свой шаг и постоянно сомневался, ведет ли себя как обычно. Он старался разговаривать и вести себя как ни в чем не бывало; однако знал, что напряжен. И холоден. Особенно в постели. За пару часов до сна он начал жаловаться на головную боль и затекшую шею. Еще чуть-чуть подождать – хотя дольше, чем хотелось бы, – и они в постели, и свет выключен, и Гарри лежит на боку, и день почти завершился, и наконец Гарри кувырнулся в беспокойный сон.

И все равно он не мог протянуть больше недели, не подцепив женщину. А пугало то, что он с этим смирился, и в пятницу после полудня кое-как извинялся перед коллегами и уходил обедать один. Не пытался бороться. Просто перепланировал работу и удлинил пятничный обед. Приняв решение, он тут же обнаружил, что способен сосредоточиться на работе.

Конечно, трахался он не каждую пятницу, но это не важно. Важен сценарий, игра, она избавляла его от метаний, он мог сконцентрироваться на работе, сохранить должность и выполнять обязательства.

И вскоре он принял это как часть своего бытия, только отдельную от остальной жизни. Пятничными вечерами или любыми другими ему уже не бывало неловко дома. Ему казалось, он может приходить домой и вести себя как всегда. А с чего ему вести себя иначе? Он не делал ничего такого, чего не делали все женатые мужчины, особенно в его кругу. И, насколько ему известно, все женщины, которых он цеплял, тоже замужем. Он не припоминает, что обещал себе хранить верность Линде, а если обещал, значит, был глуп и незрел...

Ну, может, порой он слегка угрызался чем-то там, особенно когда приходилось отговариваться от обеда с остальными. Не то чтобы они задавали вопросы или возражали, и он, разумеется, не боялся, что его отправят в отставку лишь потому, что он по пятницам приберегает чуточку времени для себя – дни младшего сотрудника, чье время подотчетно, прошли, – но он будто воровал время у фирмы.

Чем бы он там ни угрызался, на это можно плюнуть. Но на метания, что скрючивали пополам и угрожали работоспособности, никак не плюнешь. Так что Гарри уговорил себя смириться с новой жизненной фазой. И со временем он приспособился к новому расписанию, и вскоре оно встроилось в его жизнь до того, что он привык и не задавал вопросов, и жизнь его в конторе и дома текла размеренно.

А потом однажды днем в среду он обнаружил, что идет за женщиной в универмаг. Он наблюдал, как она разглядывает лифчики и бикини, и внезапно сообразил, что творит, и резко развернулся, и зашагал назад в контору. Абсолютно недвижно сидя за столом, он будто ставил рекорд по ходьбе. Паника не отпускала до вечера, и Гарри не мог сосредоточиться. Он осознавал лишь силу своих чувств, а неспособность их охарактеризовать лишь усиливала панику.

Вечером за ужином Линда спросила, не случилось ли чего.

Случилось?

Ну, я не про неприятности. Ты просто какой-то озабоченный и тихий. Я не знаю, – откидываясь назад и смеясь, – может, это ты себя как-то не так сегодня ведешь, или просто ребенок не шумит, и мы хоть ненадолго вместе... в тишине.

Гарри чувствовал, как выдавливается из него улыбка. Ну, я вот тут думаю, может, нам стоит купить дом.

Довольно неожиданно, нет?

Вообще-то нет. Я уже некоторое время думаю.

Ну и ну, Гарри, ты меня застал врасплох, – улыбаясь, – не знаю, что и сказать.

По-моему, идея неплоха.

Ой, я не возражаю и не жалеюсь, милый, просто мне нужно привыкнуть.

Я подумал, прекрасно было бы, наверное, будь у нас двор... сад или что-то такое, ты бы с цветами возилась, и Гарри-младший мог бы там скакать, что ли, и ты бы за него не беспокоилась.

Это чудесно, – ее улыбка шире, – садик – это замечательно. Где думаешь искать?

В Уэстчестере. Можно найти что-нибудь подходящее, и не уезжая далеко от города.

Чем больше мы об этом говорим, – ерзая, – тем больше мне нравится. Я прямо загорелась.

Свяжусь завтра с маклерами и гляну, что продается.

Ты какой дом хочешь?

Не знаю. Пока еще никакой конкретно.

Вот бы найти английский Тюдор. Они мне ужасно нравятся. Особенно такие – деревья, розовые кусты и извилистая дорожка с ландышами. Ой, Гарри, как чудесно.

Ну, мне совершенно все равно, какой будет дом. Я их вообще не различаю.

Линда посмотрела на него: Ты уверен, что хочешь купить дом?

Конечно. Я ведь сам предложил, так?

Я знаю, милый, но тебя это, по-моему, не особо увлекает.

Нет-нет. У меня просто голова лопается, – снова пытаюсь изобразить улыбку, – вот и все. И я ужасно рад, что ты этой идеей загорелась.

Это правда, милый, мне очень нравится. Но если ты не хочешь, я вовсе не против. Честное слово. Я знаю, как ты любишь эту квартиру и Централ-Парк-Уэст.

Я знаю, дорогая. Не беспокойся. Я хочу переехать. Правда. Я очень хочу переехать.

217

Деньги роли не играли, и совсем скоро Гарри и Линда нашли именно то, что хотели, или, если точнее, именно то, что хотела Линда: Гарри не слишком привередничал, его интересовало главным образом как можно радикальнее сменить обстановку.

Почти акр, фруктовые деревья, клены, большая ива и заросли кустарников. Ни тропинки, ни петляющего ручья, но даже о таком Линда и мечтать не смела, и сам дом затмевал все мечты. Линда позвонила матери, чтобы рассказать про дом, и мать то и дело принималась хохотать и говорила: при тормози, за тобой будто волки гонятся.

Но, мама, он такой прекрасный.

Ладно, я тебе верю, дорогая. Он прекрасный.

Обе смеялись, и Линда продолжала в мельчайших подробностях описывать дом и участок.

Ожидание, когда завершится бумажная работа и в документах все будет чисто, было, пожалуй, самым тревожным периодом Линдиной жизни. Каждый вечер, когда Гарри приходил домой, она спрашивала, не слышал ли он чего-нибудь про дом, и Гарри качал головой и советовал ей уюмониться. Нужно время. Еще несколько недель, и все будет в порядке.

Но я не могу уgomониться. По-моему, в комнате Гарри-младшего голубые занавески – в самый раз, ты как думаешь? А золотые шторы в гостиной гармонировали бы с мебелью, и, может...

Эй, минутку, – смеясь и обнимая ее. Ты но-сишься кругами. А вдруг ты себя догонишь – так и будешь всю жизнь носом себе в спину тыкаться.

Ой, Гарри, ты чокнутый, – обвивая руками его шею и тыча носом в его нос, – я так волнуюсь, что могу взорваться.

Правда? А я и не заметил.

Гарри был по-своему возбужден не меньше Линды, однако по другой причине. И возбуждение его проявлялось иначе, что и было, в сущности, этому возбуждению причиной. Линдино возбуждение возбуждало само по себе, но истинная причина в том, что сценарий прервался и Гарри уже не бродил по улицам в пятницу, ища женщину, а обедал с Уолтом и остальными.

И более того, его разум очистился от мыслей и ужасных метаний, а тело освободилось от непонятных чувств. Внутри он был свободен, мог сосредоточиться на работе, как раньше, не стеснялся и не терзался дома. Вроде бы все пришло в норму.

Услышав наконец от маклера, что дом официально принадлежит им, Гарри собрался было звонить Линде, но положил трубку. Лучше прийти и рассказать самому, решил он, – на всякий случай: вдруг она грохнется в обморок или у нее сосуд лопнет. Он засмеялся про себя, и весь остаток дня время от времени на минуту прекращал работу, закрывал глаза, откидывался в кресле и представлял, как наступит вечер, и Линда подпрыгнет и

завизжит, когда он скажет, что дом их, и тело его содрогалось как черт знает что, когда он рисовал в уме возбуждение жены и ощущал ее радость.

Почти неделю, или, может, больше – Линда не помнила, сколько, – она старалась не спрашивать, не слыхал ли Гарри чего-нибудь про дом. Она понимала, что если не перестанет постоянно думать про дом, эти ее мысли станут манией, и она свихнется, получают они дом или нет. Так что она помалкивала, они ужинали и болтали, и тут Гарри сказал *en passant*¹: А кстати, я сегодня узнал от Ральфа, что дом наш, – положил в рот кусок картошки и спросил, как себя чувствует Линдина мать.

Линда уставилась на него и едва не сказала, что у матери все отлично, затем вскочила и одним невозможным прыжком очутилась у Гарри на коленях. Ой, Гарри, это чудесно, – обнимая его, сжимая его, стискивая, – чудесно. Получилось. Ой, я с трудом верю. Это чудесно. Он наш. Невероятно. Просто невероятно, что он правда наш.

И банка. Не забывай о банке.

Ой, однажды банк тоже станет твой. Я должна сказать маме и папе. И Гарри.

Приготовление дома и подготовка к переезду возбуждали – в другом роде, конечно, – как первые дни супружества (господи, уже третий год пошел). Оба волновались, оба увлеклись событиями своей жизни и подпитывали возбуждение друг друга.

В конце концов настал день, когда дом был готов, и они переехали; этим занималась Линда, пока Гарри работал. Когда в тот вечер он приехал

---

1 Мимоходом (*фр.*).

домой, повсюду стояли коробки и картонки, но распаковано достаточно, чтобы спокойно поесть и лечь спать.

Гарри понял, что Линде нужна машина – теперь, когда они стали подлинными жителями пригорода, – и для начала купил второй «мерседес». А потом вступил в загородный клуб «Лесная долина».

220

Линды выдумывала проект за проектом для дома и сада, но Гарри вскоре обосновался и целиком приспособился к новому дому и поездкам в город и обратно. Неизменный Линдин энтузиазм довольно долго питал увлеченность новизной, но вскоре новизна стала рутиной, и Гарри начал смутно и постепенно осознавать, как сквозь него течет тревога. Он чувствовал, как смутное понимание опасно тянется из нутра к голове, пытался это чувство игнорировать, но оно упорствовало, и хотя он не мог его распознать, игнорировать его он тоже не мог, и оно постоянно дергало его, будто некая неодолимая сила, сокрытая в туманности древнего прошлого.

Свою увлеченность другими женщинами Гарри теперь воспринимал философски. Лучше уж так, чем бороться с раздражающим желанием, что вспыхивало внутри. По крайней мере, не борясь с позывом, Гарри мог сосредоточиться на работе и контролировать свои поступки – странным образом контролировать.

Поначалу он просто временами бродил днем по улицам, не то чтобы рассматривая женщин, а так – поглядывая. Но вскоре стал выходить почти каждый день и пристально наблюдал за женщинами, гуляя по улице, слоняясь по магазину или просто рассеянно жуя свой обед. И это работало. Такая степень потакания себе утихомиривала тревогу и позволяла нормально существовать на работе и дома.

Но вскоре контроль ослаб и Гарри снова очутился в гостиничном номере с женщиной. Он не боролся, не задавался вопросами, а принял душ и возвратился в контору к работе. И вроде бы узелок в его нутре рассасывался, и узелку этому вроде хватало раза в месяц – остальное время Гарри просто слонялся и смотрел по сторонам или обедал с Уолтом и другими коллегами.

И хотя свои поступки он еще худо-бедно контролировал, контроль над мыслями был практически утерян. Гарри сидел в поезде по дороге

в контору, зарывшись в газету, и натыкался на статью о стоимости медицинского обслуживания, и затем ловил себя на размышлениях о том, чем занимается гинеколог, осматривая красивую молодую девушку или женщину. Целует ли он ее, наклонившись, пока его пальцы ее зондируют? Осматривает ли сам или вместе с медсестрой – Гарри мям газету, изо всех сил таращил глаза и пялился в окно, пытаясь вытеснить из головы мысль и образ, но лязг и бряцанье поезда по рельсам как-то превращались в чувственные женские стоны, и Гарри видел юную девушку на столе, ноги в ремнях, доктор и сестра готовятся, и Гарри вновь отбрасывал эту картину, и думал о другом, и рывком раскрывал газету, и торопливо проглядывал вчерашние биржевые цены при закрытии, и просматривал бесконечные списки, проверяя свои акции, и освобождался наконец от образа, но весь день время от времени образ внезапно всплывал в голове, и Гарри снова и снова старался его выбить, и не выходил на обед, торчал в кабинете, погружившись в работу как можно основательнее, но всякий раз, проходя мимо женщин в конторе, или по дороге домой, ловил себя на том, что пялится туда, где у них лобки, и женщины становятся вагинами на ножках, а внутри у него так каменело, что слабели ноги, но в конце концов он добирался до прибежища дома, где можно расслабиться, освободиться от напряжения и безымянных страхов, что крючили его и терзали в эти дни, и найти подходящий объект для своей похоти.

Линда была восприимчива к настроениям мужа и скорее чувствовала, чем видела в нем перемену, напряжение. Может, стало чуть тише, чем

обычно, и вообще спокойнее; и, естественно, она явно различала перемены в постели, – в том, как они занимались или не занимались любовью.

Бывало, Гарри предельно четко давал понять, что у него был тяжелый день и он устал, не успевали они закончить ужин, и когда они ложились в постель, Линда ощущала его напряжение, и ей хотелось протянуть руку и сказать, что объяснять ничего не нужно, абсолютно ничего страшного, что он не хочет заниматься любовью. Но она боялась, что ему станет неловко, и потому молчала, только целовала его на ночь, не лаская, как ей хотелось, чтобы он мог расслабиться и отдохнуть как следует. А бывало, что Гарри вел себя более или менее как обычно, только Линда чувствовала, что он себя слегка накручивает, и хотя он был усталый и угрюмый, она помалкивала, она знала: когда они лягут в постель, он будет чуть настойчивее в своих ласках – потому что весь день в нем копился напряг. И хотя тайная частичка Линды была оскорблена, ибо Линда знала, что не все возбуждение Гарри – ее заслуга, он так невероятно ее возбуждал, что обида быстро испарялась. Испарялась с легкостью, ибо Линда знала, что любит Гарри, и – без малейших сомнений – что он любит ее, и если между ними и возникала дистанция, Линда знала, что это все из-за прессинга у Гарри на работе и скоро пройдет. Он очень нежный и умный человек, к тому же чувствительный. И, в конце концов, он самый молодой исполнительный вице-президент, какой только был в фирме, – понятно, что временами он слегка угрюм. Он всего лишь человек.

А Линдины дни были так насыщены, что у нее не было времени, да и желания создавать себе проблемы. Хотя у нее и была теперь, по требо-

ванию Гарри, постоянная домработница, Линда отказывалась нанимать служанку, или кухарку, или няню для Гарри-младшего. Она по-прежнему жена и мать и сама позаботится о семье. И хотя у них был садовник, косивший траву, подрезавший деревья и выполнявший прочую тяжелую работу, сады принадлежали Линде, и она проводила в них немало приятных часов с Гарри-младшим, который теперь ходил, и спотыкался, и издавал всевозможные звуки. На заднем дворе висели качели, и Линда качала Гарри-младшего на коленях, и пела ему, и они тихонько раскачивались взад-вперед. Гарри-младший, маленький Линдин человечек, рос как на дрожжах.

В следующий раз, когда Гарри принимал представителей, он остался в городе на всю ночь. Он этого не планировал, просто так вышло. Неожиданно для себя он обнаружил, что кувыркается в постели с одной из телок по связям с ответственностью, зная, что еще успеет на последний поезд домой, но зная также, что не уйдет. Решение пришло извне, его Гарри навязали, и он принял его без особой борьбы. Просто немного испугался.

Наутро он сидел за столом в конторе еще до половины девятого, закрыв дверь в кабинет, снова спрашивая себя, что произошло и как это произошло. Его слегка мутило, он нервничал, и чем больше об этом думал, чем упорнее размышлял, как это он вляпался, тем больше конфузился и страдал. Наконец он глубоко вздохнул и позвонил Линде. В груди внезапно затрепетало. Он стиснул челюсти. Пробормотал едва ли не молитву. Он отчаянно хотел сказать что-то подходящее, но ни-

чего, блядь, не мог придумать. Привет, как дела? Что это, на хер, такое? Как, Христа ради, он будет говорить, когда так болен?

Привет, дорогой, как прошла встреча?

(Срань господня, он слышал, что она улыбается, а на заднем плане курлыкал его сын.) Отлично. Закончили.

Хорошо. Я так рада. Я по тебе очень вчера скучала.

Я тоже.

225

Ты сегодня вернешься как всегда, милый?

Да.

Это хорошо. Приятного тебе дня, дорогой. Я люблю тебя. Еще чуточку поболтали, и она положила трубку.

Наконец-то она положила трубку. Наконец-то, наконец-то, наконец-то. Как же долго, черт побери, они разговаривали. Секунды? Минуты? Тысячу жизней – ага, ага. Я знаю, с тех пор как мы поженились, я впервые не ночевал дома. Думаете, я кто, болван какой-нибудь, блядь? И отвалите от меня. Я вам не прокаженный. Я ни черта не сделал такого, чего не делает любой сукин сын в этом мире. Так что идите в жопу.

Итак, его день начался и продолжался неистовыми попытками потеряться в работе; он заказывал обед на скорую руку или яблоко, дабы вкусить запретный плод и очиститься. О черт! Что это со мной за херотень? Дверь в кабинет так и оставалась закрытой. Время от времени его вдруг начало трясти и подбрасывать, но вскоре это проходило. Ох ты ж господи!!!!

Работать. Работать!

Займись работой и забудь про это дерьмо. Работать...

И так полз тяжелый и бесконечный день Гарри Уайта.

226

И для Линды, жены Гарри Уайта, день проходил с переменной облачностью. Время от времени глубокая печаль мучительно обдавала ее, и Линда останавливалась и хмуро озиралась, раздумывая, отчего она вдруг так себя чувствует. Ничего подобного с ней не бывало с тех пор, как она была подростком – кажется, много лет назад. Потом случались моменты легкой депрессии и одиночества, но после свадьбы – ни разу. Думая об этом, она все острее сознавала, как сильно любит Гарри и как чудесна их совместная жизнь. Разумеется, не то чтобы она каждый день кипела добром и радостью, но в жизни с Гарри просто не было печали – до сего дня.

Ну, вполне естественно так себя чувствовать в первый раз, когда Гарри не ночевал дома. В конце концов, ночью сюда не доберешься, и у Гарри не было выбора. Обычное дело. Необычно другое: судя по тому, что она читала и слышала, необычно, что двое людей (на самом деле трое, считая Гарри-младшего) могут быть так счастливы. Трехлетний брак, может, и не рекорд – даже в наши дни и в таком возрасте, – но, похоже, немногие пары остаются так долго женаты и столь же счастливы, как Линда с Гарри, и дело не только в прекрасном доме и садах, и даже не в Гарри-младшем – Линда чувствовала так еще до того, как они купили дом, и до того, как появился Гарри-младший. Кажется, с тех пор, как она встретила Гарри. За исключением, конечно, той ночи, когда она ему отказала и он ушел. То был последний раз на ее памяти, когда она была одинока, – те недели, что прошли, пока он снова не позвонил.

Он ее возбуждал. И одна мысль о нем не давала возбуждению угаснуть. И он не просто возбуждал ее в постели, хотя она охотно и с радостью признавала, что это возбуждение имеет прямое отношение к ее возбуждению вообще, и не могла представить, что какой-нибудь мужчина был бы лучшим любовником, чем Гарри, и возбуждал бы ее сильнее. Много-много раз она думала об их отношениях и о том, что именно в Гарри делало ее такой счастливой, и хотя всегда остается некая доля магии, которую не определишь и не выделишь, в нем все же были драгоценные черты.

Линда любила его смех. Не то чтобы исключительно музыкальный или что-нибудь такое, но очень счастливый. Как будто радовалось все его естество. Думая об этом, Линда прямо ощущала, как сверкают ее глаза.

Еще они сверкали, когда она вспоминала его нежность – как он держит ее за руку, или растирает затылок и плечи, или целует в ухо... И как он улыбается и ни с того ни с сего нежно щелкает ее по носу – просто щелкает и улыбается. Она прикрывала глаза, и видела его улыбку, и упивалась его теплотой...

И под всем этим она чувствовала его силу. Силу не словесную, но реальную, глубинную силу в его поступках и манере. Он знал, куда идет и как туда попасть. Он знал: ничто его не остановит. И она знала: невзирая ни на что, она всегда, всегда может на него положиться, он всегда будет рядом, даст ей ту силу и поддержку, в которых она нуждается. Он надежен, а дух его неукротим...

Чем больше она о нем думала, тем теплее казалось солнце, и, кормя Гарри-младшего обедом, Линда улыбалась, и мурлыкала, и раздумывала, что бы приготовить Гарри на ужин.

Жизнь Гарри оставалась чередой маленьких компромиссов и уступок самому себе; приноравливание к жизни и затем нежеланное и мучительное его приятие, что влекло за собой неизбежную ложь, а та, в свою очередь, требовала еще лжи, и приноравливания, и переоценок. И Гарри шел на компромисс не со всеобщей этикой и моралью, но со своей собственной. Отсюда и метания. Отсюда же и боль. И Гарри приходилось перед самим собой отрицать, что компромиссы и мелкая ложь действительно имеют место – вот что было самое трудное в этой жизненной эволюции, вот что вызывало смятение. Гарри приходилось как-то уверять себя – в здравом рассудке, – что все в порядке, все нормально и происходит лишь от напряжения на работе.

В конце концов, он добился успеха: в бизнесе его уважали; он хороший кормилец; зажиточный человек, хотя всего лишь тридцати лет от роду. У него – и у его коллег – и сомнений не возникало, что однажды он станет миллионером. Ни малейших сомнений. Разве может что-нибудь пойти наперекосяк?

И у него чудесная семья, которую он очень любит и ценит, а они любят его. Когда Гарри приходил вечером домой, его сын бежал (ну, пожалуй,

скорее ковылял, чем бежал) его встречать, а жена широко улыбалась, и обнимала его, и целовала. Успех. Да, он вправду успешен. Разве может что-нибудь пойти наперекосья?

Это невозможно.

230

Ясно как день. У человека столь молодого и успешного, как Гарри Уайт, не может быть настоящих проблем, и что бы ни скручивало ему нутро, что бы ни вызывало напряжение, от которого Гарри становился как сжатая пружина, в любой момент готовая сорваться, это со временем исчезнет. А пока ничего нет дурного в том, что Гарри изредка подцепляет женщину или проводит ночь с кем-нибудь из девиц по связям с общественностью. Это сглаживало его терзания, и он привыкал жить с невнятной виной и раскаянием утреннего пробуждения. Важно не позволять ничему лишать его способности работать, а напряжение как раз это и делало. Чтобы его снять, Гарри был готов на что угодно. Он должен быть в состоянии работать.

И поэтому он приноравливался и лгал, а затем снова приноравливался и лгал, и оставался в городе, когда не было никаких представителей, но с этой предлогом смирились, и он всегда был под рукой.

Однако теперь его тянуло остаться в городе все чаще. Контроля все меньше. В очередной раз приноровившись и солгав, он день-другой пребывал в депрессии, и приходилось делать усилия, чтобы дома не дуться и не замыкаться в себе. Затем он становился самим собой, жизнь переменчива, и его бытие дома, а равно и в конторе, не виделось ему аномальным, и эмоции снова шли на подъем.

Но затем временные интервалы менялись, и требовалось опять приноравливаться, а периоды депрессии смыкались все плотнее. Однажды

Гарри понял вдруг, что за неделю оставался в городе дважды, и по дороге домой купил монстеру. Он толком не знал зачем, просто не смог устоять. Он принес ее Линде вовсе не в качестве расплаты за свое поведение (Иисусе, с ее садами это все равно, что дарить эскимосу снежки) – подразумевалось, что это такой подарок.

На следующий день он поймал себя на том, что думает о растении, и купил книгу по уходу за монстерами. По дороге домой он пролистал книгу и был заворожен: сколько разновидностей, сколько родственных видов комнатных растений. В выходные он купил еще одно, поменьше.

Я не знала, что ты любишь цветы, дорогой.

Я тоже не знал. Я, наверное, вирус какой-то подхватил, – улыбаясь. Может, я подумал, если ты занимаешься садом снаружи, я буду делать то же самое внутри.

Семья, которая занимается садом вместе, остается вместе.

По-моему, отлично.

Только надо следить, чтобы пальцы не слишком позеленели, а то нас в карантин загонят.

Они оба засмеялись, а Гарри разглядывал два растения. На следующей неделе он принес домой еще одно, хлорофитум в красивом фарфоровом горшке и кашпо из макраме.

Как считаешь, в окне хорошо смотрится, а?

Да, и вправду. Замечательный горшок, и макраме тоже. Где ты их нашел?

А растение, оно ведь тоже замечательное? Ты же не хочешь оскорбить чувства *хлорофитума*.

Ты прямо как ботаник заговорил.

Я читал книгу в поезде, – улыбаясь. В общем, на Шестьдесят шестой улице есть большой цве-

точный магазин, куча растений, горшков и всего остального.

Ну, – обхватив его руку, – вот уж не думала, что придется соответчиком при разводе называть цветочный магазин.

Они засмеялись, обоих отпускал напряг – напряг разного, однако схожего происхождения.

232 За неделю Гарри купил еще две книги, а в пятницу – очередное растение и плетеное кашпо. Покупка растения по пятницам стала новой традицией, вытеснившей старую, смутное напряжение и тревога вновь исчезли, вместо женщин он ласкал цветы. Через несколько месяцев все окна в доме были увешаны растительностью. Колумнеи, эписции, герани плющелистные и даже геснерии. И на полу в прекрасной керамике стояли диффенбахия, каучуконосный фикус, лировидный фикус, шеффлера, подокарп, хамедорея и другие пальмы, а также монстера прелестная. Даже филодендрон, а по балкам в гостиной вился плющ.

По мере увеличения коллекции Гарри приходилось вставать все раньше, чтобы осмотреть каждый цветок, проверить, все ли в порядке, проследить, хватает ли растениям света и воды; опрыскать их, чтобы воздух был влажен. В поезде он вместе с «Уолл-Стрит Джорнал» читал книги по ботанике.

Разумеется, он неизбежно купил узамбарскую фиалку. В выходные он смастерил полки через пару окон для узамбарских фиалок. Вскоре были куплены «Веджвуд», «Кембриджская розовая», «Долли Димпл», «Норвежец», «Лилиан Джаррет», «Вечнозеленая», а также простые бой, гёрл, с желобчатыми, пестрыми, темно-зелеными и волнистыми листьями. Он покупал специальные щетки для чистки листьев и высаживал черенки.

Некоторое время Линда в изумлении наблюдала, как вокруг появляются растение за растением и дом становится похож на съемочную площадку фильма про джунгли; затем начались волнения и хлопоты: приходилось следить, чтобы Гарри-младший не опрокинул цветы и не копался в больших горшках. Но дело того стоило. С тех пор как появилось это хобби, Гарри успокоился и ожил, больше походил на себя – не выглядел уже таким унылым и вялым; и, разумеется, Линда была счастлива от подобных метаморфоз. Кроме того, очень приятно, что Гарри не нужно водить клиентов по ресторанам и оставаться в городе на всю ночь. И еще Линде нравились цветы, так что она с легкостью приспособилась к этой перемене обстановки.

Знаешь, дорогой, еще одно растение – и мы задохнемся от переизбытка кислорода.

Ну, вокруг смог, в воздухе грязь, если набрать растений, можно изолировать себя от мира.

Райский сад?

Конечно, почему нет?

В конце концов, слава господу, Гарри перестал покупать растения. И произошло это ровно в подходящий момент. Они были красивы, и явно добавляли изюминку дому, и счастье Гарри осчастливило Линду, но ей казалось, что еще одно – и будет чересчур.

В графике Гарри не было места для еще одного растения. Со временем он перестал ухаживать за ними по утрам в течение недели, быстро осматривал их вечером и уделял им внимание по выходным. Постепенно их стали игнорировать по вечерам, и Гарри поливал их между делом в воскресенье – и то не всегда.

А напряжение и тревога – это кручение внутри, в руках и в ногах – вернулись и возросли. Он чувствовал, как слегка отдаляется от семьи, и боролся, но понятия не имел, какое оружие использовать, поскольку враг был неизвестен. Он воевал с собственной гримасой и заставлял себя улыбаться, и однажды загрузил семейство в машину, и они отправились на воскресную прогулку. День был ясным и солнечным, и Гарри-младший сидел в детском кресле, тыча пальцем и задавая вопросы. Гарри успокаивался, слушая сына, жену и ее смех, ощущая на лице солнечное тепло.

Но он не мог сосредоточиться на езде. Его будто слегка пугали другие машины, пешеходы и светофоры. Затем до него дошло, почему. Он то и дело смотрел на женщин на улице или в других машинах, краем глаза, не желая, чтобы Линда заметила. Он отчаянно сопротивлялся, но, казалось, не мог себя контролировать. Его подташнивало от борьбы и вины. Он не понимал, в чем дело. Почему он не может смотреть на дорогу? Он уставился на дорогу и сосредоточился как мог, чтобы не отводить взгляда, но одна проклятая телка в юбке облегающей задницу переходила дорогу и он сразу понял что она идет в магазин еще несколько футов и надо поспешить если он хочет взглянуть на эту задницу и увидеть имеется ли у телки прекрасный комплект сисек – Гарри в панике взглянул на дорогу и как только одурманенная голова отметила что дорога свободна он краем глаза попытался взглянуть на Линду не следит ли она за его глазами вычисляя куда он смотрит и затем снова посмотрел на дорогу (только представить что я врезался) и святой Иисусе он сходит с ума и он снова приковал глаза к дороге и слышал Линду и Гарри-

младшего и даже слышал как ей отвечает и пара телок вышла из магазина и он их почти не видел и притормозил надеясь разглядеть получше но эти дуры тащились как пара черепах и он не хотел терять их из виду но ему нужно проверить не следит ли за ним Линда теперь когда он притормаживает и ему пришлось сделать вид будто он разглядывает что-то на Линдиной стороне улицы чтобы видеть куда смотрит Линда и вроде бы все в порядке и он быстро посмотрел на другую сторону но глупые бабы ни черта не торопились не двигаясь и дюйма в час Христа ради и он решил повернуть и тогда может он их разглядит только надо убедиться что Линда смотрит на Гарри-младшего и Гарри вошел в поворот и они оказались прелестны особенно когда платья облепляли их на ветру и прижимались к промежностям и одна была без лифчика и он видел ее соски выпирающие на милую и ее – Машина из ниоткуда и Гарри дал по тормозам и автомобиль занесло и не было никакой машины и Линда завопила: Что такое? – и борясь с заносом Гарри увидел как машина врезается им в бок и Линда и Гарри-младший изуродованное месиво и он услышал их крики и прижал машину к обочине и остановился...

и закрыл глаза и глаза сдавило слезами и внутри узел тошноты, что уже подступала к глотке...

Линда посмотрела на него, успокаивая себя, сконфуженная и озадаченная внезапностью того, что произошло, и тем, что она не имела представления, почему это произошло.

Ты как, Гарри? Тебе плохо?

Нет-нет, – качая головой, – все хорошо. Я в порядке.

Что произошло? Так внезапно
Я не знаю.

Что-то с машиной?

Нет, – откинувшись на спинку сиденья и глубоко вздохнув. По-моему, нет. Просто нога соскользнула. Все нормально. На секунду испугался. И все.

Ой, ну слава богу. Я подумала, может, у тебя вдруг что-то заболело. И вообще, – широко улыбаясь, – Гарри-младшему понравилось. Он отлично повеселился. Все еще смеется, да, сладенький?

Гарри слушал их и смотрел, и постепенно страх сошел на нет, а бурление стихло, и он поехал домой. Он вел осторожно, и его трясло внутри, но теперь ему не составляло труда сосредоточиться на дороге.

Ближе к вечеру он сидел и читал газету, и тут Гарри-младший вдруг уронил игрушку, и Гарри подскочил в кресле и ударился головой о висящее растение. Он тихо и злобно зарычал и схватил горшок и сорвал кашпо с крючка и вышвырнул его в открытую дверь. Линда наблюдала за ним, ошарашенная.

В понедельник Гарри остался в городе на ночь. Вина и угрызения совести наутро были суровы и мучительны, но не так страшны, как постоянная борьба с желанием и смутным, неопределенным страхом, тревогой и надвигающимся роком. И, в конечном счете, у Гарри не было выбора.

Растения увядали и гибли, одни медленно, другие быстро. Некоторое время Линда пыталась за ними ухаживать, но в конце концов это стало такой каторгой, что она тоже их забросила, изо всех сил стараясь не замечать их медленной гибели и не обижаться за нее на Гарри.

Гарри пытался не обращать внимания на растения и купленные книги, но его притягивала к ним вина. Временами он кое-как порывался за ними ухаживать, но его тотчас охватывала вялость на грани паралича. Приходя вечером домой, он всякий раз знал – чувствовал, – сколько листьев сегодня погибло. Куда бы он ни посмотрел, где бы ни находился, – казалось, везде сплошь бурый цвет. Бурый, бурый, бурый – тысячи оттенков, тысячи тонов. Бурый.

Однажды утром он заметил, что Линда не улыбается. Он не знал, не улыбается она просто в эту минуту, в это утро или так продолжается уже давно. Он хотел спросить, в чем дело, но боялся.

Боялся, что она ответит, и знал – что бы это ни было, виноват он. Пару раз вопрос почти срывался с губ, но слова просто гибли на корню. Он не смог бы сидеть и выслушивать, в чем дело и как он виноват, что в лице ее и в сердце – боль.

А его сын...

О

господи.

238

Все утро он, время от времени прерывая работу и раздумья, оживлял в памяти утро; он спросил, а она улыбнулась и ответила, что все хорошо. Я, наверное, отлежала плечо, и оно побаливает, вот и все, милый.

Ты уверена, что я ничем не могу помочь?

Абсолютно.

И она улыбнулась, и он обвинил ее руками и поцеловал, и поцеловал Гарри-младшего, и затем снова обнял и поцеловал Линду, свою дорогую, дорогую и замечательную жену.

Его фантазии оборвал звонок Уолта. Тот хотел знать, сможет ли Гарри пообедать с ним и с Симмонсом.

Спасибо, Уолт, но я, пожалуй, сегодня пропущу, – теряя равновесие.

Все нормально, Гарри?

Конечно, все отлично, – сердце колотится, он пойман, в панике.

Что-то не верится. И мы с тобой маловато видимся в последнее время.

Ну, знаешь, Уолт, я тут серьезно зарылся в проект фон Ландора, – мучительно сознавая, как дрожит голос.

Да, я знаю, – Уолт явно в сомнениях. Не забудь, завтра в час встреча с фон Ландором.

Точно, Уолт. Гарри начал вздох, еще не положив трубку: интересно, слышал ли Уолт, может ли он как-то услышать после того, как дан отбой. Гарри повернулся спиной к телефону.

В обед он побродил по улицам и магазинам, но это не принесло ему облегчения. Он чувствовал, что слишком на виду. Как будто скрывался. Он знал, что нельзя и дальше красть обеденные перерывы, его должность и обязанности такого не позволяют, но не мог прекратить сию секунду. Позже.

239

День был мучительным. На ногах дергались мускулы, кожу будто стягивало. Раз десять, если не больше, он брал трубку, чтобы позвонить Линде и сказать, что не будет ночевать сегодня дома, но не звонил. Он боролся и боролся, и метания, казалось, едва не поедали его заживо, к вечеру от него ничего не останется. Битва все бушевала, и каждый раз, потянувшись к трубке, он заставлял себя убрать руку. Сегодня он должен прийти домой. Просто должен. Ему казалось, это вопрос жизни и смерти. Хотя бы один раз ему нельзя сдаваться. Нельзя, и все.

Он не осознавал, как невероятно напряжен был, пока вечером его тело не начало расслабляться, чуть только поезд тронулся со станции. Когда поезд выбрался на поверхность и устремился к пригородам, Гарри взаправду ощутил, как тело распадается на куски, и вдруг испугался, что вот-вот уснет.

За ужином его взор то и дело приковывала большая диффенбахия, полностью засохшая, того же цвета, что и пыльная земля в горшке. Пока Гарри ел, его сознание заполняло это чертово растение и проклятая рука слегка затряслась он

смотрел на уродливое тупое ублюдочное растение и нутро его скручивалось в узел а зубы словно атаковали пищу и он кромсал мясо пока не смог встать из-за стола и посмотреть на ебаную штуку и вышел из-за стола и срубил эту хуевину до самой почвы!!! прямо под корень! срезал этого гнусного ублюдка острым столовым ножом срезал его срезал его срезал и скрутил этого уродливого бурого гада и затем снова и снова тыкал и тыкал землю, пока глотку не сдавил огонь, и Гарри рухнул в кресло и сидел, застывший, закрыв глаза, свесив голову.

Он слышал, как Гарри-младший спросил Линду, почему папа срубил деревце, и слышал дрожь в Линдином голосе, когда она пыталась убаюкать сына, отвлечь его внимание от того, что произошло, и сменить тему, и успокоила его наконец каким-то пудингом.

Гарри по-прежнему трясло и колотило от ярости, и он был словно замороженный и отравленный, и просто терпел вечер, пока не пришло время ложиться спать. Выкупав Гарри-младшего и уложив его в кровать, Линда подошла к Гарри, и положила руку ему на плечо, и спросила его, что-то случилось? Он покачал головой. Ты уверен, что я ничем не могу помочь? Он снова покачал головой. Она посмотрела на него, затем медленно убрала руку с его плеча и остаток вечера провела за книгой.

В комнате было холодно. Гарри пробирало до костей. Он никогда в жизни так не мерз. Оледенело и замогильно. Тело по-прежнему отравлено. Они легли в постель, и Линда поцеловала его на ночь, и он ощущал ее участие и тревогу, но способен был лишь заползти поглубже в свое отравленное оледенение.

Он всю ночь будто не спал. Казалось, если он и засыпал, ему снилось, что он не спит, и он так старался уснуть, что пробуждался, и все начиналось с начала. Когда утром прозвенел будильник, Гарри был изможден. Он кое-как умудрился поговорить с Линдой, пока завтракал, а она возилась с Гарри-младшим. Все было как в тумане, но он знал, что это реальность.

По дороге на работу лязг и бряцанье поезда словно говорило, идиот, идиот, идиот, идиот, и упрек сочился через днище поезда, через ноги и тело Гарри, и вбивался в голову: ИДИОТ! ИДИОТ! ИДИОТ! ИДИОТ! ИДИОТ!!!!

Ага, ты чертовски прав, я идиот. Надо же мозги иметь. На редкость идиотски выступил. Думать надо было. Столько времени уже, а я никак думать не научусь. Черт *побери*, какая лажа. Огорчил весь дом. Интересно, что думает Гарри-младший? Вероятно, ничего. Но Линда... Иисусе. Просто не позволю такому повториться. Просто не позволю. Нечего было ехать вчера домой. Так и знал. Так и знал, что это ошибка. Нужно было прислушаться к себе. Может, теперь поумнею. В следующий раз буду знать, что делать. Я знаю, что делать, когда со мной такое.

Еще в поезде он решил, что не собирается проводить день в метаниях. В перерыв сходит прогуляться. Ничего особенного. Пройтись и размять ноги, так сказать. Он кивнул сам себе и, добравшись до конторы, тут же взялся за работу и за пару часов выполнил почти дневную норму. Около половины двенадцатого он как-то заерзал, поэтому тут же прекратил работу, постоял в дверях кабинета, глядя, нет ли кого поблизости, затем прошел

через контору, якобы в уборную, тщательно обходя кабинет Уэнтворта, спустился по лестнице на этаж ниже и вызвал лифт.

242

Он смутно задумал более или менее невинную прогулку. Он вовсе не собирался таращиться на кусок земли под ногами, но и не планировал коситься или даже пялиться на каждую женщину, что окажется в поле зрения. Он весь был, насколько вообще возможно, беспланов. Просто погулять подольше, снять напряжение и тревогу, затем вернуться в контору.

Он не планировал ложиться в постель с этой телкой и трахать ее, кусая в шею. Он знал, как попал сюда, отчасти тошнило его как раз от той легкости, с которой это случилось. Улыбка, привет, взгляд, пара слов, и его член засажен в мокрую пизду, и телка цепляется за него и стонет, будто настал судный день. И он кончает, и это бесконечно, он закачивает в эту ненасытную дыру свое семя и ждет экстаза, облегчения, что наступает, когда из тела вытекает не просто семя...

но экстаз облегчение не приходят. Почему-то старое и надежное решение не действует, как раньше – как должно действовать. Он ожидает мысленных пыток, вины и упреков, отвращения к себе и вкуса подлости во рту, но по крайней мере тело его всегда ослаблялось. Хотя бы так. Избавление от ржавых жестянок и разбитых бутылок, что раздирали на части его нутро, и от мучительного кручения, что сковывало грудь и стискивало мускулы, от которого хотелось кричать и кричать и кричать. Хотя бы это должно было излиться из него.

Он лежал на спине, уставившись в очередной потолок. Она рядом. Активно неподвижная. В своей агонии он

улавливал срочность, надо срочно вернуться в контору. Это почему-то казалось очень важным, почти неотложным, и он хотел встать и свалить на хер, как всегда делал в прошлом, но не мог пошевелиться. Все сильнее стискивались челюсти. Он слышал, как они стискиваются, скрежещут и раскалываются. Святой Иисусе, его тошнит. Черт *побери*, в чем дело? Его тело готово было в любой момент взорваться и разлететься на кусочки. Это не помогло. О господи боже, почему это не помогло? Его будто затопляло слезами. Он слышал, как они плещутся внутри. Изнутри давило – он не мог ни определить, ни понять, что это. Он только знал, что оно убивает его, а его решение не помогает. Внутри него словно свирепствовал голос.

Гарри перекатился на бок и заглушил этот голос, затолкав себе в рот сиську. Он сосал и кусал и погрузил руку в ее мокрую пизду и телка обняла его и прилипла к нему еще одним слоем кожи пока он не отодрал ее руки и не перевернул ее всадив член ей в задницу и ее крики и стоны заглушала подушка а он пытался затолкать в нее свою боль и она встречала его толчки собственным бешеным возбуждением и казалось она отломает его инструмент и он хотел остановиться но продолжал пока они не затряслись в спазмах и не впали в неподвижность и он ощутил как тело постепенно обретает желанную благословенную пустоту. Мозг лихорадило от ненависти и отвращения, их гнусность жгла ему глотку, но дело того стоило. Он заплатит эту цену. По крайней мере, дышать можно. По крайней мере, тело не уверяло его, что он теряет рассудок.

Горячий душ был приятен. Иисусе, до чего же хорошо слышать воду и чувствовать, как она плещет на тело и ска-

тывается. Тошнота терзала его глотку, но с этим он справится. И прямо сейчас он может велеть своей голове заткнуться. Вот именно, заткнись! Иди донимай кого-нибудь другого. Тебе меня не достать. Не сейчас. О боже, какая приятная вода. Она льется и льется и льется...

Затем обратно в прибежище конторы. Кабинет. Закрытая дверь. О господи, прибежище. Работать. Работать! Его любимая работа. Приют. Место, где можно потеряться. Прибежище!!!!

Потерялся!

Оторвался! Раз – и все. На секунду – видимость пока, и все рухнуло, едва открылась дверь.

Черт бы тебя взял, Гарри, где ты был?

Гарри поморгал на Уэнтворта, отчаянно пытаюсь сориентироваться. А что? В чем дело, Уолт?

В чем дело? Фон Ландор, забыл? В час дня.

Фон Ландор???? О черт, так это сегодня?

Да, это было сегодня. Сейчас половина четвертого.

О, Иисусе, – обхватив руками голову, – я совершенно забыл.

Это очевидно. Но как, к дьяволу, можно о таком забыть? – Гарри тряс головой, слушая Уэнтворта. – Крупнейшая сделка, у фирмы никогда таких не было. Месяцы работы. Господи Иисусе, Гарри, это ж твое детище. Ты ее спроектировал от начала до полного пакета. Я в жизни не видел такого блестящего международного синдицирования. Вообще никто не видел. У тебя все готово и вдруг на последней стадии ты не являешься. Я тебе вчера даже напомнил и...

Я знаю, я знаю, Уолт. Я как-то запутался и...

Ты в порядке? Ты хреново выглядишь.

Что? А, да-да. Все в порядке. Просто... я не знаю, – качая головой, – не могу понять...

Слушай, фон Ландор все еще в «Уолдорфе». Он там пробудет еще некоторое время. После того как мы немного подождали, я сделал вид, будто позвонила Линда, и сказал ему, что ты болен, но все равно приедешь.

А он что? – все еще качая головой.

Купился. Нам особо не о чем беспокоиться. Ему эта сделка нужна не меньше, чем нам. Слава богу, ты так грандиозно поработал над этим пакетом... ну да ладно. Поехали.

Да, – настойчивость Уэнтворта прочистила Гарри мозги.

Я скажу своей девочке, она ему позвонит и скажет, что мы скоро будем. Уэнтворт позвонил секретарше и все уладил, затем посмотрел на Гарри. Нам не составит большого труда убедить его, что ты болен. Что с тобой такое?

Гарри пожал плечами.

Ладно, обсудим позже.

Деловой склад ума взял верх, и в считанные секунды необходимые бумаги были собраны, и Гарри с Уэнтвортом выехали. Уэнтворт был прав; фон Ландор ни на секунду не усомнился, что Гарри болен, едва только на него взглянул.

Деловой гений Гарри, казалось, жил своей жизнью и прекрасно функционировал, и все было доведено до конца, и фон Ландору хватило времени подготовиться к отъезду. Они проводили его к лимузину, и пожали руки, и поглядели, как машина вливается в транспортный поток. Уэнтворт, сияя, хлопнул Гарри по спине. Что скажешь, если мы вернемся, – кивая в сторону отеля, – и выпьем? Надо бы отметить. Гарри кивнул, и они прошли мимо улыбающегося швейцара.

Уэнтворт был весел и жизнерадостен. Давай, Гарри, улыбнись, Христа ради. Отличный день.

Эта сделка означает миллионы. Миллионы, Гарри. И это только начало. Только начало, Гарри, и это твоё детище. Ты должен бурлить как шампанское, Христа ради.

Я знаю, Уолт, но я устал, что-то не бурлится.

Через пару недель фон Ландор вернется, и мы подпишем документы в зале совета директоров.

Может, тогда забурлю, – слабая попытка улыбнуться.

246 Давай, допей, и тебе полегчает. Уэнтворт взмахом руки показал бармену, что они хотят еще по одной. Хотя бы крошечный праздник мы заслужили. Тебе надо отдохнуть. Я по лицу вижу. Ты переутомился. Сходим куда-нибудь вечером, и я помогу тебе расслабиться. Что скажешь, старина?

Гарри кивнул.

Хорошо, – хлопнув его по спине и подобрав стойки сдачу. Звякну расслаблялкам.

Гарри смотрел, как он уходит, всеподавляюще и тошнотворно осознавая, что этому предложению не было решительно никакого сопротивления. Гарри поддался, не успел возникнуть позыв, не успел появиться намек на желание, не успела зародиться нужда. Его поглотила утрата, глубокая печаль и безвозвратная утрата.

Наконец, Линда убрала из дома все растения. Некоторое время она смутно надеялась, что их присутствие заново пробудит в Гарри энтузиазм, но надежда чахла вместе с листвой. Каждый день еще одно-два были окончательно обречены, и Линда собирала их в углу гаража. В конце концов все растения бесспорно умерли и были свалены в углу, и там же валялось макраме.

Еще много недель после того, как в гараже похоронили последнее растение, Линда видела в доме свидетельства и воспоминания о растениях, болезненно ощущая их отсутствие.

Со временем она замечала также, что все больше откликается на настроение Гарри. Его эмоциональный маятник то ободрял ее, то угнетал. Она изо всех сил сопротивлялась, но раз за разом ее волокло в кильватере его эмоций.

Линда затруднялась объяснить сумасбродство и перемены настроения Гарри и долго-долго пыталась не обращать на них внимания в надежде, что все неправильное исправится само. Но теперь, когда оно так неблагоприятно влияло на нее, она должна что-то сделать: Линда понимала это, но что делать – не знала. Она любила мужа и неколебимо верила в его любовь к ней, но эта безнадежность непереносима. Она хотела помочь, но как?

Всякий раз, когда она спрашивала, что случилось, может ли она чем-нибудь помочь, Гарри всегда отвечал нет, все нормально, просто работы много. Ему жаль, если он ее огорчает, добавлял он порой и обнимал ее и целовал. И она откликалась на его заверения и нежность, забывала все до следующего раза, когда его настроение падало и тащило ее за собой.

Время от времени Линда пыталась вычислить момент, когда все началось, чтобы найти причину, однако у нее не получалось. Казалось, все произошло так постепенно и незаметно, что нельзя вернуться к какой-то точке во времени и сказать: Эй, вот где все началось, – и затем воссоздать обстоятельства, узнать причину и, следовательно, решение проблемы. Иногда невысказанно было представить, что так было не всегда, но затем Линда вспоминала первые три или четыре года брака, вспоминала, насколько другим был тогда Гарри. Он держал и вел себя как человек веселый и счастливый – да, почти беззаботный. И все равно достоверная разница между тогда и теперь не всегда проступала отчетливо. За исключением, естественно, неожиданных вспышек, и подавленности, когда Гарри по несколько дней в основном молчал, и общего чувства – очень смутного, это правда, – что он порой извиняется за то, что существует. Как будто он, поступками и косвенно, твердил: Прости.

Но эти соображения приходилось выбрасывать из головы: они запутывали и вообще не имели смысла. В сущности, Линда не находила ни единого доказательства правдивости хоть одного из них. Однако время от времени смутная тревога переполняла ее, и Линда снова начинала размыш-

лять, и в итоге вспоминала, как сильно любит Гарри, как он нежен с ней и с Гарри-младшим. В конце концов она всегда приходила к определенному и неоспоримому факту: они очень сильно любят друг друга, и в итоге все будет хорошо. Не может не быть.

А тем временем всплыл еще один неопровержимый факт – ей нужно было с кем-нибудь поговорить. Довольно долго этот факт формировался в ее сознании, но пока она верила, что реальной проблемы нет, и говорить было не о чем. Однако Линда все яснее сознавала, что проблема существует, и потребность поговорить росла. Линда раздумывала, с кем бы поговорить, не желая никого беспокоить, но в один прекрасный день вопрос отпал сам собой, когда позвонила ее мать. Поздоровавшись и спросив, как у Линды дела, она поинтересовалась, как Гарри?

Отлично.

Нет, как он *на самом деле*?

А почему ты спрашиваешь? Ты какая-то очень серьезная.

Ну, дорогая, я и есть серьезная. Всякий раз, когда я про него спрашиваю, ты словно что-то скрываешь; а в последнее время ты на себя не похожа. Если что-то не так и ты не...

Нет, мама, ничего подобного...

Ты знаешь, я не хочу вмешиваться в жизнь моих детей, и если...

Я знаю, мама, и я не думаю, что ты вмешиваешься.

Ну, если почувствуешь, скажи, и я...

Нет, мама, честно... ты права, что-то не так – но не между нами. Я не совсем понимаю, что.

Он болен, дорогая? Когда он последний раз обследовался?

Я не знаю – нет, вряд ли. Но я правда не понимаю.

Ну так в чем же дело?

250 Ну вот просто, мам, – я не знаю. Иногда с ним вроде все нормально, а потом он угрюмый и немного дерганный, и нервный, и какой-то – ну – озабоченный, что ли. Я не знаю точно, как объяснить. Я это, наверное, просто чувствую. Я же говорю, иногда он немного раздражительный – ничего плохого, пойми меня правильно, но и ничего определенного.

Я тебя понимаю, дорогая, но не нужно его от меня защищать. Я не собираюсь осуждать его за то, что он ведет себя как человек.

Они обе засмеялись, и Линда почувствовала, как отпускает напряжение. Я и не думала, что ты собираешься на него нападать, мам, я просто не...

Я знаю, дорогая, ты просто не хотела, чтобы кто-то подумал, будто с идеальным мужчиной, за которого ты вышла замуж, что-то не так.

Они снова засмеялись, и на сей раз Линда ощущала смех и наслаждалась им. О'кей, мам, твоя взяла.

Знаешь, дорогая, я замужем за твоим отцом дольше, чем готова признать, – правда, это счастливое время, во всяком случае большей частью, – и наша жизнь не всегда была спокойной и безоблачной. Иногда этот твой отец сущий грубиян, просто рвет и мечет – ну, используя эвфемизм, иногда он просто сукин сын.

Линда разразилась громким хохотом, и смеялась много счастливых минут, и остановилась чуть ли не в истерике. Ой, мама, – все еще хихикая, – ты ужасная.

Цитируя молодое поколение, как есть, так я и говорю. Ну, неважно, дорогая, – ты уверена, что вы не ссорились или что...

Нет, мам, честно. Абсолютно ничего подобного. Откровенно говоря, я вообще не уверена, в чем дело. Гарри просто сам не свой. Вот примерно все, что я знаю.

Когда вы в последний раз были наедине?

Ну, несколько недель назад мы ходили в кино.

Нет, я не об этом – где-нибудь, только вы вдвоем.

О боже, я не знаю. Думаю...

Если приходится думать, это было слишком давно.

Линда захихикала с неподдельной радостью. Это какая-то доморощенная философия.

Ну, дорогая, может и так, но от нее дом и впрямь растет, – хихикая, а Линда смеялась. В общем, я думаю, это тебе и нужно. Уехать куда-нибудь, где вы раньше не были, достаточно далеко, чтобы полностью сменить обстановку.

Это чудесно, мам. В самом деле. Я просто чувствую, что ты права.

И не теряй времени, дорогая. Чем раньше, тем лучше.

Ладно, мам, как только выпадет случай.

До вечера Линда думала, куда можно поехать, и когда зарядил холодный серый дождь, а в последнем воскресном номере «Таймс» она наткнулась на рекламу «Ямайского туристического агентства», она поняла, куда ей хочется, и момент, чтобы это предложить, идеален. Она оставила на стопке бумаг фотографию солнечной Ямайки на всю полосу.

Когда Гарри пришел домой, стряхнул капли с одежды и плюхнулся в кресло, Линда вручила ему рекламу, не успев у него появиться шанс навязать ей какое-нибудь настроение.

Красиво, да?

Ага. В такой день даже Майами-Бич неплохо бы смотрелся.

Ну, – смеясь, – по-моему, погода не настолько плоха. Но у меня есть идея.

252 Да, и какая?

А давай мы – только ты и я... одни... вместе – слетаем туда на пару дней? Белый песчаный пляж...

А? Что?

Голубое небо, изумрудное море...

О чем ты говоришь?

Ямайка. Мы. Одни. Вместе. Дошло?

Как? У меня работа, и Гарри-младший и...

И ничего, – садясь к нему на колени и обнимая за шею. Мама с радостью присмотрит за Гарри...

Чья мама?

Любая. Обе они без ума от первого внука. Правда, дорогой, давай поедem. Ты же можешь взять пару дней отпуска. Я не помню, когда мы последний раз были вдвоем. Что скажешь?

Ну, я не знаю. Я...

Пожалуйста... Давай... Нам нужно побыть вместе. Правда нужно.

Гарри посмотрел в улыбающееся лицо жены, в ее сияющие глаза, и обнял ее, и ему хотелось уткнуться носом ей в шею и плакать... просто плакать. И все. Плакать и повторять снова и снова, что любит ее, и прости меня, и, бог свидетель, я люблю тебя и не хочу делать больно. Он прижал ее к себе и ощутил на ее шее свое теплое дыхание. Он глотал слезы и чувствовал, как они бурлят вну-

три. О'кей, дорогая, завтра все устрою. Мы поедем в выходные. Он снова обнял ее, пытаясь вызвать к жизни надежду, что белый песок, голубое небо и изумрудное море убьют в нем эту штуку.

Дни перед отъездом были нервными и мучительными. Гарри отчаянно хотел быть с Линдой и поймать то неуловимое нечто, которое, он чувствовал, от него ускользало, но в то же время боялся, что навсегда его разрушит. Что он будет делать, если безумное (Правда??? Нет, просто фигура речи; а вы бы какое слово употребили?) стремление овладеет им там? Здесь он в безопасности. Он запросто находит облегчение, и никто (Линда) ничего не знает. Но что он будет делать на каком-то идиотском острове? Куда он пойдет? Какое оправдание придумает? Как сможет держать это в тайне? Все это немыслимо. Он не способен провести четыре бесконечных дня на этом крысином островке, напрочь не слетев с катушек или не разрушив их брак... Иисусе, он ничего такого не хотел. Он не хотел терять семью. Он бы умер без них. Он это знал. Что, Христа ради, ему сделать? Нельзя отменить поездку; Линда на нее рассчитывает. Она просто кипела восторгом и прыгала от счастья по дому. Он не знал, как или почему, но очевидно, что для нее эта поездка очень важна. Он влип. Неодолимая сила и недвижимый объект. Оставалось только молиться о том, чтобы он эту поездку пережил.

Первый раз, когда они пошли на пляж, невероятный холод скрутил Гарри нутро, и Гарри не сбежал назад в отель лишь потому, что неудержимая тошнота почти оборвала ему дыхание. Он пошатнулся, резко замер и мгновение раскачивался взад-вперед.

Все хорошо, милый?

А? Да, все нормально. Просто – просто здесь так ярко, что я на секунду ослеп.

Вот, надень черные очки.

Спасибо, – надевая их и шагая к воде, затем остановившись. Пожалуй, здесь будет в самый раз.

Как скажешь, милый, – бросая на песок свои вещи и готовясь зайти в воду. Тут замечательно, правда? – Гарри кивнул, – мне не терпится в воду залезть. Давай, копуша.

254

Иди, я просто посижу минутку.

Ладно. Смотри не растай, – и она побежала к воде, и нырнула в прибой, и помахала Гарри.

Гарри помахал в ответ, ловя ртом воздух. Он весь взмок. Он не понимал, что, к чертовой матери, происходит. Всевозможные вещи пробивались через разум и тело, но, казалось, он ничего не сознавал, кроме телок в бикини, что заполонили сознание. Гарри понимал – по крайней мере, часть его понимала, – что пляж не переполнен, на пляже их не больше сотни. Он это видел. Он это ясно видел. Но в мозгу запечатлевалось иное. Он различал только длинные ноги, и круглые задницы, и сиськи, которые будто пытались выползти на свободу из почти несуществующих пут, и плавное возвышение плоти под пупком, что блестело и мерцало на солнце, и затем невероятный вздымающийся Венерин бугор, и клочки блестящих волос, что словно трепетали и соблазнительно развевались, и нутро Гарри сжималось все туже, и он сидел, подтянув к себе колени, уперев в них подбородок, а руками обвив стиснутые ноги, и пялился на любую пизду, что выходила, качая бедрами, из воды или вихляющей походкой шла по пляжу, и холод содрогался в Гарри, а по лицу медленно проползал пот...

Он услышал Линдин голос, и она махала, неторопливо направляясь к нему, – вода сверкала и скатывалась с ее тела на слепящий песок. Он глядел на колыхание ее бедер на ходу и, когда она нагнулась, чтобы взять полотенце, уставился на ее соски, затем на промежность, когда Линда резво вытиралась.

Это было чудесно. Просто фантастика. Ты должен зайти в воду, Гарри, просто обязан. Она такая бодрящая.

Это не единственное, что бодрит, – притягивая ее к себе, и укладывая рядом, и обнимая, и целуя в шею.

Осторожно, Гарри, – подаваясь к его поцелуям, закрыв глаза, – ты меня песком засыплешь.

Ничего страшного. Быстрый душ об этом позаботится. Я сам немного в песке. Давай, пошли.

Когда они занимались любовью, Гарри всегда доводил Линду до пиков возбуждения, но сквозь возбуждение она чувствовала его отчаяние, однако легко отметала это знание в сторону, объясняя его напряжением. Шли дни, и она убеждалась в своей правоте, ибо с каждым днем Гарри, казалось, по чуть-чуть отпускало.

Они часто занимались любовью, и днем и ночью, Линде особенно нравилось днем – из-за новизны и ощущения свободы. Она чувствовала, что избавлена от обязанностей и каждодневной рутины, будто на время очутилась в другом мире.

И они танцевали, и держались за руки в лунном свете, и плавали через лагуны под ярким карибским небом. Я так рада, что мы сюда приехали, Гарри.

Я тоже, милая. Прекрасное место. Почти такое же прекрасное, как ты.

Она прильнула к его плечу, впитывая тепло его любви и темного бархатного неба.

256

Гарри расслабился почти до легкомыслия. Он не отпускал Линдиной руки, даже во сне. Он просыпался – их пальцы сцеплены, – и целовал ей руку, пока Линда не начинала пробуждаться, и затем переворачивался на бок и целовал ее прекрасное лицо. Он просто не мог насытиться женой. Он держал ее за руку в столовой, на пляже и на прогулке по тропическим садам. Время от времени он целовал ее нежно в щеку или кончики пальцев. Этот мир дивен, спокоен. Нужно гулять, и разговаривать, и думать не спеша, иначе его не заметишь. Каждый вечер Линду ждала на столе орхидея, и они восторженно улыбались друг другу, пока метрдотель прикалывал цветок к платью мадам.

Неизбежно наступил заключительный вечер и последний день их краткого отпуска. Они держались за руки, садясь в самолет, и не разнимали рук всю дорогу до Нью-Йорка.

Дома Линда позвонила матери сказать, что они вернулись и что они чудесно провели время. Я тебе расскажу обо всем завтра, когда заберу маленького Гарри, но ты была права, мам, – абсолютно права.

Остаток вечера они сидели на диване, смотря по телевизору всякую всячину, – рука Гарри обнимала его милую Линду, ее голова примостилась у него на груди.

Он вернулся в ад, но на сей раз тот был вонюч и гнусен. Гарри отправился напрямиком на Восьмую авеню, к югу от Таймс-сквер, и обошел несколько баров, пока не нашел помирающую от жажды бабенку, и купил бутылку, и они пошли в ее мрачную, кишашую тараканами квартиру. Глядя на грязные стены и пол и ощущая песок на простынях, разящих ноздри отвратительным зловонием, Гарри чувствовал, как под кожу вползает закопченная серость.

Он трахнул пьяную, воняющую мочой/пóтом массу, что лежала подле него, а затем снова ее трахнул, пока она не упилась до потери сознания. Он мог бы уйти и где-нибудь переночевать, где угодно – может, даже успеть на последний поезд домой, – но он остался. В тусклом свете, что ухитрялся просачиваться сквозь копоть на окне с видом на вентиляционную шахту, Гарри смотрел на нечто – чем бы или кем бы оно ни было, – лежащее рядом (белый песчаный пляж, голубое небо), подумывая содрать ее с постели, как старую и покрытую струпами коросту. Господи, что за безнадежная и бесполезная обрюзгшая масса жалкой плоти. Он почему-то знал, что она моложе его. Пускай ненамного, пускай всего на пару лет, но моложе. Она выглядела и пахла как то, что оставил

на пляже (изумрудное море) отступивший океан, то, что уже гниет в жаре тропического солнца. Гнилая пьянчуга. Отвратная пьянчуга. Живет в хибаре, недостойной и крысы. Тараканы – он слышал их возню на голом полу, – вероятно, со всех ног мчатся из этого мерзкого очага заразы. Как человеческое существо может позволить себе так деградировать? Непостижимо. Наверное, она когда-то была даже симпатичной. Он посмотрел на ее сальные волосы и в тусклом свете увидел на ее плече большой прыщ, и вспомнил грязь у нее под ногтями. Его ногу свело судорогой, и он знал, что надо ею пошевелить, но сопротивлялся, потому что не хотел ощутить грязь, в которой лежал. В конце концов судорога вынудила его двинуться, и тело заворочалось в помоях, а Гарри продолжал с отвращением смотреть на воняющую перегаром массу. Он приподнялся на локте и посмотрел на нее сверху. Неопределенное и бесконечное время он разглядывал серую кожу на серых простынях (О, Гарри, я никогда не видела такой красивой орхидеи. А она никогда не видела такого красивого создания, как ты). Его глаза горели и умоляли, чтобы их зажмурили, закрыли во сне и неведении, чтобы отвергнуть все увиденное или хотя бы отвести на время в сторону. Его тело тоже болело, желая сна или какого-то отдыха. Он чувствовал, как все глубже утопает в постели – его глаза все плотнее закрывались, и голова едва не очутилась на рванине подушки, и он вздернулся, и глаза открылись, и он отчаянно старался не смыкать их, а голову держать как можно выше, но, боже мой, он хотел спать. Он так отчаянно хотел просто нырнуть в сон. Моментально. Забвение. Хотя бы

это было у туши рядом с ним. Забвение. О боже милостивый, какой дар. Тошнота скручивала и перемалывала его, нос и глотка горели (они стояли в прибое, взявшись за руки, – вода успокаивала, песок ласкал ноги, они смотрели на утопающее в море солнце), и он изо всех сил пытался сглотнуть вкус желчи. Надо шевелиться. Надо встать и помыться – о, боже милостивый, надо помыться, окунуться в воду – и одеться, и убраться отсюда, и, может, немного отдохнуть... да, немного отдохнуть... Иисусе, боже, немного отдохнуть. Почему он, к дьяволу, не может шевельнуться? Надо встать – и свалить. (Давай, наперегонки до буйка.) Он рывком перекатился и поднялся и съехался, когда тело продралось через простыни, а голые ноги коснулись пола, и тут же вытянулся на цыпочках как можно выше. Он рванул в ванную, в безумном балете стараясь как можно реже касаться пятками пола. Он чувствовал холод, соленый кафель под ногами и во мраке озира́л голую ванную. Он на миг замялся, потом включил свет и инстинктивно отпрянул. Он мгновенно увидел засранный и заблеванный унитаз, высохшую блевотину на ржавой ванне. Как, Христа ради, человек может пасть так низко, чтобы жить подобным образом? Животные – и те так не живут. Затем вдруг до него дошло, что он здесь. Гадкая туша ничего не могла поделать, но он... Он врезал по выключателю и почти одновременно начал рыгать. Блевотина разбрызгивалась с края ванны ему на ноги и на пол. Он склонился над ванной, пока не выблевал все, потя, плача, бушующий и молясь про себя, согнувшись, чтобы блевота больше не забрызгала. Угомонившись, он обтер ноги туалет-

ной бумагой и машинально принялся подтирать учиненный бардак, внезапно бросил туалетную бумагу, попятился из ванной, поспешно оделся и выбрался наружу.

Он пробивался по улице, стараясь глубоко дышать, но не в силах избавиться от запаха и вкуса, что прожигали до мозга костей, до самого нутра. Он яростно озирает мрачные улицы, поймал наконец такси и поехал в турецкую баню.

260

Он несколько часов пробыл в парильне, представляя себе, как из пор медленно сочится яд, постоянно сглатывая – не желчь, что отравила слюну, а нечто, которое пыталось выползти наверх из глубин внутренней тьмы. Он все глотал и заталкивал этого беса обратно, так и не признав его существование.

Вечером по дороге домой он купил Линде коробку шоколадных конфет. Она удивилась подарку и расстроилась, заметив, как выглядит Гарри. Гарри, ты здоров?

Здоров, конечно, почему ты спрашиваешь?

Ну, ты немного бледный, как будто болеешь.

Нет, – зевая и качая головой, – просто тяжелый день.

Они пытались вести себя нормально, но Гарри боролся со сном, однако не хотел ложиться в постель слишком рано. Нельзя показывать Линде, как он устал. Он сидел в кресле, пытаясь придумать, что бы такое сказать, борясь с изнеможением и потребностью глаз закрыться, но уже не мог двух слов связать и просто пялился в телевизор и молился, чтобы поскорее настало время ложиться в постель.

Линда старалась заново пробудить ту радость и близость, что они делили на острове, но ей не удавалось оживиться как полагается. Она не единожды за вечер пыталась, но Гарри был молчалив и неотзывчив, такой измученный, изнуренный – и... и... ну, одержимый. Она не понимала, отчего пришлось на ум это слово, но вынуждена была признать, что оно точно описывало облик Гарри. Ей это слово не понравилось, потому что в нем имелся скрытый смысл. Ей стало очень неуютно. Особенно когда она задумывалась о подарке, который принес ей Гарри, – коробке орехов в шоколаде. Конфеты Линду озадачили и смутили. Время от времени Гарри приносил ей подарки, но ни разу не дарил конфет. Особенно тех, что ей не нравились. Гарри всегда высмеивал мужчин, которые таскают домой коробки конфет или букеты цветов. Он говорил, это они всегда за что-то извиняются. Но именно конфеты принес сам. Не кружевной платок, как раньше, не комиксы про Снупи или еще какую глупость, которую отыскал. Эта мысль тревожила, и Линда пыталась выкинуть ее из головы.

Она серьезно встревожилась еще и потому, что, вернувшись с Ямайки, Гарри был так расслаблен и они были так счастливы, что Линда верила: что бы ни шло наперекосяк, все осталось в прошлом, и дальше они будут счастливо и беззаботно проживать второй медовый месяц, но теперь дела вдруг пошли еще хуже, чем раньше, и Линда утрачивала равновесие.

Гарри больше не выходил из конторы на обед один – только с коллегами. Он не мог рисковать повторением истории с фон Ландором. К счастью, в целом все обошлось, но в следующий раз это может обернуться катастрофой.

Однако вечерние экскурсии по-прежнему время от времени происходили, и вместе с ними рос страх. От Восьмой авеню он шел дальше на запад к набережной или наоборот к Ист-Ривер. Гарри знал, что драки и случайные поножовщины тут в порядке вещей, и все же его необъяснимо и непреодолимо тянуло туда.

262

Но беспокоил его не страх физической атаки или избиения. В действительности его заставлял вдруг пылать и краснеть страх подхватить венерическую болезнь. Из-за этого страха он не занимался любовью с Линдой с тех самых пор, как они вернулись с Карибов. Много раз он подумывал сходить к врачу на анализ, но не мог себя заставить. Как он войдет в кабинет врача и попросит сделать ему анализ крови? Врач захочет узнать причину. Будет задавать вопросы. Что отвечать? Какое оправдание или повод предоставить? А вдруг у него спросят, кто он такой? Он назовется липовым именем, но они поймут, что он врет. А вдруг какой-нибудь знакомый увидит, как он заходит к врачу? Спросит, зачем Гарри пришел, или упомянет об этом в разговоре с Линдой или с кем-нибудь на работе. Господи Иисусе, выйдет полный бардак. Нет. Нет, если идти к врачу, то в какой-нибудь сраной дыре в Бронксе. Вечером. Но и тогда нет гарантий, что его не разоблачат. И вообще, что толку? Ну, скажут ему, что все в порядке, – это не поможет, потому что в глубине души частица его знала, что он просто вернется в те же районы и весь цикл начнется заново. Нет никакой надежды. Нет ответа.

Линда отчаянно пыталась верить, что Гарри беспокоит напряжение на работе, но верить становилось все труднее. Она по-прежнему считала,

что он любит ее, но подозрения – или, скорее, смутные опасения, – что есть другая женщина, упорно пробивались в ее мысли. Она давила их, едва они появлялись на горизонте, но не могла игнорировать случайную коробку конфет и то, что эта коробка означала, а также перемену в поведении и облике Гарри. Одержимость росла, и по большей части он был не только еще мрачнее и тише, но всегда словно за что-то извинялся. И не только в словах, но в поступках и манере. Линду не отпускало чувство, будто он извиняется за то, что существует, и умоляет ее и Гарри-младшего с ним мириться. Казалось, ему постоянно больно.

И он больше не прикасался к ней. Не только не занимался с ней любовью, но и не целовал при встрече или на прощанье, а когда она его целовала, отворачивался, и поцелуй приходился на щеку. Он никогда не брал ее за руку и не касался ее плеча. Как будто она прокаженная. Она недоверчиво и смущенно качала головой, в глазах ее медленно копились слезы и скатывались по щекам, и она всхлипывала, и вечерами, оставаясь одна, плакала, пока не засыпала.

Наконец Линда проглотила гордость и рассказала матери, что происходит – или что, как она думала, происходит, – и ту потрясли и напугали смущение и бессвязность дочери. Она никогда не видела Линду в таком смятении. Мать ее успокоила, и они говорили как можно разумнее, и очень долго мать была парализована Линдиной болью, но смогла утешить. Наконец она сказала, что Линде, наверное, лучше спросить у Гарри, что случилось. Знаешь, дорогая, может, он просто болен и не хочет тебя беспокоить.

Зачем ему это делать? Я с ума схожу, настолько плохи дела. Если б все оказалось так просто, это было бы благословение божье.

Я знаю, дорогая, но ты имеешь дело с мужчиной, а мужчины в таких вопросах не очень логичны. У них какое-то глупое представление, будто они обязаны страданиями в тишине якобы доказывать, что они мужчины, – мать засмеялась, – и сводить нас с ума ее ревом.

264 Мать смеялась, и Линда с трудом улыбнулась. Надеюсь, это просто какой-нибудь глупый пустяк... Не в том смысле, будто я надеюсь, что он болен, но я просто хочу...

Я понимаю, дорогая, – обнимая дочь, – я понимаю, о чем ты. Может, просто его спросишь? Может, несколько слов – и все прояснится?

Я надеюсь, мам. Молюсь господу, чтобы ты была права.

В тот вечер Линда чувствовала себя лучше, чем за все последние месяцы, однако ей как-то не выпал шанс спросить у Гарри, что происходит. Но это ничего: нет нужды форсировать события. Она дождется момента и спросит. А тем временем эти надежда и решимость помогали ей не падать духом, и она ждала удобного момента.

По вечерам Гарри начал временами оставаться в конторе на пару часов дольше, пока не приходилось бежать бегом, чтобы успеть на последний поезд. В такие вечера он мог чего-то поклевать за столом, придя домой, как-то заставить себя перекинуться парой слов с Линдой, а затем ложился в постель.

Казалось, только работа не давала ему треснуть по швам, только в работу он мог окунуться с головой и обо всем забыть. С каждым днем он

чувствовал, как внутри все теснее, и давление, что стискивало тело, росло, пока он не решил, что эти силы наверняка его уничтожат.

Он обедал с Уолтом ежедневно, и не только в качестве меры предосторожности: в глубине души он надеялся, что сможет поговорить с Уолтом, рассказать ему о некоторых своих тревогах – хоть сколько-нибудь, чтобы снять давление. И хотя этот человек Гарри очень нравился, у него просто не поворачивался язык. Помимо прочего, он боялся поставить под угрозу свою должность. Когда Уолт спрашивал, как дела, Гарри полагал вопрос риторическим и отвечал соответственно, и кивал, и говорил, мол, нормально, – из страха, что, скажи он что-нибудь, хоть что-нибудь, он не сможет остановиться, и уродство, не дающее покоя разуму, вырвется наружу. Поэтому он хранил безмолвие, а узел затягивался все туже.

Однажды днем за обедом в Клубе Банкиров, когда им только принесли суп, манжета Гарри зацепила нож, и, когда Гарри поднял руку, нож плюхнулся в суп. Гарри затрясся, и голова его затряслась так быстро, что в глазах все расплылось почти до исчезновения и он вдруг стиснул руки и поднял их над головой и обрушил их на тарелку закричав ААААААААААААХХХХХХХХХХХХХХХХХХХХ и Уолта облило и он воздел руки: Христа ради, что ты, к чертовой матери, делаешь? – и отодвинул свой стул и Гарри положил локти на стол и обхватил руками голову и застонал и зарыдал и официант и метрдотель торопливо подбежали: Что-то не так, мистер Уэнтворт? С мистером Уайтом все в порядке? Я не знаю, – смущенный и озадаченный. Ты что творишь, Гарри? Давайте, помогите мне. Уолт обхватил Гарри и помог ему подняться,

и с помощью официанта и метрдотеля они отвели его в контору. Гарри и Уолт остались одни. Гарри сидел, а Уолт стоял перед ним. Они безмолвствовали...

266

Прошли долгие минуты, и Уолт предложил Гарри стакан воды. Гарри покачал головой. Уэнтворт держал стакан в руке, по-прежнему глядя на Гарри, а тот сидел, обхватив руками голову и упершись локтями в колени. Уолт тревожился. И помимо бизнеса, он питал к Гарри личную симпатию. Он молча стоял и ждал.

В конце концов, Гарри поднял голову и слегка ею потряс. Прости, Уолт. Я не знаю, что...

Уолт неловко дернул плечом. Сейчас-то ты в порядке?

Гарри пожал плечами и посмотрел на Уолта, совсем потерянный. Уолт глянул на него, затем легонько похлопал по спине. Ладно, давай приведем себя в порядок.

Для фирмы Гарри был незаменим, насколько может быть незаменим человек. Блестящий руководитель, всего тридцать с небольшим, впереди – долгие годы продуктивной работы, и, вероятно, он еще целиком не реализовал свой потенциал. Поэтому фирма намеревалась сделать все возможное, чтобы защитить свои инвестиции в Гарри; а на более личном уровне в его благополучии был заинтересован не один Уолт. Так что они настояли, чтобы Гарри лег в больницу на Пятой авеню и получил наилучшую медицинскую помощь.

Все проанализировав и оценив, специалисты поставили диагноз: Гарри страдает от переутомления и тревожности, но никаких органических

нарушений не наблюдается. Так что Гарри записался на прием к одному из самых уважаемых психиатров в городе.

В больнице Гарри питал тайную надежду: у него что-то найдут, какие-то неполадки, которые объяснили бы его странные ощущения, а также его потребность делать то, что он делал. Его разочаровало, что он признан здоровым, хотя и успокоил тот факт, что у него нет венерической болезни. Лучше бы нашли опухоль мозга, что давила на мозг и все бы разъяснила. И тогда нужно было бы ее вырезать, и все стало бы в порядке. Но не было никакой опухоли. Никакого нарушения в центральной нервной системе. Никакого повышенного давления спинномозговой жидкости. Ничего. Лишь он сам. Ничего.

267

Незадолго до выписки Гарри навестил психиатр, и они коротко поболтали, и затем психиатр спросил, в чем у Гарри проблема.

Гарри почувствовал себя беззащитным и хотел просто выболтать всю правду, но что-то быстро ее заперло, и он пожал плечами, и сказал: Кажется, у меня проблемы с сексом. Гарри внутренне содрогнулся, услышав от себя эти слова, и ждал от психиатра какого-то отклика. Может, врач найдет способ выпустить правду на волю. Можно на это надеяться. Но в то же время Гарри отчаянно старался этому помешать. Он хотел, чтобы этот человек ему помог, но о некоторых вещах просто не в состоянии был ему рассказать. По спине катился пот. Может, он и так уже сказал слишком много. Он хотел взять свои слова назад. Хотел сказать, что просто пошутил. Зачем он это сказал? Как это вырвалось наружу? Он лихорадочно думал, как бы исправить или взять сказанное обратно, но услышал и увидел, как психиатр засмеялся.

А у кого их нет?

Гарри почувствовал, как глупо ухмыляется. Он слегка ослабел.

Сексуальные проблемы того или иного рода – это основа многих, если не всех наших проблем. Наша задача – выяснить, в чем их причина, и затем мы смотрим на них и понимаем их, и с осознанием они перестают быть такими страшищами.

268

Гарри слышал голос, но не был уверен, что все слова расслышал правильно. Вообще-то ему было все равно. Превыше паники, что заставила его содрогнуться, когда он услышал свой ответ на первый вопрос врача, трепетало смутное чувство, что, быть может, этот человек способен дать ответ, в котором Гарри нуждается. Даже если Гарри не сможет задать вопрос. Каков бы ни был вопрос.

Вот, вот вам рецепт на либриум. Принимайте по одной три раза в день, и вам сильно полегчает.

Гарри кивнул и взял листок.

Увидимся в три часа дня в следующий четверг. А пока советую вам просто расслабиться.

Перед тем как Гарри выписался из больницы, у Линды тоже состоялась беседа с доктором Мартином, и к финалу этой беседы Линда успокоилась и преисполнилась оптимизма. Коллеги уже сообщили психиатру о талантах Гарри и его успехах в бизнесе, и когда Линда рассказала ему про их брак – она очень стеснялась и своих подозрений не упомянула – и про их супружеские отношения, доктор Мартин улыбнулся и сказал, что прогноз великолепен. Я не предвижу никаких реальных сложностей с тем, чтобы добраться до сути проблемы вашего мужа.

Ой, это очень хорошие новости, доктор.

У меня огромный опыт в этой области – в работе с подавлением и подсознательными конфликтами. Вообще-то я опубликовал много работ по этому вопросу.

Трудно поверить, что у Гарри какие-то конфликты.

Доктор Мартин милосердно улыбнулся. Для неопытного глаза, для неспециалиста – возможно, но для меня... Он слегка пожал плечами и откинулся в кресле. Видите ли – я постараюсь выразиться как можно проще, – у всех нас имеются подавленные впечатления из детства, впечатления, которые выходят за пределы наших воспоминаний. Иногда они доставляют нам неприятности. Я успешно решал проблемы гораздо сложнее, чем у вашего мужа. Он человек весьма преуспевающий и, судя по тому, что мне говорили, будущее его безгранично. По всей вероятности, однажды он станет одним из самых выдающихся бизнесменов в стране, весьма влиятельным человеком. Линда улыбнулась и кивнула, не скрывая гордости. И дома, видимо, тоже не будет реальных проблем; вы любите друг друга и вашего сына. Итак, налицо случай, где я должен лишь помочь ему разобраться, как его мать и его детство вызвали в его подсознании конфликты, приведшие к тревогам и его нынешнему состоянию. И, с учетом обстоятельств, я не предвижу трудностей в сублимировании вашим мужем скрытого напряжения, которое является продуктом подавленных чувств. Надеюсь, я объяснил таким образом, что вы все поняли?

Думаю, да, доктор.

Хорошо, хорошо. И не беспокойтесь, если поведение вашего мужа покажется вам немного... ну,

скажем, необычным. Возможно, ему понадобится время, чтобы привыкнуть к терапевтическому процессу.

Да, думаю, я понимаю, доктор.

Хорошо, хорошо. Просто целиком доверьтесь мне, и все вернется в нормальное русло.

270 Линда очень сильно хотела верить доктору Мартину; она хотела заверений. И еще она очень сильно хотела верить, что в поведении Гарри виновна какая-то нерешенная проблема детства и их брак вне опасности.

Гарри вернулся домой из больницы, смутно и отчаянно надеясь. Медикаменты, прописанные врачом, вроде бы смягчили ощущения; кожа не казалась настолько ожившей, Гарри не так крючилось внутри, и в глубине души он пытался поверить, что доктор Мартин обладает панацеей. Пусть это займет немного времени, но однажды (Гарри надеялся, скоро) они углубятся в его детство, и внезапно он что-то вспомнит, и доктор скажет: Вот оно, вот где все это началось, – и с проблемами Гарри будет покончено. Вот это будет день. День, когда он станет свободным. Ага, вот это будет день.

Гарри цеплялся за эту идею, хотя чем дольше длилась терапия с доктором Мартином, тем хуже, казалось, шли дела. Они уходили все дальше в прошлое, и Гарри вспоминал вещи за пределами сознательной памяти. Он воскрешал события, которые давно забылись, вспоминая, как он себя тогда чувствовал, вспоминая даже запахи. Они все глубже погружались в проблему, которая, видимо, серьезно интересовала доктора Мартина, но для Гарри ответов не было, и он вынужден был

искать единственный ответ, что когда-либо находил, освобождавший его от невыносимых ощущений.

Вечерами, когда он ходил к психиатру, после сеанса он отправлялся напрямиком в какое-нибудь крысиное гнездо у набережной и трахал какую-нибудь вшивую телку, а потом заставлял себя ехать домой. Каждый бесконечный мучительный день он принимал решение лечь на кушетку и рассказать доктору Мартину все, что происходит в его жизни. Рассказать обо всем, что сделал и делает сейчас. Чистосердечно признаться. Но невозможно было выпустить слова наружу, и более того – Гарри изо всех сил старался избегать даже приближения к этой области своей жизни, будто отстаивал свое право и дальше делать то, что его убивало, то единственное, что только и снимало невыносимое давление в его теле и разуме.

271

И снова страх сифилиса преследовал его и делал его жизнь дома еще фригиднее, чем обычно, и старый страх разоблачения, а равно безнадежность мешали ему пойти и сдать кровь на анализ. Боль отчаяния стала так сильна, что он попытался распахнуть ворота, и выпустил поток яда наружу, и проболтался, что изменяет жене.

Вас это беспокоит?

Да, беспокоит... очень сильно.

Почему?

Почему?

Да, почему? Почему это вас так сильно беспокоит? Вы дрожите.

Я не знаю, – трясась в смятении и ужасе, – просто беспокоит.

Вы знаете других мужчин, которые изменяют женам? – тон, как обычно, холоден и бесстрастен.

Что???? Я не понимаю. Я...

Вы что, единственный мужчина, который изменяет жене?

Нет-нет, конечно, нет. Но это не...

У вас есть любовница?

Что? Я...

У вас есть любовница? Подружка?

Нет-нет, разумеется, нет. Понимаете...

Вы любите жену?

Да. Я...

Тогда это у вас обычная разновидность внебрачной деятельности.

Ну, да, но я...

Другими словами, ваша любовная связь с другими женщинами – обычное явление, которое длится вечер. Страсть, которой предаются миллионы мужчин.

Да-да, я знаю, но я люблю жену и я...

Интересно то, что вы раздуваете из обычной вещи такую проблему. Да, весьма интересно, что вы чувствуете себя таким виноватым. У вас бывали сексуальные проблемы с этими женщинами?

Что? Что...

У вас бывали проблемы с потенцией? А когда вы с женой?

Нет-нет, не в этом...

Что ваша мать говорила о неверности? Она говорила вам, что это грех?

Что???? Я не знаю, я не знаю. Я не могу...

Вас когда-нибудь ловили за мастурбацией?

Мастурбацией? Я не знаю, что...

Вам когда-нибудь говорили, что это сделает вас заикой или что вы ослепнете?

Я не помню ничего...

Вы помните, как вас приучали к горшку?

Что? Я не...

Вас заставляли сидеть на стульчаке после каждой еды, пока вы не начинали испражняться?

Господи, я...

Когда вы перестали мочиться в постель?

Гарри хотелось закричать и заплакать и убежать и свернуться мячиком и укатиться прочь или раствориться в стене, и когда сеанс наконец завершился, он взял такси до ближайшей станции метро и заперся в общественном туалете и плакал, плакал под рев поездов, пока совсем не выдохся и слезы не иссякли, и не производилось больше никакой энергии или ресурсов.

273

Линдина надежда таяла, ибо Гарри становился все замкнутее, и эта замкнутость длилась все дольше, и периоды замкнутости смыкались. Надежда таяла, а страхи и тревоги росли. Несколько недель Линда боролась с желанием позвонить доктору Мартину – не хотела быть назойливой женой, – но в конце концов отчаянье взяло верх над рассудительностью. Она говорила и вела себя как можно спокойнее, но ее трясло. Она пыталась заверить психиатра, что не хочет совать нос не в свое дело, но беспокоится, потому что муж совсем подавлен и все чаще не приходит домой.

Я бы об этом не тревожился, миссис Уайт. У мужчины на должности вашего мужа громадные обязательства – обязательства, которые не заканчиваются в пять часов.

Да, я это понимаю, доктор, и я...

Уверяю вас, я обо всем позабочусь. Не нужно волноваться.

Спасибо вам, доктор. Я не хочу казаться паникершей; просто...

Да-да, я понимаю. Ваш муж замкнут и молчалив, и вы обеспокоены.

Да, и...

Такое поведение нормально при терапии. У вашего мужа сейчас период преобразования. Предоставьте это мне.

О, я не собираюсь...

Хорошо. Мне пора. Всего вам хорошего, миссис Уайт.

274

Линда очень долго сидела с телефонной трубкой в руке. Она заставляла себя пошевелиться, но рука отказывалась класть трубку. Линда глядела на нее, отчаянно пытаясь воскресить надежду, но ощущала только пустоту.

Гарри все еще мог функционировать на работе, но качество работы до его уровня не дотягивало. Документы и письма приходилось перечитывать, и все равно порой они оставались бессмысленными, но, тратя лишнее время, он едва умудрялся успевать в срок.

Его коллеги, особенно Уолт, волновались, ибо признаки напряжения, с которым работал Гарри, становились все очевиднее. Доктор Мартин и их успокоил, сказав, что Гарри необходимо работать. Я ценю ваше участие, мистер Уэнтворт, и участие фирмы, но в данное время отпуск – это вовсе не то, что доктор прописал, если позволите привнести чуточку легкомыслия, хахаха. Важно, чтобы он мог сублимировать.

Прекрасно. Мы очень рады это слышать. Он крайне ценен, и мы не хотим рисковать его будущим. Он очень важен для фирмы.

Да, я это в полной мере осознаю.

И, – улыбаясь и слегка пожимая плечами, – наверное, меня его благополучие интересует не только профессионально. Думаю, очевидно, что у меня имеется и отеческий интерес.

Да-да, – кивая, – но не волнуйтесь, я сохраню трудоспособность вашего мистера Уайта.

И Гарри продолжать работать, закрываясь в кабинете, своем оазисе, своем убежище и пристанище, завидуя остальным, которые могут свободно приходить и уходить, когда вздумается, и мечтая, Христа ради, чтобы можно было сидеть в кабинете, а его забирали бы и доставляли домой, а затем обратно в контору, но он знал, что не может не выходить время от времени из кабинета, не может избежать походов в захарканные бары, поисков очередной грязной массы, дабы излить в нее свой яд и затем попытаться выbleвать из нутра мучения и гнилость...

275

О господи, гнилость...

Черная изъязвленная гнилость, что его пережевывала, и вонь собственного нутра, что не отпускала ноздри. И чем больше времени он проводил на кушетке, тем хуже ему становилось. Чернота, что скручивала тело, медленно окутывала голову и сжимала, сжимала ее, пока не начинало казаться, что он теряет рассудок, и приходилось снова идти на улицы и трахать очередную прыщавую бабу.

Он пытался рассказать доктору Мартину, но как-то не выходило. Весь день и особенно в такси по пути к психиатру Гарри снова и снова прокручивал в уме, что скажет, как поведает обо всем, что делает, как извергнет злую коррозию души (О

Иисусе, как же ему хотелось выплеснуть эту муть наружу), но почему-то они всегда увлекались прошлым... его матерью и детством.

К доктору Мартину его гнала смутная надежда, что он погрузится в глубины и вытащит эту мерзость. Он молился Господу, чтобы это произошло скорее. Он недолго еще сможет терпеть.

276

Он не мог терпеть и боль в Линдиных глазах... в глазах, что в последнее время так пусты. В глазах, что, казалось, становились все печальнее... И губах, что постоянно кривились от боли. Ее смех... Боже милостивый, он столько времени уже не слышал ее смеха, что сомневался, память это или миф. Смех..... Любовь????? Он любит ее. И маленького Гарри. Он знал, что любит – или любил. О боже, что происходит? Он всего лишь хочет пойти домой, и обнять свою семью, и прижать их к себе, и отбросить волосы с глаз сына, и взять жену за руку, и поцеловать кончики ее пальцев – вот и все, чего он хочет. Господи Иисусе, неужели я, черт возьми, многого прошу? Что тут такого? Почему???? Почему???? ПОЧЕМУ???? я не могу этого сделать? Почему я съеживаюсь, когда он подбегает ко мне и обнимает мои ноги? Почему мне приходится его отпихивать? Почему ты так со мной поступаешь, Господи? Я больше не могу смотреть ей в лицо. Не могу поднять голову. Не могу есть. Он теперь ко мне даже не подходит. Он со мной не разговаривает. Я не могу разговаривать с Линдой. О Иисусе, она ненавидит меня, я знаю, она ненавидит меня до самого моего вонючего нутра. Если б можно было умереть. Просто взять и не проснуться. Не приходилось бы видеть ее лицо или слышать его молчание... О господи, я люблю

ее. Но как я могу? Посмотри на нее. О господи, я этого не хотел. Прости, дорогая. Господни ебень, прости. Если бы можно было сплющить себе голову в лепешку или просто не видеть Линдиных глаз. Я этого не делал. Пожалуйста, скажи мне, что я не делал этого. Я не вдавливал глаза ей в череп, не высасывал из них жизнь. Прошу тебя, я этого не делал. О боже милостивый, я этого не делал. Я не...

277

И снова он молча шел в постель, ложился спиной к Линде, слыша ее голос и желая повернуться и сказать я люблю тебя и поцеловать ее на ночь, но бормоча что-то невнятное и тотчас пытаясь погрузиться в сон, надеясь на утешительное забвение, но тут же ощущая в теле жуткую боль, холод, что выворачивает и скручивает узлом, судороги, спазмы в челюсти... И он обхватывал руками подушку и подтягивал колени почти до подбородка

и слышал ее дыхание. Тихое, едва различимое, но он слышал его – стон, что леденил его до мозга костей, и пытался не слышать, но монотонный тихий стон раздавался в голове, и Гарри чувствовал ее... он ее чувствовал! Она здесь. С ним в постели. Он обхватывал руками голову и покрепче вцеплялся в подушку, чувствуя ее рядом, в постели. Она здесь... за спиной...

И она не шевелилась. Просто лежала... Но почему-то казалось, что она придвигается ближе... и ближе... и, может, она вот-вот прикоснется к нему, и словно еще чуть-чуть, и его челюсть треснет, и он боролся и цеплялся и погружался, наконец, в полудрему, похожую на сон, видеть сон, что казался реальностью, и он сопротивлялся реальности сна, пы-

таясь от нее сбежать в забытье, и тело тряслось, и он дрожал и стонал и кричал про себя, но сон упорствовал и упорствовал в своей ужасающей реальности, и он видел свою дочь, накануне пятого дня рождения она принимала пенистую ванну, и вытиралась, и разглядывала свое голое тело, и он хотел повернуться и уйти, но голову сковало, голова не двигалась, и он мог только пялиться, и голова вопила снова и снова и снова и снова и снова плакала и умоляла НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ

и наконец крик извергся изо рта, и его тело дернулось, и Линда положила руку ему на плечо: Ты здоров, милый? Ты ничего не хочешь? – и он мог только покачать головой и пробормотать и задрожать и позволить своей голове медленно опуститься на подушку и вновь свернулся калачиком и боролся со слезами что колотили в глаза и в грудь бурлили в нем не давая дышать заставляли его содрогаться от страха что он тонет в собственных соках. О боже, если бы только он смог повернуться и потянуться к ее руке.....

или заплакать... просто заплакать...

или, может, просто погрузиться в землю, пусть личинки и черви пожрут его тело. Что угодно.....

Что угодно

Существуют пределы. Пределы времени. Пределы обстоятельств. Пределы выносливости. Линда достигла своих пределов. Время вышло. Она не могла больше наблюдать пассивно, как человек, которого она любила, неизменно отвергает ее и унижает, обращаясь с ней, будто с нежеланной обузой или лишним багажом, от которого он, очевидно, хочет избавиться, но не знает, как это повернуть, и потому наказывает ее своим холодным безразличием. Она не знала, почему Гарри так себя ведет, но не собиралась сидеть сложа руки и позволять ему так с ней обращаться.

Она приехала к матери и нерешительно рассказала, что происходит в ее жизни и браке, то и дело всхлипывая, и рыдая, и качая головой – мать обнимала ее и пыталась облегчить печаль и боль своего ребенка, а Линда смотрела на мать, совершенно растерянная, трясясь от горя и обиды, жалуясь снова и снова, что не знает, в чем дело. Мам, я просто не знаю, что происходит...

Я понимаю,
дорогая, я понимаю...

Я не знаю, в чем дело... Я просто не знаю – ой, мама, помоги... помоги мне...

Ты поплачь,
деточка, – и она крепко прижала к себе свою де-

вочку, чувствуя ее печаль и боль, мокрые и теплые слезы на своей груди.

Когда Линда наконец успокоилась, они обсудили ситуацию и решили, что будет лучше, если Линда просто расскажет Гарри, что чувствует, и возможно, ну (будем надеяться) возможно же, найдется простое и логичное объяснение его поведению, и Гарри ее успокоит. А если нет...

280

ну, тогда, может, будет лучше, если Линда и Гарри-младший немного погостят у ее родителей. Линдина мать считала, что лучше, наверное, подождать денек-другой, пока чуточку не успокоишься, дорогая.

Нет, мам. Я не могу ждать. Не могу больше откладывать. Мне нужно выяснить сейчас. Я не могу ждать. Она оставила сына с бабушкой и дедушкой и поехала домой, полная решимости поговорить с Гарри.

В тот вечер, едва Гарри сел, Линда сказала, что хочет кое-что обсудить. Несколько часов она пыталась придумать, как бы легко и просто сказать то, что она должна сказать, но чем больше думала, тем больше смущалась и обижалась, так что просто выпалила, что проведет несколько дней у родителей.

Почему? – внутри немедленный взрыв ужасающей паники, слезы подступили мгновенно, заколотились в глаза, и сокрушительный страх, что он останется один, и вдобавок ко всему – чудовищный ужас, что она ответит *почему*, а он после этого не сможет жить и совсем никак не сможет защититься от ее слов.

Почему? Потому что происходит такое, чего я не понимаю и с чем не могу жить.

Я не понимаю... О чем ты? – его голос жалостный, умоляющий, неубедительный; плечи ссутулились и сгорбились еще сильнее.

Твое поведение, Гарри, – Линда отчаянно пыталась не отступаться от твердого намерения все высказать и действовать соответственно, как это ни болезненно; Гарри качал головой и смотрел скорее в пол, чем на жену, – ты... ты обращаешься со мной так, будто презираешь, – не повышая голоса и сохраняя тон как можно безобиднее, пытаясь не обращать внимание на его безмолвную мольбу, – ты со мной не разговариваешь, ты не прикасаешься ко мне, не целуешь меня больше, а если я тебя о чем-то спрашиваю, ты просто бормочешь и отворачиваешься, Гарри, будто стыдишься меня, или устал от меня, или тебе опостылело на меня смотреть, или будто я сделала тебе что-то ужасное, и ты обижен или ненавидишь меня... Гарри, ты встречаешься с другой женщиной?

Гарри тряс головой, и заикался, и лопотал, но не мог справиться с силами, необходимыми, чтобы оспорить обвинение, ибо знал, что, если попытается, она задаст какой-нибудь простой вопрос, и он не сможет ответить, и в итоге, наверное, расскажет ей всю правду, и от одной мысли об этом его сковал и парализовал страх. Он все тряс головой, лицо по-прежнему жалостное. Почему ты спрашиваешь? Я не...

Потому что ты так себя ведешь. Иного объяснения, видимо, не существует, – и Линда почувствовала, как внутри ее скручивает страх, и хотя отчасти желала вытащить проблему наружу, еще сильнее хотела не знать правды, чтобы Гарри не выпалил вдруг, что встречается с другой жен-

щиной и хочет развода. Линда не хотела его терять, она лишь хотела, чтобы он изменился, снова стал тем человеком, за которого она вышла замуж пять лет назад. Может, если я побуду у родителей, вы с доктором Мартином сможете вычислить, в чем проблема. Я надеюсь, – и она посмотрела на Гарри, ожидая, надеясь, что он попросит ее не уходить и заверит ее, что все нормально или будет нормально, но он сидел и пялился в пол, и голова его вжималась в плечи все глубже. Гарри, тебе что, все равно?

Он отчаянно хотел протянуть руку и просить – умолять – ее не уходить, но его совершенно опустошили неодолимая боль отчаяния и жалкий непостижимый упадок духа, что обвивал его все крепче, как змея.

Он чувствовал Линдин пристальный взгляд, и чем дольше сидел, уставившись в пол, тем невозможнее становилось поднять голову и посмотреть ей в глаза.

Бесконечные годы Линда прождала его торжественных заверений, и в конце концов молчание вынудило ее действовать. Она зашла в спальню и поспешно собрала кое-какие вещи. Она хотела было что-то сказать перед уходом, но на глаза наворачивались слезы, и непреодолимая печаль сдавила горло. Линда ушла.

Гарри слышал ее дыхание, ее вздохи, движения, когда она собирала сумку, затем почувствовал, как она стоит подле него и пристально смотрит, затем – как она идет, услышал хлопок двери, затем вдали постепенно затихла машина...

и
ничего не случилось такого, что остановило бы

Линду. И ничего не случилось такого, чтобы он перестал сидеть. И пляться. И жалко надеяться, что погрузится глубже в себя и очнется вдруг от этого кошмара... Но он знал, что такому не бывать. Это просто мечта.

Линда медленно выруливала по круговой подъездной дорожке – гравий хрустел громко, и пронзительно, и почему-то зловеще. Она то и дело поглядывала в зеркало заднего вида и несколько раз останавливалась и оглядывалась на дом, надеясь увидеть Гарри в дверном проеме или как он бежит по дорожке и машет ей, чтоб она вернулась. О боже милостивый, она не хотела уезжать. Она решила уехать, если необходимо, но была уверена, что он ее не отпустит, он объяснит все ее страхи и откажется ее отпускать. Она остановилась у выезда на дорогу. Машин не было. Тишина. Линда прислушалась – не топают ли ноги по гравию, не бегут ли, все громче и громче, – но было тихо. Постепенно приблизился шум машины. Затем стал удаляться. Гравий хранил молчание. Недвижность. Линда заплакала. Она по правде уезжает. Ничто не мешало ей вывернуть на дорогу и умчаться прочь. О боже, она не хотела уезжать. Она вслепую порылась в сумочке, ища платок, затем отшвырнула сумочку, и стон сотряс ее, и она потерла руками лицо, стирая слезы с глаз. Теперь она не уезжала на несколько дней. В душе она чувствовала, что уезжает навсегда. Она больше не увидит Гарри, не увидит свой дом. Будто, если она уедет прочь, ее ожидает некая смерть. Ужасная и бездонная пустота внутри быстро наполнялась слезами. Кости будто медленно распадались, и она не могла шевельнуться, выжать сцепление... снять ногу с тормоза...

поставить ногу на акселератор...
 газ...
 повернуть руль...
 на руль и дернуть...
 на дорогу...
 ее прочь от...
 от ее жизни...
 боже правый...
 и позади по-прежнему ни звука...
 не бежит по гравийной дорожке
 не умоляет ее остаться
 и рука не машет, не зовет ее
 вернуться обратно
 вернуться обратно...
 обратно...

Машина медленно выехала, подъездная дорожка и дом тут же скрылись из виду. Перед Линдой – одна только дорога, что вскоре сольется с шоссе. Тени темнели и тянулись все дальше через асфальт, и солнце продолжало свой крутой спуск.

Между историей древности и нынешними событиями не бывает подлинной разницы. Есть только вариации; тема вечно одна и та же. Давление внутри Гарри было так сильно и нарастало так быстро после каждого облегчения, что вечерние визиты в ад происходили все чаще.

Обычно Гарри не оставался в городе, но ждал, когда какая-нибудь жалкая алкоголичка отключится рядом с ним, засовывал двадцатидолларовую купюру в горлышко пустой бутылки и садился в последний поезд домой.

На сей раз не вышло. Его поджидали в коридоре. Ударили по затылку, избили и запинали ногами. Они отняли у него деньги и смылись. Придя в себя, он первым делом увидел тараканов, что сновали по полу и под драным гниющим линолеумом. Зловоние мочи жгло нос и раны на лице. Он сел, и прислонился к стене, и нерешительно потрогал болезненные места на лице и на голове, затем поглядел на окровавленные пальцы. Он осмотрелся; мир колыхался и расфокусировался; затем взор прояснился, и Гарри увидел, где находится, и вспомнил, что произошло. Он увидел свой бумажник – карточки и бумаги разбросаны по полу. Он подобрал их и сунул в карман. Медленно встал. Справа лицо пульсировало и горело. Невыносимо дотрагиваться. Он вывололся на улицу, и взял такси до конторы, и одолжил деньги у охранника. Он поехал дальше к железнодорожной станции, одной рукой легонько прижимая к лицу носовой платок.

Поездка вышла долгая и мучительная. Дом по-прежнему пуст. Внезапно Гарри выдохся. Стал как резина. В доме – как в могиле. Он упал в кресло. Позвал, не особенно веря, что она там, – и все же...

Его голос, опустошенный и вялый, пробирался по комнатам... О, пожалуйста, вернись... пожалуйста...

Слезы жалили избитое и окровавленное лицо. Голова пульсировала. Горела. Тело

будто осыпалось внутрь себя. Гарри позвонил доктору – соседу, члену клуба, Гарри частенько играл с этим доктором в гольф. Приехав, доктор несколько секунд смотрел Гарри в лицо, затем позвонил в больницу.

Это необходимо, Боб?

Определенно. В таких случаях положено и необходимо. Давай я тебя отвезу. А где Линда?

286

В гостях у родителей, – чувствуя, что краснеет и пылает.

Позвонить ей?

Завтра, – качая головой. Сколько я пролежу в больнице?

Сутки. Нужно взять кое-какие анализы, проверить, все ли в порядке, нет ли сотрясения или перелома.

Когда Гарри определили в палату, Боб зашел увидеться с ним перед уходом. Я договорился про одну штуку, чтобы тебе легче было уснуть. Ты уж, пожалуйста, ночью отдохни получше. И ни о чем не беспокойся. Завтра я позвоню Линде.

Гарри качал головой, храня угрюмое молчание.

До завтра, Гарри.

Гарри качал головой.

К тому времени, когда Линда приехала в больницу – на завтра спозаранку, – Гарри выглядел гораздо лучше. Запекшуюся кровь смыли, а раны зашили. Однако вид его шокировал Линду и испугал. Поездка от родителей до больницы казалась бесконечной – пара часов мучительных предчувствий и тревоги. Боб сказал, что, судя по предварительной диагностике, все отлично, серьезных травм нет, однако Линдин разум прогнал ее через ад. Она вспомнила все прочитанные или услы-

шанные истории о людях, которых ограбили и которые лишились глаза, или ослепли, или были парализованы, или какие еще ужасы случаются с жертвами. И слова травма, жертва, потерпевший непрерывно звенели в голове.

И в сознание Линды то и дело просачивалось смущение: звонок Боба к ее родителям, ожидание, когда он спросит, что она там делает и все ли хорошо между нею и Гарри, но в голосе Боба не было никакого вопроса (по крайней мере, ей так показалось), Боб только и сообщил, что Гарри пострадал, и успокоил, что с Гарри все в порядке. И все же по дороге в больницу Линда время от времени смущенно краснела.

И еще она сражалась с мучительным сознанием вины, думая, что, не уйди она, этого бы не случилось, и все напоминала себе, что это было глупо и, возможно, глупо сейчас, но будь я дома, я бы хоть могла о нем позаботиться – но ты бы не сделала больше, чем Боб, а на самом деле меньше, он ведь, в конце концов, врач – я знаю, я знаю, но я бы, по крайней мере, была с ним... Ох, я не знаю, я не знаю...

и Линда пыталась наорать на свои мысли, чтоб умолкли, или утихомирить их слезами, но смятение, тревога, дурные предчувствия и страх пронзали и буравили ее насквозь.

Линда торопливо прошла по коридору к палате, и инерция донесла ее почти до самой койки. Гарри посмотрел на жену и попытался улыбнуться, но тут же невольно поморщился, потому что все затекло и болело, и ее подтолкнуло вперед, и она обхватила его руками и крепко обняла: Ой, Гарри, Гарри, мне так жаль, что это случилось, как ты?

Неожиданно до нее дошло, что, наверное, она причиняет ему боль, и ее руки расцепились, и она попятилась: Ой, милый, прости. Я тебе сделала больно? Какая я дура. Прости. Я...

Нет. Нет. Все нормально. И вообще, на вид хуже, чем на самом деле. Он смотрел на нее, изо всех сил стараясь улыбнуться и сглотнуть весь кошмар вины и унижения.

288

Линда, глядя на него мокрыми глазами, вдруг застыла между желанием и упреком, но будто века прошли с тех пор, как она видела мужа, человека, которого любила, и он выглядел таким беспомощным, таким ранимым... таким... страдающим, что решимость ее медленно, но верно таяла в жару ее желания и его боли. Она присела к нему на край постели. С тобой правда все нормально, милый?

Гарри почувствовал, как его голова кивнула, и отчаянно хотел протянуть руку, вцепиться в Линду, и прижать ее к себе, и поцеловать, и обнять или просто коснуться ее – ее руки, щеки, – просто коснуться и сказать, что любит ее, но он мог лишь кивать, и все его желания вскипали и сражались с бесом, чья несокрушимая сила питалась виной Гарри и его унижением, оставляя в его нутре черную дыру отчаянья. Гарри повернулся, когда в палату вошел Боб.

Привет, Линда, как ты?

Да как-то не понять, – качая головой и делая попытку улыбнуться.

Ну, не волнуйся, – сжимая ее плечо и улыбаясь, – все нормально. Похоже, муж твой будет жить. Линда вздохнула – внезапное облегчение было так ощутимо, что на мгновение она подумала, что сейчас рассыплется либо грохнется в

обморок. Переломов нет, сотрясений нет, – обращаясь к Гарри, – сердечных нарушений и других осложнений тоже нет.

Сердечных?

Боб ободряюще улыбнулся и положил руки им на плечи. Не о чем беспокоиться. У некоторых, особенно тех, кто постарше, такие инциденты могут отразиться на сердце, так что сердце мы обычно тоже проверяем. Но вообще-то, если учесть твою нынешнюю форму, ты в хорошей форме, – хихикнув и стиснув их плечи, – повезло.

289

Линда улыбнулась, и Гарри тоже попытался, но не смог выдать улыбку.

Когда его отпустят домой?

Прямо сейчас, если хотите. Просто не напрягайся денек-другой.

Внезапная паника пронзила Гарри. Я ведь смогу завтра поехать в контору, да?

Думаю, да, если не будешь усердствовать. Сядь на поезд попозже, чтобы не пробираться в толпе в час пик. Идет?

Гарри кивнул.

Хорошо. Зайдешь ко мне в кабинет через неделю, я на тебя посмотрю.

Спасибо.

Спасибо, Боб, я так тебе благодарна, – улыбаясь и сжимая его руку.

Да все нормально, Линда. В конце концов, хотя бы так я помогу. Всякий раз, когда мы играем, он мне позволяет выиграть на пару подач, – и Боб засмеялся. Не забудь, через неделю.

Боб ушел. Линда и Гарри неловко посмотрели друг на друга.

Ну, наверное, мне бы надо одеться.

Войдя в дом, Гарри сразу сел.

Хочешь чего-нибудь, милый? Кофе? Сок?

Нет, нет, спасибо... дорогая, – слабо улыбнувшись. Гарри устал... выдохся. Он внезапно слишком устал, чтобы поддерживать внутри эту битву, поэтому было заключено нечто вроде перемирия. Поток нежности захлестнул его. Наверное, я хочу просто на тебя смотреть.

290

Линда села на подлокотник кресла и взяла его руку в свои. Он посмотрел на ее руки, затем легонько погладил ее ладонь кончиками пальцев – затем прислонил голову к ее плечу, ощущая хрупкую плавность, нежность и тепло ее рук, и внутри ненадолго настала тишина.

Остаток вечера в доме Уайтов мало двигались и скудно разговаривали. Гарри отделался всего несколькими ранами и ушибами, травма последних событий эмоционально их опустошила, и оба желали избежать любой серьезной и дотошной беседы. Они рано легли в постель, и в эту ночь оба отдохнули лучше, чем за множество прошедших ночей.

Назавтра к середине утра Гарри ерзал в кресле и чуть не поддался соблазну выйти на прогулку, но придерживался нового правила днем оставаться в кабинете и расслабился, пообещав себе, что вечером найдет какую-нибудь свинью – может, там, на западной стороне у доков. Он не забыл вчерашнее, но мысль о том, что его избили и что Линда может снова уйти, никакой власти над его поступками не имела. Сила, что была могущественнее Гарри, словно толкала его к вратам безумия или смерти.

Он зашел в ресторан перекусить и ждал, когда рассосется очередь у кассы, и внутри ворочались тяжкий скрежет, предчувствие и тревога, и Гарри

знал, что должен ехать домой, и знал, что не поедет. Неожиданно он стиснул в кулаке чек, и сунул руку в карман, и помахал людям у кассы. Я вас подожду снаружи. Мне нужно подышать, – и вышел. Ему хотелось рвануть к двери и дальше по улице, но он заставил себя медленно и нормально пройти бесконечные шаги до двери, потом – задержаться там, а потом вышел из ресторана, свернул и зашагал медленно, очень,

очень

291

очень

медленно

до угла, свернул и сделал еще пару шагов, замер и прислонился к стене. Сердце так гроыхало, что он с трудом дышал. Все тело, все его существо переполнили чувства, что готовы были его затопить. Как внутри грохочет – невероятно. Как скручивает нутро, как тянет в глотке. Он знал, что чувствовал все это и прежде, но так давно, в таком древнем позабытом прошлом, что впадал в смятение, пытаясь эти чувства распознать. Он не очень-то и старался, ибо подозревал, что это бесполезно; прежде он никогда ничего не крал и, естественно, ничего подобного не чувствовал. Он задумался на секунду, зачем это сделал. А если бы кто-нибудь внезапно схватил его за руку у двери? Или если бы его схватили сейчас и, возможно, вызвали полицию? Он озирался и сглатывал тяжело и быстро. Иисусе, у него желудок ожил. Затем он узнал чувство. Его будто окатило огнем. Страх и мысли о том, что его поймают, испарились. Не существовало ничего, кроме волны возбуждения. Возбуждения, как в первый раз, когда он собирался трахнуть бабу. Он не был уверен, что трахнется. Тони говорил, что телка – верняк, но такое гово-

рили и раньше. Гарри вспомнил, как в тот день боялся обосрать штаны или обоссать. Но ничего такого не случилось. Вот как он себя чувствовал. Такое же возбуждение до и после. Такое же предчувствие. Такой же пот. Привкус во рту. Восторг. Гарри Уайт выпрямился. Улыбнулся. Радостно огляделся. Иисусе, ему хорошо. Он нащупал чек в кармане. Вынул его, аккуратно сложил и засунул в бумажник, затем вынул и проставил на нем дату, а затем положил обратно. Не просто восторг – свобода. Ага, свобода. Сукин сын. Блядский сукин сын. Ага. Свобода. В его шаге наблюдался намек на живость – он шел на станцию, чтобы сесть на поезд домой.

Когда Гарри позвонил сказать, что будет поздно, Линде показалось, что сердце взаправду на мгновение остановилось. Она все кивала у телефона, потом умудрилась наконец вымолвить несколько слов. Положив трубку, она почувствовала себя такой больной, что много долгих и мучительных минут дрожа просидела не шевелясь. Невероятно, что он позволит чему угодно мешать ему вовремя прийти домой – в первый вечер с тех пор – с тех пор, как она уехала к родителям.

Она снова и снова повторяла себе, что боится, поскольку он нездоров, может, анализы показали не всё, может, у Гарри... ну... э... ну, тромб или что-то такое...

но знала, что причина в другом. Она знала, что не боится потерять Гарри в битве с тромбом или каким-то непонятным физиологическим состоянием.

Линда испугалась и удивилась, когда Гарри пришел домой на несколько часов раньше, чем

она ожидала. Затем поняла. Сквозь лабиринт и буйство чувств наконец поняла. Гарри улыбался. Сквозь ушибы и повязки он улыбался...

Они сидели и болтали, пили кофе и жевали крекеры с сыром. Вонючим сыром. Освобождение от вала страхов и напряжения было таким невероятным облегчением, что они охотно игнорировали свою истерию.

В ту ночь они занимались любовью. Затем лежали в объятиях друг друга и говорили о ночи, о звездах, о своих жизнях и главным образом о своей любви...

293

затем мягко и нежно погрузились в блаженный сон.

Гарри был не просто оживлен – много дней он был как маньяк. Он чувствовал, что стал новым человеком, ага, *Ното Новус*, человеком освобожденным... помилованным.

Его жизнь довольно быстро вернулась в нормальное русло. Дверь в его кабинет в основном была теперь открыта. Он возвращался домой вовремя, за исключением редких и легитимных случаев. Обедал, как правило, с Уолтом и остальными. Качество и объем его работы росли. И все – с ощущением свободы. Всякий раз, когда внутри начиналась грызня, кожа словно кишела муравьями и вновь преследовали смутные и невнятные тревоги, он просто выходил и обедал бесплатно. И все. Так просто, что он едва мог поверить. Но тем не менее. И он на коне. Одна бесплатная еда – и все нормально. Его удивляло, что он способен на такие вещи. Но он был способен. Так-то вот. Он это делал. Временами он представ-

лял, как его спросят, почему он не оплатил чек, и он размышлял об этом достаточно долго, чтобы затрепетать от опасений, затем выкидывал эту мысль из головы, пока она не помешала ему выйти на улицу, махнув рукой: Разберись там, Генри, я буду снаружи. И вообще, всегда можно сказать, что это оплошность, он задумался и не понял, что сделал, и просто оплатить чек с должными заверениями. В сущности, кто поверит, что человек его положения попытается уйти, не заплатив?

Линда услышала собственный голос, когда вновь прошла по дому, напевая, и когда гуляла по саду, беседуя с Гарри-младшим и называя ему всякие травки и цветы. Сначала она поразилась, услышав его, а затем – сообразив, что уже некоторое время (боже мой, сколько?) она совсем не поет.

И еще она слышала и чувствовала, как вновь разгорается воодушевление; и поразилась, увидев, как явно запущен сад. Она радостно и энергично убирала, подрезала, полола и вскапывала, отвечая на бесконечный поток вопросов Гарри-младшего.

Шло время, уходили тревоги и страх, и Линда поняла, как сильно боялась и волновалась. Только освободившись от страхов и тревоги, она осознала, до какой степени те преследовали ее – казалось, целую вечность. Единственная отметка на шкале времени – рефрен, который звенел в голове и убеждал, что год назад все было так, как было.

Год назад? Неужели это и впрямь было так давно – отчаяние росло, а муж, которого она любила и боготворила, становился все более чужим? Неужели это и впрямь было так давно? Как она выжила? Как *они* выжили? Конечно, временами все

шло хорошо – в отдельные моменты и дни, – но, если оглянуться назад, боль была так сильна, что, казалось, с ней не пережить и недели, не говоря про год. Ну, какова бы ни была правда, теперь она не важна. Как бы долго ни тянулось, это несущественно. Все возвратилось на круги своя. Они разговаривали, и шутили, и смеялись, и Гарри обнимал ее, и целовал, и прижимал к себе, и шептал ей на ушко, и они занимались любовью...

295

а потом держались за руки и трепетали пред нежностью ночи. И Гарри не вскакивал посреди ночи с таким лицом, будто встретился со смертью. В дом вернулись радость, любовь и счастье. Да, слава богу, все вернулось на круги своя. И к тому же Линда была беременна.

Гарри приятно удивился, узнав, что у них будет еще один ребенок. Замечательно, если у Гарри-младшего появится сестренка. И Гарри согласился, что они больше не хотят ждать со вторым ребенком. Значит так, когда родится ребенок, Гарри-младшему будет пять. По-моему, довольно большая разница в возрасте. Гарри уже предвкушал, как у Линды проступит румянец и заблестают глаза, что всегда приходит с беременностью, и как он почувствует, что ребенок пинается и бунтует против заточения в тесной темноте. Еще немного, и ребенок пробьет себе дорогу, выберется к свободе и свету. Это лишь вопрос времени.

И лишь вопрос времени, когда история вновь станет живой реальностью. Реальность наступила для Гарри однажды, когда он вышел из ресторана, не оплатив чек, и сам того не заметил. Ни взмаха руки, ни фальшивых инструкций – ничто не довело поступка до сознания. Гарри сообразил, что сделал, уже пройдя квартал или около того. Но первым делом сообразил, что нет привычного чувства. Вообще никаких чувств. Даже смутной памяти о предчувствии или тревоге перед уходом, ни малейшего оттенка возбуждения. Он просто обмякший. Покинутый.

Он закрыл дверь в кабинет и задумался, но вскоре пришлось остановиться, потому что тело начало съеживаться от ужаса. Он мог думать лишь о том, что теперь, значит, вернется в кошмар наяву, а он лучше покончит с собой. Нельзя. Не сейчас. Он перестал об этом думать и с головой погрузился в работу.

Но мысль и страх изводили его по дороге домой, стучались в сознание, и он заталкивал их в глубину, за пределы видимости и слышимости. Наутро он сказал Линде, что собирается работать допоздна, и, увидев ее внезапно омраченное лицо, быстро добавил, что не очень задержится, есть не будет и поужинает вместе с ней.

Вечером, через пару часов после того, как все разошлись по домам, он бродил по конторе. В громадном пространстве и пустоте кабинетов он был один. Странно, почти жутко.

Он шарил в кабинетах и столах, в изумлении находя драгоценности, деньги, часы и кучу всякой всячины.

Он поднялся на этаж выше и прошел несколько кабинетов. И снова он, казалось, был один. Тихо. Могильная тишина. Он слышал свое дыхание, затем шум лифта – и Гарри замер, ждал, пока лифт, очевидно, проедет его этаж. Ноги и колени почти резиновые. Внутри мутит и крутит. Трепет и возбуждение вернулись. Чувства не просто ожили – обострились.

Он бродил по конторе, открывая и закрывая ящики в столах, сперва очень тихо и осторожно, затем естественнее и откровеннее. Он насобирал семнадцать долларов тридцать семь центов, почти половина – мелочью. Мелкой мелочью. Он медленно спустился по лестнице в свою контору,

затем вызвал лифт на первый этаж. Тяжесть мелочи в кармане; сердце колотилось, звенело в ушах, когда Гарри пожелал охраннику спокойной ночи. Он думал было кинуть мелочь в пакет и немедленно выбросить на помойку, но решил провезти ее всю дорогу до дома. Одно лишь ощущение монет в кармане не давало возбуждению угаснуть. Восторг был силен. Назавтра Гарри зашел в банк и приобрел запас упаковок для монет.

299

Доктора Мартина восхищало поразительное улучшение состояния Гарри. Очевидно, полагал доктор Мартин, удалось преодолеть барьер, процесс сублимации успешно завершился, и теперь можно без всякой травмы глубже погрузиться в детство Гарри и его Эдипов комплекс. Да, доктор Мартин был просто счастлив и улыбался, и сиял внутри, и попыхивал трубкой, слушая Гарри.

Время от времени Гарри приходил домой поздно, однако Линда теперь не огорчалась. На самом деле, когда они только поженились, почти шесть лет назад, все было точно так же, разве что поездки домой стали дольше. В остальном – никакой разницы. Гарри был весел, и они вместе проводили вечера и выходные, и Линда могла отдавать ему всю себя и ждать его с распростертыми объятьями.

И в животе ее была жизнь. Жизнь, которую она чувствовала и видела. И Гарри прикладывал ухо к растущему животу и говорил Линде, что она права, мне кажется, дорогая, это и впрямь девочка. Живот рос, росла жизнь внутри Линды, и с ними росло ее умиротворенное сияние.

Исследовав здание, где располагалась его контора, Гарри нашел массу ходов к другим зданиям, даже тем, где были охранники. Несложно вычислить, во сколько примерно они совершают обходы – если вообще совершают, – и соответственно подстроить время своих экспедиций. Однажды он больше часа просидел в уборной, пока не удостоверился, что контора пуста. Он сидел в крошечной кабинке, и время казалось тяжелым и бесконечным. Затем возбуждение побежало по ногам к пояснице, страх, что поймают, загромыхал внутри. Гарри позволил себе осознанно погрузиться в эти переживания, почувствовать пот, что катился по спине, и больше не ощущал времени, и ласкал себя пульсацией этих чувств.

Он шел через офисы, открывая и закрывая ящики, с каждым разом громыхая чуточку больше. Сначала он просто брал понемногу денег, которые там валялись, потому что это совершенно невозможно вычислить. Никто не остановит его на улице и не арестует за воровство из-за нескольких лишних долларов в кармане, даже если у него невероятная груда мелочи. Но со временем возбуждение убывало, и Гарри стал гулять по кабинетам, будто они были его собственными, грохоча, сколько вздумается. Затем начал брать мелкие предметы, кольца или часы, и держал их в кармане почти до самого дома; затем выбрасывал.

Месяцы громоздились друг на друга, и все труднее становилось возбуждением подменять давление в теле. Он начал брать в конторах крупные предметы, счетные машины, калькуляторы, всякую конторскую технику и оборудование, непременно тащил их минимум два квартала, а затем оставлял на улице. Однажды вечером он

взял пишущую машинку на десятом этаже и на полпути по лестнице заподозрил, что придется ее оставить. Руки болели, их уже сводила судорога. Казалось, будто их режут. Сердце колотилось, глаза почти ослепли от пота. Он запнулся и зашатался на краю ступеньки, тело медленно клонилось вперед, готовое скатиться по лестнице и, может, расколошматить голову об машинку, и он отчаянно боролся с силами гравитации, и наконец отпрянул и стукнулся о стену, и стоял, кряхтя и пыхтя...

301

Он не хотел оставлять машинку. Может, на минутку поставить ее и отдохнуть? Ага, всего минута... всего... Нет! Нет! Он уже никогда ее не поднимет. Он это знал. Точно. А ему надо вынести эту штуковину из здания. Надо. Он прислонился к стене, чувствуя, как по лицу течет пот, и наблюдая, как шлепаются капли на машинку. Каждая, черт побери, мышца болела, и ему казалось, он не протянет и секунды, но возбуждение было настолько сильным, что он медленно и ритмично крутил бедрами...

Он снова и снова облизывал губы, и отталкивался от стены, и медленно спускался, опираясь на стену, на ощупь ставя одну ногу, затем другую, на следующую ступеньку, внимательно их подсчитывая, чтобы внезапно не грохнуться на лестничной клетке. Восемь ступенек, лестничная клетка, поворот, еще восемь ступенек, этаж. Еще три этажа. Невозможно. Машинка повисла у него в руках. Он терся об нее. Он отдыхал на лестничной клетке. Тело орало: положи эту долбаную хреновину и вали. Но он не слушал. Он ее спустит и вынесет на улицу. Он не уступит боли. Он вытерпит. Восемь ступенек. Поворот. Еще восемь ступе-

нек. Осталось два этажа. Кажется, грудная клетка вот-вот расколется. Он хотел по крайней мере отдохнуть. Иисусе, ему нужно отдохнуть. Он шел дальше. Нельзя останавливаться. Он уже никогда не тронется с места. Не потеряй импульс. Восемь медленных ступенек. Ища и находя каждую, шаря ногой. Лестничная клетка. Скользя по стене. Шея вытянута. Пот заливает глаза. Капли дрожат на клавишах. Ступенька вниз. Ступенька вниз. Этаж. Остался всего один. Господи Иисусе. Все еще один. Почти сползает на пол. Дюймы вдоль стены. Машинка врезается в тело. Ступеньки друг от друга еще дальше. Не могу их найти. Вниз. Вниз. Лестничная клетка. Слава богу. Скольжу, скольжу. Еще восемь ступенек. Давай, ищи эту чертову ступеньку. Ступенька. Еще немного. Почти внизу. Еще одна... ТАМ ЕЩЕ ОДНА!!!! Срань господня! Он чуть не упал. Он прислонился к стене, стоя на двух ступеньках. Вытянул голову над машинкой. Еще четыре. Как это, на хер, может быть? Должно быть восемь. Почему двенадцать? Я это не осилю. Я не могу. Не могу повернуть. Не могу выпрямиться. Надо повернуть. Найти ступеньку. Где она? Нужно спускаться. Все правильно. Двенадцать в первом марше. Еще одна. Еще, на хер, одна. Вниз. Вниз. Вниз, черт бы его взял. Готово. Дверь. Какого хера! Не могу открыть. На себя не отпирается. Он налегает. Опасливо. Она открывается наружу, ОНА ОТКРЫВАЕТСЯ!!!! Он выглядывает в холл. Ковыляет по холлу. Еще двери. Налегает на них. Улица. Улица, блядь. Холодно. Не останавливаться. Шатаясь идет по улице до угла. Прислоняется к стене. Сворачивает и идет. Двигай дальше. Двигай, черт бы тебя побрал. Еще. Ты справишься. Еще. Тело стонет. Будь,

на хер, мужиком. Двигай. Дальше по улице. Ага, здесь. Здесь. Останавливается. Опускает машинку на землю. Выпрямляется. Пыхтя. Одежда и тело пропитаны потом. Вытирает голову, достает из кармана платок и вытирает лицо. Готово. Будь я проклят. Я это сделал. Ага, хахахахахаха. Все еще смеясь, делает шаг. Останавливается и щупает промежность. Будь я проклят. От этой чертовой машинки у меня стояк. Лучше, чем нюхать велосипедные сиденья. Смех. Смех и неторопливая прогулка до станции. Тело слабое и изможденное, но адреналин зашкаливает, кровь, пульсируя, несется по венам к напряженным мышцам. Мощная, почти невыносимая стимуляция и возбуждение. Он вспоминает «Фин-холл», «Американский легион», «Рыцарей Колумба» и кучу всяких безымянных и забытых танцзалов, где он танцевал и разговаривал и смеялся и смотрел в глаза и решительно клал ладонь на бедро изнутри, затем неспешно выходил на улицу и брал такси до дома, интересно, будет ли там непредвиденный муж или муж придет внезапно домой, когда Гарри еще не ушел. Господи Иисусе, как прекрасно. Каждая косточка и мышца болит и кричит, а ему просто прекрасно. Ему великолепно!!!!

Накануне вечером Гарри так задержался в конторе, что чуть не опоздал на последний поезд, однако уходил вялым, а теперь еще только утро, а тело начинает съеживаться от бесцельной тревоги. Его распорядку нужна очередная небольшая перемена. Он не сможет ждать одну или две недели, как надеялся, или даже несколько дней. Вечером придется опять выйти на дело. С этим решением пришло почти мгновенное облегчение, а опасение и предчувствие выросли.

Но тревожило и другое. Линда на девятом месяце и может родить в любой день. В любой день или в любую ночь. Гарри хотел быть с ней. Отчаянно хотел. Отвезти ее в больницу и быть там, когда родится ребенок, чтобы взять жену за руку и поцеловать в лоб, когда она вернется из родильной палаты. Гарри-младший был уже у родителей Гарри, Линдина сумка собрана и готова. Иисусе, он хотел быть с Линдой, но знал, что сегодня вечером не сможет сразу поехать домой.

Впрочем, начать можно раньше – его пробила мгновенная вспышка возбуждения. Ага, только убедиться, что все разошлись по домам. Иисусе – он сжимал бедра и напрягал мускулы, – это должно помочь. Он знаком с графиком большинства систем безопасности в крупных конторских зданиях; не очень-то они друг от друга отличаются. Он начнет раньше – поглядим, сможет ли он разминуться с охранником всего на пару минут. Господи Иисусе, великолепно. Внутри ком, ком в глотке. Тело судорожно дернулось, затем Гарри атаковал свою работу до самого вечера.

В тот вечер ему не пришлось дожидаться охранника, чтобы унять свою жажду. Гарри недолго побродил по конторе, и тут свернул за угол и чуть не споткнулся об уборщицу. Он схватил ее за плечи чтобы не упала и она давай извиняться когда они еще пошатывались и нутро тут же опустело едва он увидел как женщина смотрит на него и он подумал что блеванет и усрется и панически попытался заставить ноги двигаться и схватил женщину и заорал себе стой на месте не убегай и до него дошло что его пальцы впились женщине в плечи но не разжимаются а она все твердила что ей очень жаль, с вами все хорошо? надеюсь, я не запачкала

вашу одежду и Гарри цеплялся и боролся и кивал и тряс головой и грохот сердца почти заглушал ее голос и ей как-то удалось высвободиться из его хватки но казалось он не мог разжать кулаки и чувствовал как лицо расплывается в улыбке и спросил женщину все ли с ней хорошо и засунул стиснутые кулаки в карманы и проклятая баба не переставала извиняться и Гарри мечтал убраться отсюда на хер и все улыбался да улыбался глупой прислуге и наконец-то начал отступление на лице застыла все та же проклятая улыбка в ушах оглушительно грохочет – все в порядке, никаких проблем, совершенно никаких, – и наконец повернул и медленно зашагал прочь и кружилась голова и туманился взор и он открыл дверь на лестничную клетку и спустился и миновал первый этаж и вышел на улицу, затем свернул в переулок, видя людей и машины, что неслись всего в нескольких футах от него, и блеванул и уставился на лужу блевотины у своих ног опираясь о стену и чувствуя как тело трепещет от возбуждения и ощутил как воздух неожиданно ворвался в пылающую глотку и он снова подавился, затем еще раз, медленно выпрямился, слыша голоса прохожих, и ему захотелось кричать и смеяться и хлопать людей по спине и поздравлять их с днем рождения или Новым годом или Ханукой или еще какой чертовщиной или может спеть песенку-другую и открыть тюремные ворота и по дороге из желтого кирпича пойти в Оз и к чудаку Фрэнку Моргану и может вытащить фитиль-другой из его волшебной машины и все бы кувырнулись в закатный техникOLOR потому что Иисусе он чувствовал себя великолепно и ему только и нужно выхватить шпагу и завопить тол-

пам лохов что носятся туда-сюда по улице подать сюда великанов, господи Иисусе, вот что ему нужно – ВЕЛИКАНЫ!!!!

ВЕЛИКАНЫ!!!!

или, возможно, ребенок. Да, ей-богу, ребенок. Золотая девочка плюс к сыну и наследнику. Гарри носовым платком вытер рот и лицо, затем туфли и штанины, метко швырнул платок в урну, затем поспешил на угол и поймал такси до станции.

306

Он приехал домой как раз вовремя. Отвез Линду в больницу и немного посидел в приемной, пока сестры наконец не убедили его, что лучше ехать домой, еще по меньшей мере несколько часов, и ему нет смысла оставаться.

Возбуждение, что гнало его, тут же исчезло, едва он закрыл за собой дверь в пустом доме. Казалось, дом огромен и в нем полно темных углов. Гарри включил телевизор и попытался сосредоточиться на нем, но разум то и дело вновь сносило к пустынному дому, темным углам и Линде. На секунду закрывая глаза, он видел ее тело в гробу, и вставал, и бродил по дому, и снова наливал кофе в чашку, затем садился и пытался вникнуть в то, что смотрел, и в итоге заснул в кресле, может, на несколько часов, и проснулся внезапно от телефонного звонка. Можете приехать в больницу. Обычные роды, мать и дочка чувствуют себя хорошо.

Он заставлял себя ехать осторожно и не гнать машину. Волна восторга вновь хлопотала в нем. Мать и дочка чувствуют себя хорошо. Хорошо. Все хорошо. Уже год, или сколько там времени прошло, все просто отлично. С тех пор как он начал воровать – не то чтобы это воровство. Два-три

пенни там и сям. А техника принадлежала большим корпорациям и была застрахована, так что никто, в сущности, не пострадал от ее пропажи, если она и в самом деле пропала. Может, ее находили на следующий день и возвращали. Нет, это по правде не воровство. В подлинном смысле слова. А если и воровство – подумаешь, велика важность. Никто не пострадал, а оно явно решило его проблему. С тех пор как он начал, все просто отлично, великолепно. Вот что важно.

307

У Линды в волосах был бант. Розовый бант. Когда Гарри зашел в палату, она полулежала в постели на подушках. Она сияла как тысяча звезд. Он ее поцеловал. И еще раз. Затем еще раз, и взял ее за руку, и улыбнулся. Они просто улыбались много долгих, нежных и прекрасных минут...

Ты
похудела. Она сжала его руку и засияла еще ярче.

Гарри пришлось прекратить отношения с доктором Мартином. Гарри давно собирался, но знал, что столкнется с возражениями доктора и коллег.

Это был не каприз. Начиная терапию, Гарри питал надежды, но стало очевидно, что продолжать он не сможет. Это чувство было настолько сильное и глубокое, что превратилось в абсолютную убежденность. Он просто не мог тратить несколько часов в неделю, сознательно ища и переживая проблемы – проблемы, что по-прежнему терзали его, когда он выходил из кабинета.

Он знал, что для отступления придется ждать удобного случая. Когда жизнь наладилась и Гарри стал выглядеть, чувствовать и вести себя лучше, он спросил доктора Мартина, как тот думает, не лучше ли сократить терапию до одного часа в неделю – мол, Гарри чувствует, что за этот час обретает достаточно сил, чтобы справляться. Доктор Мартин охотно согласился – судя по всему, процесс сублимации идет успешно, – и теперь нужно было только подождать, когда представится шанс снова урезать лечение. В конце концов оно сократилось до одного раза в месяц, а затем и вовсе оборвалось с уговором, что Гарри немедленно позвонит доктору, если начнет тревожиться или как-нибудь расстраиваться.

Гарри выжидал удачного момента, чтобы сделать последний шаг. Международный синдикат, который Гарри задумал и вместе с фон Ландором помог организовать, оказался просто бомбой. До такой степени, что был сформирован дочерний синдикат, который ныне успешно работал. Новаторство и находчивость этого проекта были так замечательны, что «Форчун» напечатал полосную статью о Гарри Уайте, одном из самых блестящих молодых людей в американском бизнесе. В статье цитировались слова Гарри: мол, одно время у него были проблемы, тревожность и напряжение, но доктор Мартин помог ему с этими проблемами справиться, и, как видите, сейчас я безусловно в состоянии работать с максимальной отдачей. После этой статьи Гарри и доктор Мартин рукопожатием и взаимными улыбками завершили свои отношения.

В результате Гарри полегчало. Теперь можно прибегать к собственным решениям, а не искать проблемы. Во многих отношениях он стал расслабленнее. Он знал, что не сможет рассказать доктору Мартину, чем занимается, хотя и чувствовал, что обязан. Он постоянно был начеку, дабы наверняка не сказать ничего такого, что как-то вынудит его выложить доктору всю правду. А в глубине скрывалось желание все рассказать – и весь он был сгустком метаний.

Однажды в воскресенье Гарри сказал Линде, что хочет с ней прокатиться. Я тебе кое-что покажу.

Они миновали безлюдный район, потом ворота поместья, целиком сокрытого огромными деревьями. Гарри припарковался перед домом. О'кей, выгружайтесь.

Что это, Гарри? Кто здесь живет?

Друг. Пошли. Я тебе кое-что покажу.

Они зашагали в обход к задам каменного колониального дома. Там обнаружились сады, постепенно переходившие в нескончаемые деревья – в основном березы.

Ой, Гарри, как здесь красиво. Прямо дух захватывает. В жизни не видела ничего подобного. Сколько тут деревьев?

Пара акров.

311

Боже мой, невероятно. Что все это такое? Зачем ты меня сюда привез?

Это Роща Уайтов.

Роща Уайтов? Я не понимаю, – в полном замешательстве качая головой.

Это называется Роща Уайтов. Или, если ты предпочитаешь названия подлиннее, Роща и Поместье мистера и миссис Гарольд Уайт, – взмахнув рукой и слегка поклонившись.

Мистера и миссис... то есть это, – поведя рукой и оглянувшись, – все это...

Правильно. Это наше.

Линда села на каменную скамейку у пруда с кувшинками и посмотрела на лягушку – та загорала на листе, пристально рассматривая Линду. Я не знаю, что и сказать. Это потрясающе.

В общем, это наше. Все это. И вон там, за рощей – вон с того балкона видно – есть ручеек с холодной чистой водой. Вполне себе Теннисонов ручей.

Невероятно. Поверить не могу, что это – все это – наше.

Ну, оно поменьше клуба «Лесная долина», но на первое время сойдет. Пойдем, я покажу, что внутри.

Гарри ненадолго пробуждался, когда Линда вставала ночью покормить ребенка, но тут же снова засыпал. Пусть он не высыпался – это не объясняло, отчего он так чудовищно раздражен. Он думал о своем успехе – деньги, очерки в «Форчун», «Уолл-Стрит Джорнал», «Дан и Брэд», – о новом доме и Роше Уайтов, о семье. У Гарри было все, включая уважение коллег. Что же, на хер, не так? – стискивая зубы и сжимая кулаки так, что белели костяшки. Он думал обо всем этом – имущество, признание, любовь, – но не помогало. У него есть деньги, собственность и престиж, но его по-прежнему терзает смутная неудовлетворенность и нервное напряжение.

Он нашел относительно безопасный способ выпускать пар – уж точно во всех отношениях лучше предыдущего метода, – однако и новый способ уже казался ненадежным и хлипким, как и старый. Новый способ еще действовал, но периоды сокращались. В последнее время Гарри рассчитывал график своих небольших проектов так, чтобы уходить, едва приближается охранник. Иисусе, возбуждение было огромно. На самом деле, это лучше, чем трахать какую-то телку. И он не боялся заболеть. Но у него иссякали способы поддерживать возбуждение на уровне, который необходим, чтобы избавиться от мучительного напряжения.

Три недели подряд он возвращался в одну и ту же контору и с каждым разом чувствовал, как сильнее течет по спине пот. Рано или поздно им придется поставить дополнительных охранников или хотя бы сменить их график, но спустя три недели ровным счетом ничего не изменилось. На четвертую неделю он вошел в здание не через проулок и полуподвал, а через парадную дверь,

и улыбнулся охраннику, записываясь в журнале, и вернулся в ту же контору. Он опустошил коробку с мелкими деньгами и оставил благодарственную записку, потом спустился в холл и выписался, вновь улыбнувшись охраннику и пожелав ему доброго вечера.

Возбуждение от этого рискованного предприятия было сильно, однако через несколько дней Гарри вновь давил в себе раздражение и с трудом сосредоточивался на работе.

313

Конторское воровство больше не действовало, и Гарри снова брел из деловых кварталов к порту. Он тщательно продумал систему поиска места, и как вычислить график полиции, и как войти и выйти всего за пару минут или меньше до появления полицейского патруля. Подготовительная стадия длилась неделями, и знакомая свобода и возбуждение мощной волной окатывали его, когда он ходил по серым загаженным улицам; он снова мог сосредоточиться на работе, как полагается.

Для начала он проник в небольшую типографию. Взломал заднее окно и пролез, сперва аккуратно засунув галстук под рубашку, чтобы нигде не зацепиться. Он осторожно побродил по заброшенному помещению, в конце концов нашел кабинет и опустошил коробку с мелкими деньгами. Все строение было немногим больше сарая, в нем царили холод и мрак. Гарри бродил, поглядывая на то, что печаталось, и на часы. Увидев, что полиция будет поблизости через несколько минут, он вылез наружу, закрыв окно, потом остановился, вернулся, открыл окно снова и зашагал по переулку.

Он медленно шел по тротуару, перебирая кипу банкнот и мелочь в кармане. Когда патрульная ма-

шина проехала мимо и покатила дальше по улице, его пульс участился, однако шаг – нет.

314 За месяц он еще несколько раз возвращался в тот же район. Потом район пришлось сменить, потом снова сменить, и вылазки учащались. Несколько месяцев он отчаянно придумывал, как избавиться от напряжения, и утихомирить неудовлетворенность, и не дать угаснуть возбуждению. Затем однажды вечером он проник в небольшую химчистку и убрался как раз в тот момент, когда из-за угла вывернула патрульная машина. Гарри медленно шел по улице, потом тормознул патрульных и спросил, как добраться до фальшивого адреса. Но это не помогло. Ни волнения, ни содрогания предчувствий, когда он подошел к машине, ни возбуждения, ни освобождения.

Назавтра он сидел в кабинете, закрыв дверь, пытаясь буквально затеряться в работе, и его словно раздирало на части. Он хотел поехать вечером прямо домой, но знал, что не поедет, и пока сопротивлялся, его разрывало на куски. День проходил, и постепенно Гарри перестал бороться с неизбежным и безусловным фактом, что снова придется искать, куда бы вечером вломиться, и облегченно вздохнул про себя, и смог полностью сосредоточиться на работе.

Он не планировал сознательно, куда идти, но более или менее позволил править некой внутренней силе. Он очутился на темных и вонючих задворках мясоконсервной фабрики и, как сомнамбула, открывал и закрывал двери и ящики, смотрел, затем ушел и бродил апатично по улицам, пока не оказался в метро на краю платформы.

Время от времени он машинально поглядывал на рельсы и в темный тоннель в ожидании огней поезда. Вскоре он их увидел. Он смотрел, затем

вгляделся. Застыл, склонившись над краем. Он слышал поезд. Все громче, громче, огни ближе. Внезапно поезд будто прорвался сквозь невидимый барьер и влетел на станцию. Гарри пялился – глаза и уши загипнотизировали мчащийся поезд – и чувствовал, как его тянет на рельсы, как тело медленно влечет вперед, наперерез поезду, и тело разнесет на тысячу кусочков, и поганые мозги брызнут по всей станции, и Гарри мимолетно подумал, каково это будет, если он возьмет и прыгнет перед поездом, и в то же время знал, что прыгнет, что не сможет удержаться, и, казалось, это правильно, это хорошо, это возбуждало, все тело трепетало и кричало, а рев поезда все ближе, и Гарри все дальше наклонялся над краем платформы, и поезд пронесся мимо, и в глазах расплылось пятно окон, и голов, и тел...

Гарри сел в поезд и доехал до Гранд-Сентрал. До дома час с лишним дороги, но время пролетело почти мгновенно. Ни разу в жизни он ничего подобного не испытывал. Он не мог сидеть. Пришлось стоять и держаться за поручень. Никогда раньше такое возбуждение не колотилось, не билось в нем. Боженька на небесах, какое переживание. Какое невероятное переживание. Оно было так фантастично, что Гарри не мог о нем думать. По крайней мере, сейчас. Только переживать. Он ничего не понимал. Не сознавал ничего, кроме собственных ощущений. Ничего не хотел. словно отделился, обособился от себя самого. Просто цеплялся за поручень. Где-то внутри ворочался вопрос вопросов. Буравил Гарри. Пробивался через него. Орал сквозь него. Гарри крепко держался за поручень. Однажды, уже скоро, он узнает, что ему говорят.

Больше не надо воровать. Не надо морочиться, преследовать женщин на улицах или торчать в каких-то крысятниках. Не осознанное понимание, но внутреннее знание, которое Гарри отчего-то принял за аксиому.

Но внутренний человек знал: когда забираешь то, от чего зависит жизнь, придется заменить это чем-то ценным. И это ценное развивалось, как зародыш в темной безопасности чрева. И Гарри медленно вынашивал его. И лелеял. По капле допускать в разум. Не торопил, разрешал себя дразнить, по чуть-чуть намекает, куда оно идет. Это поворотное нечто не определялось много, много недель, и, поддаваясь чувству, Гарри все больше углублялся в себя, излучая крайнюю безмятежность. На его лице неизменно играла улыбка, что отражала внутреннее сияние, будто он знал тайну, в которую больше никто не посвящен.

И возбуждение тоже было. Возбуждение росло и росло вместе с зародышем. Возбуждение предвкушения и опасений, невероятное, не похожее на все, что он знал и о чем мечтал, нераспознаваемое – его необходимо испытать. Гарри не мог сознательно определить – пока, – что именно произойдет, однако нутро его знало, дни шли, и он все ближе подбирался к этому знанию. И чем ближе подбирался, тем острее становилось возбуждение.

Поняв наконец, что будет делать, он удивился, отчего ему потребовалось столько времени, чтобы сообразить. Вроде бы так логично и просто. И очевидно. И с осознанным пониманием накатил новая волна возбуждения, неодолимый трепет. Если он так расслаблен, так свободен, так полон, всего лишь зная, что происходит нечто, но не зная, что именно, как же выросло его возбужде-

ние теперь – теперь, когда он знал, что не просто кого-то убьет, но будет обдумывать каждый поступок до, во время и после. Одна лишь кратчайшая мысль, самый поверхностный взгляд на ситуацию едва не парализовали возбуждением. Боже, какая радость. Какая беспредельная радость. И можно возвращаться к этой мысли в любое время, когда захочется. Всякий раз, когда раздражение мешало работе или начиналась эта чертова дерготня, Гарри мог остановиться – и всё, остановиться и подумать, как кого-нибудь убьет. Не нужно никуда идти, не нужно ничего делать – лишь замереть там, где он сейчас есть, и поразмышлять о казни, и мгновенно приходило не только возбуждение, но и освобождение от навязчивых терзаний. Всего-навсего. Где угодно. Вместо такси до Гранд-Сентрал он начал ездить на метро – просто опробовать действенность нового решения. Он позволял заталкивать себя в поезд вместе с остальными и прижимать себя к двери или повисал на ремне, стиснутый телами, и просто думал о том, что однажды сделает, и окружающее переставало существовать. Внутри царили только покой и власть. Невероятная власть. Неоспоримая. Власть, что сделала его неуязвимым для бичеваний, от которых он съеживался.

И с осознанием пришло наслаждение: из этого можно сделать игру. Хотя бы на первое время. Однажды убийству придется стать реальностью, но пока Гарри распалялся от самого соблазна. Вот что в этих переживаниях важнее всего. Можно откладывать действие почти бесконечно, и возбуждение лишь острее. Растить, холить и лелеять предвкушение. Вот что надо делать. Так он и де-

лал. Дразнил себя как можно дольше. Однажды поступок станет частью истории, но сейчас он просто соблазнял. Гарри сам создавал свое нетерпение. Гарри им управлял!

Прошло много недель, прежде чем Линда ощутила перемену в Гарри. Забота о двух детях требовала массу времени и сил. Гарри настаивал, что нужно взять кого-то в помощь по дому, но Линда твердила, что она мать своих детей и единственная, кто будет о них заботиться.

Она не вполне понимала, что изменилось, но перемена ее радовала. Это правда, Гарри снова стал молчаливее и реже шутил, но Линде это нравилось. Она любила тишину. Забота о двух детях учит ценить покой.

Но недели складывались в месяцы, и Линда почувствовала, что Гарри скорее замкнут, чем молчалив. Он по-прежнему улыбался и болтал, но что-то стало по-другому. Линда не могла ткнуть в это пальцем, но оно, чем бы оно ни было, ее беспокоило. Что-то не так, казалось Линде, хотя не находилось ни малейшей причины так думать. Линда очень тревожилась, ибо чувствовала себя почти под угрозой.

Невозможно с кем-нибудь – или с Гарри – это обсудить – в частности, потому, что говорить, собственно, не о чем. Гарри не обижал ее – и не игнорировал. Не было холодного безразличия – но в то же время он вроде бы реже к ней прикасался. Или ей мерещится? Иногда она так уставала, по-

стоянно вскакивая ночью и весь день занимаясь детьми, что уже сомневалась, не нафантазировала ли все это.

320

Затем она снова думала и понимала, что, видимо, нафантазировала. Откуда взяться проблемам? В конце концов, что тут такого странного, если люди со временем становятся молчаливее? Она усмехалась и в шутку выговаривала себе за то, что увлеклась своей жизнью, работой и детьми и забывает, что Гарри – очень занятой человек, у него масса обязанностей, и вполне естественно, что, приходя вечером домой, он ожидает покоя и тишины. Она снова усмехалась: в конце концов, мы женаты восемь лет и уже не так молоды.

Теперь Гарри ездил на метро пару раз в день. Он доказывал себе, что может отстраниться от толкотни, но не только в этом дело: он любил трепет и чувство власти, что приходили, когда поезд влетал на станцию и Гарри смотрел, как этот поезд приближается, манит, и грохот наполняет уши, и внезапно хлещет ветер, когда поезд с ревом проносится мимо. Гарри обонял спрессованный перед поездом воздух и почти различал, какого цвета у машиниста глаза.

Но ход времени и перемены неизбежны, и Гарри чувствовал, что время истекает. В эту небольшую игру нельзя играть бесконечно – это Гарри всегда знал и теперь быстро приближался к концу. Размышлять, обдумывать, планировать – все это уже не самоцель. Нужно принимать меры.

Уже несколько месяцев было очевидно, как он кого-нибудь убьет. Это просто. И никакого риска попасться. Большинство убийц (странное слово, он знал, что на самом деле оно к нему не отно-

сится) попадались – или, по крайней мере, опознавались, – потому что был очевиден мотив. Но даже если не очевиден, они всегда лично связаны с жертвой, и связь эту никак невозможно скрыть.

Само собой, мужчина связан с женой. Если она убита, его всегда подозревают. Его всегда тщательно проверяют. И обычно находят подружку. Или страховой полис. Или какое-нибудь доказательство того, что смерть жены ему выгодна. Мотив всегда очевиден.

321

И большинство убийств глупы. Обделены фантазией и интеллектом. Обычно совершаются в порыве страсти или отчаяния. Связь между жертвой и преступником выявляется через несколько минут после обнаружения тела. Вообще, судя по тому, что Гарри узнал, прочитав несколько книг на эту тему, умственно отсталый орангутанг мог бы раскрыть большинство убийств (он не собирался вновь использовать это слово). Обычно они распутывались сами собой.

Но Гарри не собирался убивать ради выгоды – по крайней мере, не в общепринятом смысле этого слова. Никакой денежной прибыли. Никакого роста власти или влияния. Никакой вендетты. Никакой уязвленной гордости или разбитого сердца... никакой личной связи. Так что никакой опасности. Никакого страха разоблачения. Не придется дразнить полицию и играть с предчувствиями, как при кражах (странно, каким чужим казалось это слово, будто не имело к нему отношения). Его никаким вообще способом нельзя будет связать с убийством. Проще некуда.

Абсолютный незнакомец. Как тебя поймать, если ты убил абсолютного незнакомца? Кто знает, сколько раз это случалось? Вот именно. Держу

пари, случалось. Много, много раз. И не только психопаты, что бродят по городам, убивая бесцельно. Или Джеки-Потрошители, которые выбирают определенный тип жертв. Но одноразовые происшествия. Наверняка время от времени кто-нибудь задается вопросом, каково это – убить человека, и затем выходит на улицу и убивает незнакомца. Их никогда не ловят. Это почти невозможно. Вмешаться способен только рок. А Гарри знал, что року все равно и он не станет возражать.

И еще Гарри хотел, чтобы это был акт милосердия. Ну, насколько возможно. Кому-то придется умереть – тогда пусть лучше этот кто-то не скучает по жизни, и пусть о нем не скучают. Гарри смотрел на мрачные измученные лица на станции. Что могла припасти для них жизнь? Поношенная рвань. Разбитые туфли. Засаленные рубашки и блузки. Наверняка живут в какой-нибудь кишашей тараканами дыре. Они явно не жили – они едва существовали. Они забыли, как улыбаться. Если когда-то и умели. Он сделает одолжение им и всему миру.

Он стоял, стиснутый в толпе на платформе в час пик. Рев поездов, мчащихся через тоннели и визжащих, тормозя на станции, заглушало громоыхание сердца. Это громоыханье затопляло Гарри. Голова словно вот-вот взорвется. Глаза будто большими пальцами вдавлены в череп. Все тело будто застряло в глотке. Приходилось нарочно следить за сфинктером. Мышцы сжимались, наконец как будто превратились в стальные ремни, что готовы лопнуть. Вдалеке он слышал поезд. Все громче. И громче. Гарри не мог дышать. От пота морозило. Руки и ноги немели от холода. Он в ужасе тряс головой. Он почти утратил зрение. Поезд громче.

[illegible]

от радости посмотрев вниз на хаос и аварийная бригада пыталась взломать двери чтобы добраться до машиниста который вырубился и рухнул на пульт управления головой в собственную блевотину и люди в поезде боролись и изо всех сил пытались встать и колотили в двери и визжали в окна а некоторые лезли в окно и царапали друг друга чтобы выбраться через крошечные щели и молили их выпустить и ладони и локти торчали из окон и люди на платформе выдергивали пассажиров наружу и Гарри хотел прокричать слова этому безумию под ним но лишь пробормотал их под нос пробираясь по лестнице отпихнутый в сторону тремя полицейскими что проталкивались через толпу и сделано сделано сделано...

Он больше часа не покидал окружающего хаоса и безумия и затем неохотно свалил, когда затихла последняя сирена и ушел последний любитель ужасов. Гарри стоял на лестнице, чтобы увидеть как можно больше. Полиция и медики протискивались на станцию, а за ними газетчики, фотографы, а потом телевизионщики с камерами и микрофонами. Вся эта судорожная суета, истерические крики, стоны и обморочные люди подпитывали возбуждение, держали его на таком уровне, что Гарри боялся, как бы не подкосились ноги. Он словно задыхался и то и дело казалось, что он рухнет в обморок, подобно многим другим, но он оставался в тесной толпе, и полиция и медики кричали, пробивая себе дорогу, и затем на обратном пути, вынося людей, которые потеряли сознание от сердечного приступа или просто истерики. Порой Гарри мельком видел тех, кого несли, и чуть не падал, замечая мозги, разбрыз-

ганные по лицам и одежде, и единственные слова, что он смог ясно различить в шуме и крике, были: Пришлось стирать его промокашкой.

Когда ушел последний полицейский и толпа начала редеть, Гарри разглядел мокрые пятна на платформе, колоннах и по стенкам лестницы, и еще на рельсах, где рабочие лили воду и терли. Последний газетчик и телерепортер ушли, опросив и сняв на пленку дюжины очевидцев кровавой трагедии.

325

Вскоре остались только обычные шумы (*стерли его промокашкой*), поезда с грохотом приезжали и уезжали, люди разговаривали, спеша мимо. Гарри заставил свое тело двигаться (*сделано, сделано*), и выбраться по лестнице на улицу, и взять такси до Гранд-Сентрал.

Острейшее возбуждение не отпускало, когда он ехал на поезде домой, слушая монотонное пение колес, – *Сделано, сделано... промокашкой, промокашкой... сделано, сделано... промокашкой, промокашкой...*

Когда Гарри вошел тем вечером в дом, вид его потряс Линду. Гарри был бледен, почти сер, и тем не менее пылал, а глаза остекленели, как в лихорадке; когда он двигался, его словно двигала некая внешняя сила или власть, будто он странным образом отстранился от самого себя. В сущности, своего мужа Линда в нем почти не узнавала. Она увидела, как он садится, и на нее накатила паника.

Ты в порядке, милый? Тебя как будто лихорадит.

Не знаю, – пожимая плечами и качая головой.

Я уже собралась звонить в полицию или в больницы. Ты так поздно, и не позвонил. Ты всегда зво-

нишь, когда задерживаешься, а когда ты не позволил, я подумала, может, ты попал в аварию, или бог знает что с тобой случилось. Ой, Гарри, я так рада тебя видеть, – обнимая его и целуя, – сделать тебе кофе или еще что-нибудь? Что случилось, дорогой, я с ума сходила от беспокойства.

Поезд задержали, – машинально обвивая рукой ее талию и кладя ладонь ей на бедро.

326

Неожиданно ее внимание привлек телевизор: в последних новостях диктор что-то сказал об ужасном происшествии в метро, и камера следовала за медперсоналом вниз по лестнице к платформе, и на миг на экране появился Гарри, – Гарри, это ты, – и камера продолжила свой путь среди воплей и криков толпы, а диктор описывал события, следовавшие за трагическим инцидентом. О боже, это ужасно. Ты там был, Гарри. Ой, какой кошмар. Не удивительно, что ты плохо выглядишь.

Гарри пялился в телевизор, ошеломленный тем, что видел, слышал, вспоминал и ощущал.

Остаток вечера он пребывал в полукомадном состоянии, и Линда, поняв, что случилось, не беспокоила его, а он одним глазом смотрел в телевизор, уверенный, что придет в себя, хорошенько выпавшись.

Гарри вскочил посреди ночи, и Линда быстро его успокоила: Все в порядке, Гарри, это просто Мэри. Я ею займусь. У нее зубки режутся. Он сел на край кровати, чувствуя, как желудок толкается в горло, как сквозь голову будто шомпол пробивается наружу. Неожиданно он зажал руками рот, и помчался в ванную, и начал блевать в нескольких футах от унитаза, врезался в стену и съехал на пол, давясь, и сел на пол и обнял холодный фаянс и блевал и давился – спазмы подходили так быстро

и неистово, что стало почти невозможно дышать, и ноги уже сводило судорогой. Это длилось целую вечность...

Прошло долгое мучительное время, и Линда приложила к его лбу холодные ладони и погладила его худой загривок, а он все рыгал всухую – капли зеленой желчи время от времени срывались с губ, и он прислонялся к поднятому стульчаку еще одну вечность, пока наконец не прекратил в изнеможении...

327

Он вытолкнул, вырвал себя с пола и умылся холодной водой. Он растянулся на спине в постели, наслаждаясь металлической пустотой, что объала его от коленей до рта. Линда убрала волосы у него со лба, и во взгляде ее страх граничил с паникой. Гарри посмотрел на жену и улыбнулся, его захлестнуло легкомыслие, эйфория, почти нереальность. Ты похожа на канарейку, которую только что проглотил кот. Линда тут же откликнулась на его улыбку и слова, и улыбнулась, и склонила голову набок. Ты был похож на умирающего.

Нет, – хихикая и обнимая ее, – просто съел что-то не то. Он притянул ее ближе и поцеловал в щеку и шею, и гладил ее, и медленно, медленно двигал ее ночнушку выше, пока она не превратилась в легкую оборку вокруг шеи, и рукой ласкал ее живот и бедра, целуя грудь и возбуждая сосок языком и губами, и прижался к теплу ее тела, и долго и роскошно занимался со своей женой любовью...

а затем погрузился в истощенный блаженный сон...

и лениво проснулся от упорства болезненной эрекции, и протянул руку, и поиграл с мочкой Линдиного уха, и нежно целовал жену,

пока она отчасти не пробудилась, и прижимался к ней всем телом, пока она не проснулась, и снова занялся с ней любовью с настойчивостью, какой не припоминал, и страстью, что почти пугающе им распоряжалась. Он ощущал и переживал все движения до единого с небывалой остротой и наслаждением, что лишь усиливались от страха, страха безграничной власти, страха, что гнал его дальше еще долго после того, как желание растаяло и вытекло из тела.

Наутро Линда была изумлена, и к концу дня изумление еще не выветрилось. Она отвезла Гарри младшего в школу, затем побродила по своим садам и Роще Уайтов. Она сидела у ручейка, сочившегося меж деревьев, надеясь рассеять смутную тревогу, что возникала, едва Линда вспоминала, с каким наслаждением они занимались любовью. Но от воспоминаний об этом неловкость только росла. Что-то не так – Линда снова это чувствовала, и на сей раз отчетливо как никогда. Сказать по правде, она боролась с предчувствием, говорившим, что назрела какая-то катастрофа. Линда смотрела на деревья и кусочек неба, что просвечивал сквозь ветки, и думала, и взвешивала, и все больше приходила в замешательство и беспокоилась, и наконец все отбросила, списав на ужасающее событие, которое Гарри вчера пережил; очевидно, эмоциональное напряжение было так серьезно, что повлияло не только на Гарри, но и на нее. Она вспомнила, что слышала о том, как ошметки бедняги брызнули по станции и на людей. Может, Гарри был одним из них. Она хотела спросить, но боялась: если это правда, вопрос для него слишком болезненный. Наконец она решила, что и все

эти размышления слишком болезненны и опасны. Она оставила ручеек, и пошла в сарай, и взяла садовые инструменты, и отправилась работать.

Гарри не пришлось напоминать себе об ужасном происшествии. Ему напоминали. Казалось, об этом говорили все. Заголовки кричали. Люди отодвигались от края платформы на фут. Будто весь город сговорился поддерживать в Гарри металлическую пустоту, напомнить ему, заставить вновь переживать вчерашнее обостренное возбуждение. Остальные чувства жаждали, чтоб их почувствовали и услышали, но их похоронили под собой другие. Во всяком случае, пока.

329

Переживая и вспоминая ужасное происшествие, он понял, что теперь не только можно не тревожиться из-за вонючих дыр, куда его заносило, и заражения венерической болезнью, но и по конторам и грязным фабрикам шарить больше не надо. Он знал абсолютно точно, что в жизни произошла важная и бесповоротная перемена.

Вчерашние события накатывали, и он пересматривал их с почти научной беспристрастностью и объективностью – подход, который он сохранил на много месяцев. Он как бы припоминал и был свободен от неодолимых стремлений, что раньше ему досаждали, и воскрешением сцены в памяти подгонял острое возбуждение.

Затем под властью времени начало формироваться смутное чувство, что беспокойно пряталось под остальными. И когда оно стало просачиваться в разум Гарри, он это чувство подавлял и пытался уничтожить, но оно не умирало. Оно пыталось крикнуть, что Гарри виновен, но ограничивалось невнятным шепотом, и Гарри сражался в неведении и страхе, и раздражение и корчи под

кожей неизбежно вернулись, теперь усиленные колесами поезда, что ежедневно тарахтели по тем же рельсам – тем же рельсам, тем же рельсам... сделано, сделано... промокашкой, промокашкой, – напряжение и давление битвы внутри Гарри Уайта постепенно копились, нарастали медленно, но уверенно.

330

Линда ощутила, потом заметила в нем перемену. Он был необычайно напряжен. Движения и реакции быстрые, почти судорожные. Сначала она решила, что, наверное, его заботит какая-то проблема на работе, но в прошлом, когда проблема была в этом, Гарри работал допоздна и был слегка замкнут. Теперь он уже много месяцев приходил домой рано и был не озабочен или замкнут, но крайне чувствителен, и эта чувствительность со временем переросла в раздражительность. Он не срывался на Линде или детях, но она видела, что детский гвалт раздражает его, будто нервы у него на коже и обнажены, и ему приходится бороться с собой, чтобы не орать на них чаще обычного.

Она все больше тревожилась и беспокоилась. Она не хотела навязываться или надоедать, но как-то вечером спросила, все ли у Гарри хорошо, и он рывкнул «да» и тут же сменил тему.

Его тревоги так ее терзают, в конце концов поняла она, что к разговору придется вернуться. Она подождала, пока дети уснут, затем спросила, как Гарри себя чувствует.

Отлично.

Она замялась, боясь продолжать, но еще больше страхась безмолвствовать. Ты уверен, милый? В смысле, может, что-то не так, а ты держишь это в себе, чтобы я не волновалась?

Все нормально. С чего вдруг такая настырность?

Прости, дорогой, я не подумала. Но я беспокоюсь.

Почему?

Ну, по-моему, ты нервничаешь... как будто тебя что-то беспокоит.

Тебе не о чем волноваться.

Линда помялась еще секунду, затем выпалила: Может, стоит позвонить доктору Мартину, как ты думаешь?

Зачем? – в голосе и взгляде удивление.

Я не знаю, дорогой, его имя просто как-то пришло на ум.

Слушай, мне нечего ему сказать, и ему, разумеется, нечего сказать *мне*. А теперь, если ты не против, я хотел бы закрыть тему моего здоровья.

Линда попыталась придумать, что бы такого сказать легкомысленного и ненавязчивого, но в голову ничего не приходило. Вскоре она встала, и пошла в ванную, и попыталась унять тревогу горячей водой и ароматическими маслами.

Колеса поезда все бубнили: *Сделано, сделано... промокашкой, промокашкой*, но месяцы ползли, и рефрен утратил свое влияние на Гарри. Со временем облегчение и возбуждение мало-помалу спали, оставив ему прежнее раздражение и тревогу, что грызли все сильнее. И, видимо, все очевиднее: Линда спрашивает, все ли с ним в порядке. Он не хотел ее отшивать, но не мог вынести вопросов. Некоторое время он вспоминал силу чувств после инцидента в метро, и воспоминание поглощало напряжение и тревогу, но постепенно не только перестало их поглощать, но и распаляло жар вины. Гарри вспоминал, что рассказывали в ново-

стях о семье человека – сделано, сделано... промокашкой, промокашкой – и съеживался, и краснел, и остро чувствовал себя на виду. Очень долго воспоминания о том, как он толкнул тело впереди, заряжали его возбуждением, избавлявшим от грызни внутри, но затем глухой стук и крики зазвучали громче, и вскоре тело уже протягивало руку, и хватало Гарри, и тащило за собой.

И затем новая напасть постигла его, или, скорее, выползла из глубин к сознанию. Тихий шепот стал ревущей неизбежностью. Гарри чувствовал, как этот шепот пробивается сквозь него, и кратчайшие моменты пытался сопротивляться и его отвергать, но затем сдался пред неоспоримым фактом: он это сделает снова. Это неминуемо. И, смирившись, он понял: если сделать это так же, никакого удовлетворения не будет.

Невероятно трудно было думать, как лучше сделать в следующий раз. Снова и снова, поразмыслив минуту-другую, он чувствовал, как подкапывает тошнота, и даже слегка дрожал. Затем до него дошло, отчего не поможет, если сделать так же, как в прошлый раз. Мало личной вовлеченности. Нужно больше личного контакта. Да, вот и решение. Он должен быть лично вовлечен. Полнее вовлечен.

И вновь возбуждение предвкушения отмело в сторону напряжение и тревогу, и он ощутил себя свободным. Но внутри знал, что нельзя думать об этом слишком долго: если думать долго, прежние чувства вернутся его терзать.

Эта последняя мысль пугала, ибо ныне Гарри вынужден был принять один неотвратимый факт: теперь, когда прежние чувства возвращались, они были гораздо хуже, чем в прошлый раз. И еще он

знал, что надо постараться не выпускать их наружу любой ценой, иначе они его уничтожат. Вне всяких сомнений, их нужно контролировать.

Когда все прочие вопросы были улажены, Гарри почти мгновенно понял, где и как произойдет следующее. Он наблюдал, как люди толпятся в лифте, и знал, что это произойдет в толпе. О метро он даже не думал. С того дня он не бывал в метро.

Но не только в метро бывают такие толпы. На открытом воздухе тоже. Стадион после игры. Масса вариантов. Однако лишь одно место было поистине в центре всего. Забито почти круглосуточно. Известно на весь мир. Идеальное. Таймсквер.

И на сей раз – ножом. Очень длинным и очень острым. Нужно проткнуть толстые слои зимней одежды, перед тем как пронзить тело. Все должно быть чисто и аккуратно. Зимней одежды такое изобилие, вряд ли проступит кровь. Какой-нибудь поварской нож. Пронести его в тонком бумажном пакете. Да, идеально. Спрятать нож. И быть неприметным. Никогда не выделяйся. Пожалуй, кого-нибудь высокого и крупного. Можно за ним спрятаться. Никогда не выделяйся. Мне ли не знать? Может, без толку. Наверное, нож должен пойти вверх. Столкнуться со встречным. Постараться в сердце. Можно... Нет. Нехорошо. Увидят. Даже если невысокий, все равно при-

дется поднять руку. Нет. Не подходит. В толпе тесно, толком не развернешься. Надо просто тычок. Если маленький, нож застрянет в ребрах. Надо осторожнее. Пронзить мгновенно. Негде маневрировать, некогда примериваться. Тычок. Резкий. По самую рукоятку. Ага, глубоко. Глубоко. Постараться пробить живот. Пощупать лезвием бока. Теплый и мягкий. Дергается. Влажный. Затем мокрый. Надо из-за спины. Кто-нибудь крупный. Пожалуй, двенадцатидюймовое подойдет. Длины хватит для любого. Под ребра. И вверх. Налечь всем весом. Почувствовать, как напрягется его тело. И стонет. Задыхается. Хрип и стон. Да. Сзади. Резкий тычок. Глубоко. Слышу, как входит. По самую рукоятку...

Он все думал и планировал – ком в груди разрастался, Гарри уже с трудом дышал. Лицо пылало, ноги и желудок сжимались и каменели, он знал, что ноги откажутся его держать, если он рискнет подняться. Хватит уже трепетать над планом, пора его воплощать.

Некоторое время он провел в магазине ножевых изделий, тщательно осматривая ножи. Выбрав один, он велел продавцу положить нож в обычный коричневый бумажный пакет.

Он неторопливо гулял в толпе на Таймс-сквер, пока не увидел нужного человека. Большого и широкого, в одежде какого-то строителя, что ли. Куртка до талии и на вид не слишком толстая. Гарри пошел за ним, почти вплотную. Человек был чуть не на голову выше Гарри. Шел напористо. Гарри смотрел на край его куртки. Видел на человеке широкий толстый ремень. Надо осторожнее, в ремень бы не попасть. Прямо над ремнем. Возбуждение билось в Гарри и едва не осле-

пляло. Он с трудом двигался. Хотелось подождать удачного момента, но он знал, что долго ждать не сможет. Его все время толкали, и время от времени кто-то оказывался между ним и строителем, и приходилось ускорять шаг и петлять, чтобы вернуться на позицию. Руки тряслись, когда он торопливо подбирался ближе. То и дело приходилось сильно сглатывать. Напряжение росло, и вскоре, Гарри знал, он просто медленно осядет посреди улицы. Они перешли дорогу, и пришлось быстро обежать машину, которая медленно ползла в толпе; он врезался в машину, и водитель дал по тормозам и заорал, но Гарри дальше следовал за строителем, пару минут похромав. Затем вдруг накатил людской поток, и их прижало друг к другу, и Гарри обеими руками схватил рукоятку ножа и пырнул им парня в бок, как раз под ребра, под входящим углом, навалившись всем весом и слыша, как нож с хрустом входит внутрь. Казалось, он прижимается к строителю вечно. Он чувствовал людей вокруг, чувствовал как тело оцепенело и дернулось вверх и назад и слышал гортанный стон и уловил даже тепло тела и его руки свело на рукоятке ножа и край куртки терся о костяшки и он унюхал цемент и песок на куртке, и знал что нож вошел до конца, до самого конца, и тело тяжело наваливалось на него и он знал что надо отпустить рукоятку и смотаться но отчего-то не мог и казалось будто он стоит тут уже несколько часов но он все еще крепко сжимал рукоятку и пульс строителя колотился у него под руками и человек наваливался все тяжелее и наконец руки Гарри скользнули с рукоятки и он шагнул в сторону увидев как скрюченные руки строителя хватаются за воздух и услышав раскат стоны из головы

в нутро и Гарри врезался в торопыгу-прохожего и отлетел вбок и продолжил свой путь по Бродвею как можно сильнее сосредоточившись чтобы идти нормальным шагом в вечернем потоке людей спешащих по Таймс-Сквер домой и распознал какую-то суету позади услышав глухой стук о тротуар и немногие: Эй, осторожней... Чё за дела, ты что, пьяный, что ли? и пробирался в толпе и кровь пульсировала за его глазами и только бы не подогнулись колени и он вот-вот взорвется...

Его сердце по дороге домой все еще колотилось. Колеса громко лязгали, *сделано снова, сделано снова*, и он отвечал еду домой, еду домой, и добравшись домой, отправился прямо под душ и стоял под душем до тех пор, пока вода не начала остывать, просто позволяя ей биться и скатываться с него и пытаюсь игнорировать небольшое раздражение в затылке, но не в силах его игнорировать, ибо он знал, что это правда, ему придется сделать это снова, и ощущал начало терзаний в недрах нутра и знал, что это лишь вопрос времени, недолгого времени, а потом бес вновь возьмется его пожирать, и надо будет найти какой-нибудь способ освободиться от скручивающего напряжения и грызущей тревоги.

Внутренняя битва за контроль над собой началась гораздо раньше, чем он предвидел. После случая в метро до начала корчей прошло много, много месяцев, и миновал почти год, прежде чем ему пришлось сделать это снова. На сей раз хватило всего нескольких недель.

Он больше не контролировал себя, думая о том, что сделал. Обычно он мог подавлять эти мысли работой, но временами картина возникала

перед ним внезапно, и теперь он постоянно разворачивал строителя к себе, чтобы взглянуть в лицо или, что еще хуже, порой ночью из черноты сна лицо плыло перед ним или просто появлялось неожиданно и висело, открыв рот в безмолвном сто-не, и черты сливались и текли, но лицо оставалось тем же. Гарри изо всех сил старался отогнать его криком, но погружался в мучительное и нелепое безмолвие, пока не пробуждался наконец от собственного вопля, и сидел на краю постели, отделяясь кивком и ворчанием в ответ на Линдины вопросы и попытки его утешить.

Невольно, несмотря на свою беспрестанную битву, он ловил себя на раздумьях о следующем разе, и пытался выкинуть эту идею, откуда-то в голове выдвинуть штору и эту мысль прикрыть, но затем разум толкал его в толпу наблюдающую за парадом в честь Дня святого Патрика на Пятой авеню и он чувствовал как пальцы на ногах напрягаются и скрючиваются и слышал как скрежещут зубы и чувствовал острую боль в челюстях борясь с этой картиной но она постоянно возвращалась не давая ему покоя и он бросал бумажный пакет и проталкивался через толпу но чертов пакет всякий раз возвращался к нему и казалось рукоятка сделана специально для его пальцев, держится как влитая будто растет из них и как он ни старался не получалось избавиться от ужасающего ножа и он прятал руки за спину и пробивался через толпу, но по-прежнему чувствовал нож, и набрасывался на работу, пока видение парада и пакета не мутнело в темных уголках разума и временами не переставало существовать...

и затем он сидел вечером в поезде и ощущал и слышал его громохание: сде-

лано, сделано... промокашкой, промокашкой...
сделано снова, сделано снова... еду домой, еду до-
мой... сделано снова, сделано снова, сделано сно-
ва, и снова, и снова, и снова...

340

и знал, что лицо придет среди ночи и повиснет перед ним, текучее и неизменное, и ужасный рот раскрыт в мучительном безмолвном крике, и постепенно он все больше боялся засыпать, думая, что бодрствование – единственный способ бороться, и ложился спать все позже, читая книгу или делая вид, будто у него важная работа, которую нужно выполнить, или просто лежал в постели, усилием воли не закрывая глаз, желая просто вырубиться и надеясь, что тогда он не увидит лица, но по-прежнему видел его, не каждую ночь, но довольно часто, и боялся уснуть, боялся не только из-за агонии в лице и безмолвия распахнутого рта, но и потому, что знал: однажды ночью рот заговорит, заговорит с ним, а он не желал слышать то, что рот скажет, и потому с каждым днем, каждой ночью – и снова, и снова, и еще, и еще, и еще, – он все больше чувствовал себя загнанным, и выглядел загнанным, и нередко поглядывал на календарь, отсчитывая дни до Святого Патрика, когда проклятым болванам понадобится надеть зеленые галстуки и долбаные идиотские шляпы и есть помои из вялой солонины и капусты и напиваться и ссать зеленым, шли дни и недели, и Гарри выглядел как человек, изуродованный редкой и коварной болезнью, изо всех сил старался не засыпать и шторами закрывал темные углы разума снова, и снова... и еще...

А Линде оставалось только наблюдать, и тревожиться, и молиться. Она знала – не только по опыту, но в ос-

новном по глубокому внутреннему убеждению, – что бесполезно говорить с Гарри, спрашивать его, в чем дело. Так что она в безмолвии наблюдала, как некая невидимая сила пожирает любимого человека. Медленная и неуклонная перемена словно гипнотизировала ее. Когда они разговаривали, голос Гарри будто шел через тоннель, и в голосе звучал каменный холод, и Линда чувствовала очень глубоко и болезненно, что на самом деле Гарри в разговоре не участвует, что его мысли и внимание где-то далеко.

Она знала, инстинктивно и абсолютно, что другой женщины нет, и поэтому решила остаться несмотря ни на что. Ей не пришлось сражаться с мыслью о другой женщине просто потому, что эта мысль ее не посещала.

Время от времени Линда пыталась собраться с духом и разбить преграду между собой и Гарри, но порыв отчего-то не выживал, и наступала какая-то странная и незнакомая апатия, и потому Линде оставалось только наблюдать, и тревожиться, и молиться.

До самого 16 марта Гарри не сознавал, что День святого Патрика будет в субботу. За последние недели он сто с лишним раз проверял дату на многих календарях, но только сейчас в затравленном разуме проявился день недели. Суббота! Боже мой... Суббота!!!! Одеревенелое тело почти растворилось в потоке облегчения. Можно остаться дома. Не нужно ехать в город. Не нужно *гонать* рядом с парадом. Можно посидеть дома взаперти. Не нужно подходить к станции или даже слышать поезд. Он в безопасности, дома. Он услышал, как эти слова прокатились в голове, и едва не усмехнулся – в безопасности дома.

Утром 17 марта он был чуть оживленнее, гораздо оживленнее, чем за многие месяцы. Линда тут же откликнулась и напевала себе под нос, готовя семье завтрак. Гарри съел больше, чем ел с тех пор, как... Линда не могла вспомнить, с каких пор. Он съел два яйца, канадский бекон, картофель домашнему и поджаренные английские оладьи. Гарри-младший ел то же самое, только порции поменьше.

342

Почти как яйца-бенедикт.

Да, – улыбаясь, – похоже. Они просто слегка растеклись, и им кое-чего недостает. Ужасно вкусно. Правда, сынок?

Да, пап, еще как вкусно.

Смешки и хихиканье продолжались, дети доели и пошли смотреть свои мультики. Линда и Гарри сидели за столом, и пили кофе, и болтали – Линдина память и восстановить не могла, когда они это делали в последний раз. Солнце сегодня сияло не только снаружи.

Гарри-младший в восторге закричал, что по телевизору парад, быстрее, быстрее. Гарри и Линда пошли к детям и стали смотреть, как миниатюрный мэр – которого сделали почетным ирландцем, да еще со вставными зелеными зубами, – вел парад по Пятой авеню. Бесконечные колонны девушек в зеленых юбках, зеленых ботинках и зеленых шляпах вертели зеленые жезлы; и люди толпились вдоль Пятой авеню, глаза на парад, и зеленые ленты, и значки, и флаги «ERIN GO BRAGH»¹, и зеленые галстуки, и зеленые носки, и – Гарри был уверен – кто-нибудь в зеленых трусах, и еще до вечера этот кто-нибудь несомненно продемонстрирует свой наряд. И, разумеется, был неизбежный при-

---

1 «Ирландия навек» (гэл.).

дурок, или шутник, или протестант с оранжевым галстуком, и еще до ночи он умоется собственной кровью.

Гарри болтал, пил кофе и смеялся над глупостью на экране, но болтовня и смех постепенно становились все злее, затем пошли на убыль, и наконец Гарри совсем замолчал, и заскрежетал зубами, и сжал кулаки, уставившись на тупых, блядь, ослов с их проклятым папским дерьмом, и ему хотелось завопить в телевизор, что если б из Ирландии изгнали этих долбанных священников, а не безобидных змей, люди зажили бы куда лучше, особенно если б тратили деньги на пищу и противозачаточные таблетки, а не на виски и развратную хитрую церковь и идиотские парады, где только и делают, что расхаживают туда-сюда по улице, как аборигены, каковыми они и являются, особенно эти мужики с прозеленью, все в синем, которых хлебом не корми, дай поймать какого-нибудь бедного, безнадёжного и беспомощного чернокожего или пуэрториканца и раскроить ему череп дубинками по той лишь причине, что им охота это сделать, и бросить тело в мусорный бак и затем вытолкнуть Эйба Релиса¹ из окна, чтобы не беспокоить городских шишек и...

343

я пойду
прогуляюсь, и он гулял меж деревьев, своих деревьев, по своей частной личной роще – *и снова, и снова, и снова*, – пытаюсь заполнить кричащую

---

1 Эйб Релис (1907–1941) — гангстер из преступного синдиката «Корпорация “Убийство”», должен был стать главным свидетелем на процессе против одного из основателей синдиката Альберта Анастасии и в присутствии шестерых полицейских таинственно погиб, выпав из окна гостиницы, где его держали под охраной до суда.

голову птичьим щебетом, а глаза и скрюченное вопящее тело – свежей зеленой жизнью весны, но почему-то зеленый цвет все равно был дерьмов, нутро и поясница болели и корчились от слабости, и он слышал эти долбанные тупые барабаны, они били и били, а мерзкие бабы махали ногами и кружились, и черт с ним, у него есть деревья..... Вы слышите? Черт побери, деревья ебаные, и они мои, каждое ебаное дерево, и мне не нужен никакой на хер парад и телки в зеленых ботинках – *и снова...* а где птицы, черт бы их взял, почему они не поют??? Пойте, сукины дети, пойте – *и снова, и снова*, – вы меня слышите???? ПОЙТЕ!!!!

Почему вы, Христа ради, не поете мне? Прошу вас. О, пожалуйста, спойте мне. Заполните мою голову песней и заглушите визг толп, чудовищных толп, стиснутых, стиснутых так плотно – *и снова*, – что человеку и упасть не дадут – *и снова*, – если он потеряет сознание, или его хватит удар, или – *и снова* – Нет! НЕТ!!!! – *и снова* – прошу вас... пожалуйста...

Он стал на колени на мягком зеленом мху и посмотрел на свои руки и на деревья, на ветвях столпились новые листья и почки, некоторые скорее желтые, чем зеленые, и солнце озаряло их свежесть, и Гарри посмотрел вверх на множество ветвей, что тянулись и раскидывались на фоне неба, и свет косо падал сквозь них, и он поднял было руки, затем уронил их и встал – *и снова, и снова, и снова, и снова* – и пошел по своей роще, трогая деревья и лаская их, отчаянно пытаясь затопить голову щебетом птиц, которые были тут, он знал (он видел их, черт побери, почему же он по-прежнему слышал дебильную толпу?), и обхватил руками белую

березу, и обнял ее, и прижал к груди – *и снова, и снова, и снова*, – и цеплялся за нее отчаянно, пытаясь безмятежностью своей рощи угомонить вопящую и давящую людскую тесноту, но тела держали его и тягали, и внутри стояла тошнотворная суматоха, и голова кричала, вопила и молила о покое, и он чувствовал щекой нежную, прохладную белизну березы, и печаль переполнила его, пока ему вновь не показалось, будто он тонет в потоке своих страхов, и он завопил на свою рощу ПОМОГИ МНЕ! ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, ПОМОГИ МНЕ! И он крепче обнял свою березу и удивился, почему она не помогает: как это может быть – все это мое, и оно мне не помогает? Позади меня дом, прекрасный дом с любящей семьей, а нутро мое полно крыс и червей, что пожирают меня заживо. Сад, моя собственная роща с ручейком, а внутри ворочаются битые бутылки и ржавые жестянки. Не помогает. Ничего не помогает. А что еще есть??? И Гарри отчаяннее вцепился в свою березу, свою прекрасную, молодую белую березу – *и снова, и снова, и снова, и снова, и снова*, – и внутри него росла гниль разложения, и он пытался выплюнуть ее, но мог лишь терпеть мерзость, которой она заполняла его рот, и снова...

Линда весь день улыбалась и мурлыкала себе под нос, и дом полнился теплым солнечным светом, пока Гарри не вернулся из рощи. Линда увидела, как он подошел к креслу и сел – и опустела внутри. Мир посерел и постепенно темнел все больше. Она занималась делами, равнодушно кормила детей, умывала им мордашки и отвечала на вопросы, почему-то чувствуя, что все это – безнадешный обман, и ругая себя за то, что так легко позволила воспрянуть надежде. Линда, казалось,

не могла сдержать надежды, но теперь над Линдой насмеялась некая сила, гораздо могущественнее, чем она сама.

346 Удушающая серость повлияла и на детей. Они восставали против Линдиных колючих касаний мочалки и начали ссориться друг с другом, и Мэри необъяснимо завывала, захныкала, заплакала, а Линда заорала на них и спросила Гарри-младшего, что он сделал сестре? Ничего. Я ничего не делаю, – Мэри закричала и затопала ногой, – Тихо, ради бога. Гарри, оставь сестру в покое, – Но я ей ничего не делал, – Мэри что-то закричала, – Я ничего не делал, ты врунья, – Не называй свою сестру вруньей, – Ну, она же врет, – А ты оставь ее в покое, – Но я ее не трогал, – Мэри кричала все громче, – Не трогал, не трогал, – Если я сейчас войду, ты об этом пожалеешь, – Мэри все кричала и кричала и кричала, – Отдай, негодник, – Вот! Я не собираюсь это больше терпеть, – и Линда отшлепала их и отправила по комнатам и они были за закрытыми дверями и Линда попыталась налить себе кофе и ее так сильно трясло что она пролила горячий кофе себе на руку и уронила чашку и ее заколотило так неистово что пришлось опереться о стену чтобы не упасть, затем она пошла в ванную, и прислонилась к закрытой двери, и зарыдала

и Гарри хотел бы – *и снова, и снова*, – Иисусе, как-нибудь это исправить... как-нибудь что-нибудь, но только и мог слушать скрежет своих челюстей, и сжимать подлокотники, и чувствовать, как мир постепенно – *и снова* – рушится и растекается, как лицо, что возникало по ночам.

На следующей неделе жизнь пошла еще хуже. Пререкания и крики и рыдания и вопли начались, не успел Гарри толком встать, когда он еще пы-

тался пробиться обратно в сон и не проснуться, но шум выгнал его из постели, и к тому времени, когда Гарри сел завтракать, шум достиг апогея, но затем неожиданно поутих, едва Гарри сел за стол, и Линда говорила с детьми тихо и просила их есть и не галдеть и оставить друг друга в покое и Мэри не нравилась овсянка а Гарри-младший возил овсянку по тарелке и пролил на рубашку и Линда затряслась от ярости но сдержалась и вытерла овсянку с рубашки и угрожающе велела Гарри-младшему быть аккуратнее и поторапливаться и доесть иначе он опоздает в школу и он сказал что не любит овсянку а потом закричал на Мэри чтоб она перестала лягаться и лягнул ее и Мэри завопила и заплакала и стала лягаться и Гарри-младший завопил и стал ее лягать и Линда крикнула им чтоб заткнулись, а Гарри сидел и пил кофе, уставившись прямо перед собой, и Линда прекратила детскую драку, но оба продолжали вопить и Гарри-младший сказал что не хочет овсянку и швырнул ложку и Линда сказала пожалуйста прекрати и ешь и он завопил НЕ БУДУ, НЕ БУДУ! И Мэри завизжала а Гарри-младший все ныл и Линда заорала на них и вдруг Гарри дал сыну пощечину и сбил его со стула

Мгновенная тишина, Линда в шоке глазела на него, раскрыв рот, Мэри быстро моргала, а Гарри-младший смотрел снизу вверх в изумлении безмолвный рот открыт, лицо кривится все злее, – лежа на полу, застыв, по-видимому не дыша, как и все остальные, и тут Мэри захныкала в страхе и Гарри-младший удрал почти ползком к себе в комнату где заплакал и завыл и Мэри хныкала все громче и Линда инстинктивно обняла ее и в смущенном изумле-

нии уставилась на Гарри а Гарри встал – его голова кричала, умоляла простить его, но неспособна была говорить или понимать – и увидел Линдины глаза и умоляющий вопрос в них и хотел закричать Я НЕ ЗНАЮ ПОЧЕМУ! но смог лишь отвести взгляд как можно быстрее и уйти.

И снова,

348

и снова, и снова, и снова, – Гарри пытался успокоить буйство внутри, но не находилось такого русла, куда бы он мог направить мысли, а очистить их было невозможно. Они скакали и метались от женщин к вонючим лачугам, где он в итоге оказался, и нос горел, когда Гарри оживлял в памяти смрад, и со стыдом вспоминал конторы и свое мелкое воровство, но это было скучно и бесполезно, и его, несмотря на протесты, волокло к платформе метро и Таймс-сквер – *и снова, и снова,* – и к лицу, и текущие черты лица, и рот открыт в мучительном и безмолвном крике, и на лице сына кричит красный отпечаток отцовской руки, открытый рот, тишина пронзает Гарри насквозь – *и снова, и снова, и снова,* – и казалось, куда бы Гарри ни пошел, агония внутри оживлялась, и как бы сильно он с ней ни боролся он все равно оказывался на платформе и шел по Таймс-сквер и глаза сына сверлили его и все в нем проваливалось и он никак не мог проглотить мерзкий свинцовый привкус во рту и пытался отвернуться от образов но они не уходили и вина терзала и сочилась сквозь поры и мучительной струйкой насекомо ползла по бокам и спине – *и снова, и снова, и снова, и снова,* – и «Уолл-Стрит Джорнал» не помогал и Гарри не мог разглядывать мельтешение пейзажа через разбитые ограды и телеграфные столбы и провода или внезапную тьму тоннеля когда по-

езд нырлял под землю, и люди будто сдавливали его такси и его почти подмывало часть пути до конторы пройти пешком обойдась без лифта но сорок три этажа это чересчур и он терпел поездку и все сложнее дышать, и добравшись до кабинета он закрыл потом запер дверь и сел за стол неловко ощущая потную одежду натирающую тело и по-прежнему разбитый сидел за громадным столом в роскошном кабинете, и смотрел через плечо в громадное окно на город, и задвинул шторы, и отчаянно пытался разогнать силы что сдавливали его но не мог найти никакой защиты от них, почти думая помолиться но быстро заталкивая зародыш мысли в какой-то темный угол и пытаюсь вырваться из напряжения глубоко вдыхая но не в состоянии дышать достаточно глубоко чтобы разодрать путы и ослабить раздражающий гнет в груди – *и снова* – и сын смотрел на него и отпечатки пальцев прожигали его плоть и Гарри обхватил голову руками и покачал ею и тихо застонал борясь с удушьем, отрывистыми вздохами проталкивая воздух в глотку и он дрожал и проживал бесконечный день заставляя себя работать еще и еще и еще и еще и еще, и снова...

В неделю перед Вербным воскресеньем он, казалось, старел не по дням, а по часам. Навязчивое давление внутри почти равнялось давлению работы снаружи. Многонациональная организация пыталась ослабить и в конечном итоге уничтожить международный синдикат корпорации. Гарри и другие члены совета знали, что он способен выработать стратегию и сохранить целостность синдиката, но все зависело от скорости. Существовала конечная дата, 15 апреля, и если план реорганизации не будет готов, все проек-

ты, над которыми Гарри несколько лет так усердно трудился, исчезнут в мгновение ока, и фирма обрушится в финансовый хаос. Поэтому он и дальше пытался избавиться от метаний, целиком отдаваясь работе, но и эта решимость неуклонно разъедалась. Работать он еще мог, но затравленный разум над ним насмехался. Он работал в бестолковой апатии, что для него неслыханно, и мало того – ужасы не отпускали его разум, ужасы пожирали его плоть и вгрызались в кости.

На той неделе он каждый день обедал с Уолтом и Кларком Симмонсом, и каждый обед начинался одинаково: Как идут дела, Гарри? Отлично, не о чем беспокоиться, – и он съеживался внутри, слыша, как лжет, и молился о том, чтобы пережить еще один обед, чтобы вернуться в прибежище кабинета, полным решимости наброситься на работу с былой энергией, чтобы и впрямь не о чем было беспокоиться. И затем они спрашивали, как он себя чувствует: Ты совсем неважно выглядишь. Ну, я, кажется, что-то подхватил, но со мной все в порядке. Пройдет.

Уолт и Кларк волновались, глядя на Гарри, который, очевидно, боролся с каким-то вирусом, но просто напоминали себе, что он сможет работать, – он мог работать в прошлом, и нет оснований считать, что не сможет теперь.

Гарри смирился с песнью рельсов и позволял ей убаюкивать себя до почти приятной дремоты. Он игнорировал газеты – и снова, и снова, и снова, и снова, – лязг поезда проносился сквозь него, и он не сопротивлялся. Вставая в поезде перед своей остановкой, он уже не потягивал шею и не распрямлял плечи, но пригибался и шел сгорбившись, как человек на два дюйма выше, чем потолок.

Безнадежность и ужас будто шли впереди него, когда он тащился по дорожке к дому.

Линда старалась занимать свои мысли делами по дому и заботой о детях, и одергивала себя, чтобы ни о чем не спрашивать Гарри и ничего ему не говорить. Мучительнее всего для нее были эта безнадежность и недостаток силы. Она отчаянно хотела помочь человеку, которого любила, человеку, который распадался у нее на глазах, но, хотя постоянно ломала голову, не могла найти решения. Никакого решения для Гарри – или для себя, – но знала, что должна терпеть и не оставлять попыток.

Гарри немо отправлялся в постель, отчаянно пытаясь не видеть, что Линда с каждым днем все хуже и измученнее, а потом будил себя воплем посреди ночи – пот жалил глаза, и Гарри судорожно пытался дышать и развеять образ, что висел перед ним, проклятое текучее лицо, рот распахнут в ужасном немом крике...

и затем изо рта выплывало лицо сына – глаза смотрят в вопрошающем ужасе и слабо дымятся отпечатки пальцев Гарри на щеке...

и затем он различал проблеск света где-то в темноте за текучими и неизменными лицами – света будто в вечной дали, и все же Гарри чувствовал, что свет может вспыхнуть перед ним и засосать его в своем вихре. И он боролся со светом, пытаясь отрицать его существование, а свет медленно тащился все ближе, точно какое-то неуклюжее создание с подвернутой или сломанной ногой, и Гарри пытался отогнать свет криком и покончить с ним, и лица по-прежнему сливались, пока он вновь не просыпался, вытирая с лица жалящий пот, и садился на край постели,

пытаясь не замечать тьму вокруг и равно боясь света, отчаянно цепляясь за некое подобие силы, но ужасы в голове просто насмехались над ним, и он сидел, зажатый между силами и страхами света и тьмы, пока не падал, выдохшись, на спину и не засыпал на пару жалких часов, и затем стаскивал себя с кровати, чтобы начать новый день, такой же, как вчерашний, который закончится кошмарной ночью вроде той, что Гарри только пережил.

Для Линды Уайт эти дни были почти невыносимы. Солнце яркое, небо чистое, повсюду распускалась и расцветала новая жизнь, однако в Линдиной жизни не было радости. Пасха для нее всегда была особым временем, и Линда предвкушала, как купит Мэри пасхальный наряд, но теперь ей пришлось заставить себя пойти в магазин, и она купила первую попавшуюся вещь, которая, кажется, подходила по размеру.

Дети тоже с нетерпением ждали Пасху. В этот год Мэри впервые получит пасхальную корзину, и ее очень волновал пасхальный кролик; и Гарри-младший с нетерпением ждал весенних каникул и ночевок у дедушек с бабушками, но зловещая атмосфера в доме приглушала их восторг.

Линда пыталась пойти в магазин за корзинами, желейными конфетами, шоколадными кроликами и зефирными курочками, за краской для яиц и другими пасхальными радостями, но все откладывала на завтра, не в состоянии собраться с силами или найти их в себе, и сидела в доме, который так сильно любила и лелеяла, и чем дольше она откладывала, тем отчетливее чувствовала, что поймана в ловушку, и тем больше погружалась в уныние, говоря себе, что завтра все будет по-другому.

Вербное воскресенье расцвело ярким солнцем, ясным небом и освежающей прохладой ранней весны. Линда и дети были во дворе, а Гарри сидел в доме один, наполовину слыша и наполовину игнорируя телевизор, который рассказывал о событиях дня.

Он начал сосредоточиваться, услышав фразу «специальный репортаж», несколько раз повторенную. Потом экран заполнился толпами людей на улице. Тысячи людей. Гарри не понимал, где они находятся, но все равно – набились, как сельди в бочке. И на заднем плане, кажется, парк. Ему вдруг ужасно захотелось узнать, зачем все эти люди собрались. И затем он расслышал голос диктора, который сообщал, что на заднем плане виднеется Центральный парк, Гарри смотрит на Пятую авеню, а здание, на котором время от времени останавливается камера, – это больница, та самая больница, где Гарри провел несколько дней. Он разглядывал бесконечную массу людей, его любопытство росло – и в это чудесное Вербное воскресенье, как видите, буквально тысячи людей собрались здесь в ожидании появления кардинала Летермана. Некоторые здесь уже несколько часов, приехали рано, чтобы занять удачные места, откуда можно увидеть кардинала. И сегодня действительно прекрасный день для возвращения – можешь показать парк, Фил? Да, вот он. Как видите, повсюду зелень, и даже утки в озере, похоже, скользят по воде, сознавая торжественность события. Поистине прекрасный вид – холмистая мягкость травы и величественные небоскребы на заднем плане, на фоне голубого неба и белых облаков, проплывающих над головой и... О да, ну разве не великолепно – здания и небо, отраженные в

озере, – камера все приближалась, пока экран не затопило знакомое озеро, и в воде четко отразился задний план, – Погодите, дамы и господа, кажется, возле больницы какое-то оживление. Возможно, это выходит кардинал Летерман, – камера переметнулась ко входу, – я вижу – да, да, вот он, дамы и господа, – толпа неожиданно взревела, и люди подпрыгивали, чтобы рассмотреть получше, а некоторые взобрались на крыши автомобилей, и каждый кричал, и многие размахивали крестами из вербных веточек, – вон санитар открывает дверь, и возлюбленный кардинал Летерман стоит у входа в больницу, машет народу, улыбается, и, похоже, по лицу его текут слезы при виде этого беспрецедентного и совершенно невероятного искреннего порыва тысяч людей всевозможных верований. И это, пожалуй, самое поразительное и знаменательное в том, что здесь сегодня происходит, дамы и господа. Это проявление любви – только послушайте их, – и расположения к одному из самых почитаемых и уважаемых людей мирового духовенства основаны не на догме или теологии или даже религии, но есть излияние чувств представителей любых конфессий: протестантов, иудеев, а равно и католиков, и приверженцев других вероучений, и, я уверен, тех, кто никакой религии не исповедует. Это безусловно небывалая награда за жизнь в любви, молении, служении и доброте, которую вел этот человек последние семьдесят пять лет. Как видите, непрерывно сверкают вспышки фотоаппаратов, и людям так не терпится явить свой восторг и свою любовь к этому великому, великому человеку, что задействованы крупные подразделения нью-йоркской полиции, дабы защитить кардинала Летермана от его поклонников... Погодите

минутку, дамы и господа. Он воздевает руки, прося тишины, на толпу опустилось молчание, и, как вы видите на своих экранах, на лицах людей слезы любви и благодарности... Дамы и господа, кардинал Летерман...

Дети Божьи... Моя жизнь полна бесчисленных сокровищ через благословение Иисуса Христа, Господа Бога нашего, но без сомнения этот день – самое большое сокровище из всех. Поистине чаша моя переполнена. Разумеется, не бывает человека благословеннее меня и не бывает человека менее достойного, ибо я не более чем грешник. Быть может, не более и не менее, чем любой другой человек, но все же грешник. Однако наш Господь милосердный даровал мне бесчисленные дары, включая и дар жизни, и показал мне жизненный путь, на котором я могу, пусть незначительно и скромно, стараться прославлять Его имя. И хотя я недостоин Его даров, я могу лишь принять их и ответить: да сбудется воля Твоя, но не моя, и надеяться, и молиться, дабы стать инструментом мира Его... Как вы знаете, шестьдесят четыре дня назад со мной случился сердечный приступ, и меня доставили в больницу, где по прибытии признали мертвым... да... мертвым! Однако сегодня я жив благодаря милости Божьей, а также уходу преданных и верных служителей медицины. И как это уместно, что я снова пройду по любимым улицам в этот день, день, что знаменует въезд Спасителя нашего Иисуса Христа, уже знающего, что близится конец его земного служения, в священный город Иерусалим в то первое вербное воскресенье. Случилось так, что его предали и распяли на кресте, и он претерпевал, дабы мы узнали: через смерть во Христе

мы все можем обрести жизнь вечную. Сегодня я – живое чудо. Человек, вернувшийся с того света... Следующее воскресенье, пасхальное воскресенье – важнейший день во всем христианском мире, когда мы празднуем торжество жизни над смертью. И для того, чтобы я смог хоть как-то отблагодарить Всемогущего за чудо моего второго рождения и воздать хвалу Господу нашему Спасителю, я буду причащать в соборе Святого Патрика в этот самый благоговейный из дней, в пасхальное воскресенье...

Дамы и господа, я едва в силах говорить. Все вокруг в слезах. Кардинал Летерман плачет так же открыто, как все мы, и когда он благословляет людей и ему помогают сесть в машину, лицо его – одна сплошная улыбка. Вы слышите, над толпой по-прежнему висит тишина, и, как видите, все замерли в глубочайшем почтении к этому человеку, столь повсеместно любимому, что его называют не только Божьим человеком, но и человеком мира, и любят все до единого, какому бы Богу ни поклонялись. Его машина медленно отъезжает от обочины и... О боже мой, дамы и господа, люди отделяются от толпы и опускают вербные ветки перед машиной кардинала. За тридцать лет на телевидении я ни разу не видел ничего подобного. Машина кардинала еле движется, а мужчины, женщины и дети выходят на середину улицы, чтобы положить свои вербы. Это величайшее проявление любви, что я когда-либо видел, и стоит ли говорить: никто не заслуживает этого больше, чем кардинал Летерман. Насколько может охватить взор, вдоль Пятой авеню все опускают ветки на землю и кланяются, когда машина кардинала медленно проезжает мимо, а кардинал благословляет людей...

Гарри смотрел на телеэкран пока машина кардинала Летермана ползла по Пятой авеню и в конце концов изображение потускнело и показалась телестудия и Гарри, сообщил диктор, только что видел специальный репортаж службы новостей и голос быстро приглушился до гула а Гарри все смотрел перед собой, не замечая и не слушая...

Голос все бубнил и бубнил, а Гарри сознавал только пустоту внутри, и пустота росла и будто закручивалась на горле, – пытаясь стянуть его вниз, в вращающуюся тошнотворную бездну. Он прижал руки к животу и крепко потер, бессознательно пытаясь заткнуть дыру в нутре и прекратить ветер, что дул сквозь нее.

Он сидел и смотрел – погрузив руки в нутро – краткую мучительную вечность. Картинки мельтешили и дергались на экране, пошла серия рекламных клипов, но Гарри не видел их и не слышал. Он смотрел. Он смотрел из пустоты в пустоту. Из бездны в бездну – из конца в начало...

Он медленно... поднялся. Пустота глубже. Бездна глубже. Рот пылал свинцом. Первое движение оказалось мучительно. Он замер. Кружилась голова. Он стискивал живот. Двинулся. Взял куртку. Вышел из дома.

Поезд – и снова, и снова, и снова, и снова, и снова, – город и бесконечная поездка в метро – промокашкой, промокашкой, – и прогулка к спортивной площадке, и Гарри, игравший на правом центре, по глухому стуку биты бросился к забору. Тренеры «Свенсонов» махали руками и кричали на своих

товарищей, чтобы те бежали, да беги же, сукин сын, и игрок с третьей почти в доме, а игрок со второй на полпути, и тут Гарри подпрыгнул – рука в перчатке высоко над головой – и врезался в забор на долю секунды раньше мяча, и мяч шлепнулся в его перчатку. Гарри отскочил от забора, держа мяч обеими руками, перекатился на бетоне, прижимая мяч к животу, распрямился и встал и швырнул мяч игроку на первой базе, и тот сначала легко обошел противника, а потом перекинул мяч игроку со второй базы, и вышел стремительный простой трипл. Все «Свенсоны», а также их фанаты стояли, открыв рты, не веря своим глазам. Гарри улыбался от уха до уха, рысцой убегая с поля – «Кейси» и их фанаты вопили, улюлюкали, свистели и запрыгивали на него и били и шлепали его по спине и швырялись в него перчатками, и когда Гарри встал отбивать на базе было двое и питчер посмотрел на него не скрывая злости и швырнул первую подачу Гарри в лоб и Гарри отдернул голову и улыбнулся питчеру а «Кейси» вопили и кричали и обзывали его диким охотником за головами и «Свенсоны» вопили, ноу-хиттер, легкий аут, и Гарри шагнул на базу и пропустил еще подачу но питчер послал следующую и Гарри потянулся и запустил мяч над головами центральных филдеров и мяч покатился в дальний угол поля и тренеры «Кейси» кепками махали игрокам оббегающим базы и кепка слетела у Гарри с головы когда он огибал вторую и он еще поднажал увидев как тренер его подгоняет и несясь вдоль линии третьей базы и запрыгнул в дом когда игрок со второй базы быстро подхватил мяч и швырнул его над головой кэтчера который так и стоял когда мяч влетел в забор за домом а товарищи Гарри и фанаты снова навалились на

него толпой и дубасили и колотили и шлепали и вопили и кричали и ликующе орали и Гарри видя гордость в их глазах знал что и в его глазах гордость и улыбался и смеялся и вопил вместе с ними, и серая ограда была холодна когда он прислонился к ней и посмотрел на серый тротуар и серый бетон площадки и небо уже стальное а когда солнце опустилось и потускнело ветер кажется окреп и холод пронизывал Гарри насквозь а он стоял привалившись к серой проволочной ограде площадки и смотрел на поле и дальше и думал не может быть чтобы десять лет назад и все же это правда и что бы он ни думал о времени как бы ни менял точку отсчета все равно прошло десять лет и теперь спустя десятилетие что-то не так и бесполезно об этом думать и сколько еще он сможет с этим бороться чем бы оно ни было, и он смотрел на серость вокруг и она пропитывала его и что бы ни случилось или не случилось он по-прежнему по эту сторону забора и ему никак не перейти на ту сторону снова
никогда! серость сделала это очевидным и неоспоримым, и Гарри наконец развернулся и оставил серую ограду и серую площадку и пошел по серой улице, и его глаза видели в бетоне каждую трещинку и каждый мелкий изъян

вниз по лестнице усыпанной жвачками сигаретными окурками в серую дыру метро – и снова – и одинокая поездка до конечной и наружу к завершению дня и сквозь серый ветер, что продувал насмешливый Кони-Айленд, и он стоял на набережной обратив лицо к ветру и смотрел как сливаются серая вода и серое небо и серая мокрота прибоя и песка и еще одну вечность опирался на перила чувствуя как тело дрожит но

отказываясь сливаться с серым холодом что его сотрясал и стоял сунув руки в карманы – сжав кулаки – и глядел на серость, что смешивалась и менялась пока его снова не окружила тьма.

360 Он продвигался сквозь мрак и насмешливый блеск древних и случайных фонарей, там и сям еще попадавшихся в некогда популярном парке. Будто жил среди руин истории древности, будто переместился в пространстве и времени, глядя на разбитые и залатанные плакатами фасады закрытых киосков, вспоминая, несмотря на обстоятельства, веселье и смех давным-давно прожитых жизней и слыша в голове огни и возбуждение, но совсем от них оторвавшись, словно это незнакомец смеялся и сиял от радости. Он вспоминал пенистую шипучку, и бабушку с дедушкой, и соленые ириски, но то были чужие воспоминания – они принадлежали тому, кто по-прежнему обитал здесь, в этой древней эпохе. Может, цвета уцелевших фонарей были по-старому яркие, но казались серыми и, раскалывая темноту, лишь оттеняли трещины на дорожках.

Он снял комнату в невзрачной гостинице и сел, полностью одетый, на кровать, и оперся на изголовье. Он боролся со сном и лицами, что висели перед ним, а также с фонарем, что принимал теперь форму другого лица и плыл к остальным, но время от времени Гарри клевал носом и разум уволакивало в сон, а затем вскидывался, пробуждаясь, изо всех сил стараясь освободиться от прошлого и будущего.

Казалось, невероятно, что он тут – что случившееся на самом деле случилось, что это не сон, от которого он очнется и обнаружит, что снова все как пола-

гается. Но так оно и было. И хотя он пытался сопротивляться, неизбежная сила затягивала его все глубже в его черноту, и Гарри чувствовал, что битва тщетна.

Он Гарри Уайт, исполнительный вице-президент, и уже немало лет был таковым. Его уважали и любили коллеги. Влиятельный человек. У него жена, сын, дочь. Прекрасная семья, которую он любил, которая очень ему дорога. И они любили его. Он это знал. У него прекрасный дом в Уэстчестере. Он добился успеха. Гарри Уайт добился успеха...

361

и,   О боже,
он просто хотел умереть...
                                пусть отпустит этот
рак, что его пожирал...
                                пусть только чуточку отпустит...
и все...
                        пусть
                        только
                        чуточку
                        отпустит

Назавтра весь день он сидел на набережной, глядя на океан. Холодный ветер взбивал белые барашки и гонял по пляжу песок. Время от времени кто-то проходил мимо, но Гарри целиком замкнулся в своем одиночестве и отчаянии стыда. Он глядел на горизонт и смутно слышал прибой и песок, что скребся о набережную, и все глубже погружался в пасть своего беса.

Когда он не вернулся к полуночи, Линда позвонила в полицию, а затем Уолту. Полицейские были вежливы и учтивы, но вопросы все равно были для Линды мучительны. Да, в последнее время он вел

себя странно, будто задумал что-то. Нет, она не знает, в чем дело. Нет, она не думает, что он встречается с другой женщиной. Да, он посещал психиатра, доктора Мартина, но уже некоторое время к нему не ходил. Нет, я понятия не имею, где он может быть и ушел ли из дома по собственной воле и она дала им фотографию и приехал Уолт и отвечал на их вопросы и сказал что у него крайне важная деловая проблема и внушил им что Гарри надо найти немедленно срочно и в конце концов полиция уехала а Уолт оставался с Линдой пока не убедился что с ней все в порядке, затем тоже уехал и Линда наконец пошла спать и слезами убаюкала себя и провалилась в прерывистый и беспокойный сон.

На следующий день матери Линды и Гарри пришли утешить ее и помочь. Все пытались чем-нибудь себя занять, чтобы не думать о Гарри, но постоянно ловили взгляды друг друга, и страх, и страдание во взглядах.

На спешно организованном совещании Уэнтворт рассказал о событиях – то, что знал, – остальным членам совета. Тотчас решили: Уолт изучит то, что Гарри успел сделать, и, вероятно, сможет продолжить работу. Кроме того, экстренно вызвали фон Ландора. А тем временем следует всеми способами давить на соответствующие инстанции, чтобы Гарри искали как можно тщательнее и обнаружили как можно скорее.

Солнце давно исчезло из виду и памяти, а Гарри так и сидел на набережной, пялясь в пространство. Его будто сковало в этой позе. Ветер окреп, и песок царапал лицо, и в серой дали громыхал прибой. В конце концов Гарри устало поднялся, и повернулся спиной к невидимому горизонту, и по-

брел в гостиницу. Он сел на кровать, опершись на изголовье, и устался на свои туфли...

затем

снял их, и разделся, и забрался под одеяло, и плотно притянул его к щеке, и уснул.

На следующий день он выписался из гостиницы и принялся наматывать бесконечные круги по магазинам и лавкам, большим и маленьким. Он бродил по Манхэттену, по авеню и переулкам, двигаясь как можно медленнее. Нужно купить всего одну вещь, у него куча времени, чтобы найти ровно то, что нужно.

363

Его семья ждала. Надеясь. Продираясь сквозь один напряженный и бесконечный день за другим. Они мчались к телефону, когда тот звонил. Линда пыталась верить, что надежда есть, но внутри все умерло. Линда изрекала слова для других. Но она знала. Знала, и все.

Для Гарри время уже лишилось реального смысла. Время дня и день недели стали просто знаками. Часы проходили, и проходили дни. В субботу утром он нашел ровно то, что хотел. Изысканная золотая инкрустация на длинной изогнутой рукоятке. Он потрясающе красиво лежал на пурпурном бархате в футляре.

Гарри прошел по Пятой авеню к Центральному парку и сел у озера, где плавали утки и отражались небоскребы. Он сидел. Весь день. И смотрел. Смотрел в том же оцепенении, в каком глядел на океан, гулял по улицам и бродил по магазинам и лавкам. Оцепенение отстраняло Гарри от его чувств. Это оцепенение и отстраненность позволяли ему делать то, что он должен сделать... Оцепенение... Омертвление. Омертвление, что поддерживало в нем жизнь. Позволяло двигаться. Но

сладкая и вечная смерть – сколько она продлится? Сколько он будет свободен от черной бездны Гарри Уайта? Он сидел. Слушая вялые завихрения в голове. Чувствуя разницу, когда тучка закрывала солнце. Затем плыла дальше. Тепло. Солнце. Пронизывало до костей. Забавно. Словно годы прошли с тех пор, как он ощущал тепло. Или холод. Он сидел. Смотрел. Утки морщили небо-скребы в озере. Текучие. Гарри содрогнулся. Они никогда не становились целыми. Почти. И снова рябь. И они текут. Он смотрел. Сидел. И смотрел. Солнце на лице. Сверкающее в воде. Бог иже еси на небесех. Ох ты ж блядь! Как и Ра. РА! РА! РА! Куда ни плюнь дерьмо!!!! Солнце плыло по озеру. За деревья. Длинные тени. Холод. Холодно. Одни тени. Осколок солнца... Холоднее... Темнее... Ночь!

Черная ночь...

Черная ночь!

Черная ночь! Черная ночь!

Лед... До костей.

Лед. Льдистый костный мозг. Собачий холод. Темно. Черная ночь. Фонари мерцают в озере. Прямо Рождество. Желтый фонарь у скамейки. Висит над головой. Тень Гарри свернулась под скамейкой. Под ним. За ним. В нем. Фонари в озере мерцают. Собачий холод. Дрожь. Луне плевать на него. Любуется собой и улыбается. Озеро рябит множеством лун. Черная ночь сгущается. Желтый свет на скамейке. Один. Никого. Наедине с ночью. Наедине с озером. Наедине с луной и мерцанием огней. Наедине с ним. Холод разжигает чувства. Холод несет жизнь. Жизнь! ЖИЗНЬ!!!! О Иисусе, нет. НЕТ! НЕЕЕЕЕЕТ!!!!

Его голова упала, свесилась на шее, и он обхватил ее руками...

Почему так должно быть????

Почему?

Почему?

Он прижал к животу пакет
и согнулся и закачался взад-вперед, взад-вперед,
взад-вперед снова и снова и снова

и снова нутро и
пах наполнились чувствами из истории древности
и он дрожал много долгих и мучительных секунд
и секунды складывались в вечность и в глотке тя-
нуло и сливались текучие лица а третье лицо при-
ближалось и оно все отчетливее и он чувствовал
смех детей и нежность и тепло жены и боль в ее
глазах, и его окоченелое и болящее тело грозило
вот-вот лопнуть когда он с трудом заставил себя
встать и оперся на скамейку пытаясь выпрямить-
ся но по-прежнему согнутый и скрюченный в жел-
том свете фонаря у дорожки и внутри стоял визг и
кошмарные метания и он стал полем боя райских
псов и псов адских и адские псы рвали и драли его
плоть и все больше дичали и зверели от запаха и
вкуса крови а райские псы стояли абсолютно без-
молвно и неподвижно и ждали а адские псы смо-
трели на них насмешливо и едко выдирая и вы-
рывая все новые ошметки плоти из нутра Гарри
Уайта ибо знали что они в безопасности, что не
нужно бояться райских псов, которые могли по-
жрать их со скоростью за пределами времени и
вернуть окровавленное и гноящееся поле боя в
нормальное состояние, ибо адские псы знали что
псов райских нужно попросить вступить в битву
и знали что просьба эта не прозвучит и райским
псам придется ждать и наблюдать в абсолютной
тишине и неподвижности пока адские псы разди-
рают и разрывают плоть Гарри Уайта и катаются в
его крови бешеными головами и глаза их пылают

безумием, и они вызывающе и насмешливо подкрадывались к райским псам и харкали кровью и швыряли плоть Гарри Уайта тем в морды и выли пренебрежительно и лаяли а райские псы стояли в абсолютной тишине и неподвижности выжидая и терпя и надеясь услышать слово которое позволит им рассеять опьяненное кровью безумие что терзало и разрушало и насмехалось над ними как и над плотью что раздирало, и райские псы все ждали и ждали слова, слыша муки пожираемого Гарри Уайта и надеялись боли его и страданий хватит чтобы он позвал на помощь но адские псы подходили ближе и снова забрызгивали их изуверченной плотью Гарри Уайта а тот крепко прижимая к себе сверток медленно шел по знакомой дорожке к Пятой авеню и затем свернул и зашагал к собору Святого Патрика. Он шел один. Мимо ехали автомобили. Но он шел один. Попалась случайная личность-другая. Но он шел один. С Гарри никого не было. Кроме внутреннего человека, и битва продолжалась. Но здесь, на бульваре, он был один. Гарри Уайт шел и был один и одинок.

И в своем одиночестве он снова чувствовал, как его сминает толпа на параде в честь дня Святого Патрика. Парад? Сегодня? Когда? Сколько времени прошло с тех пор, как Пятая авеню была зеленым морем с оркестрами и полицейскими и мусорщиками и девушками в форме и дешевыми политиками????

Века? Эоны????

Целая жизнь ?

Он обошел собор, время от времени мучительно задирая голову, чтобы посмотреть на шпили и горгульи. Казалось, массивное строение почти пронзало небеса и выглядело

так, будто ничто его не потревожит, будто целую вечность оно простоит в безопасности и невозмутимости.

Он остановился у лестницы и ждал, затем взобрался по ступенькам и стал ждать в темноте у массивных дверей. Он прислонился к камню, и холод пробирал его до костей, но к холоду Гарри вскоре привык, и сжимал сверток, и сильнее кутался в толстую куртку. Устроившись в холодной темноте, он ждал, глядя на небольшой пяточок у себя под ногами.

367

Время двигалось медленно, но неумолимо. Однако время обесмыслилось. Было время, когда время было крайне важно, когда на задворках разума Гарри жило некое смутное расписание, график достижения успеха, расписание, которое Гарри опередил. Прибыл раньше времени. Было время, когда кроме графика – этого расписания подвигов – для Гарри ничего не существовало, но затем, когда Гарри достигал своих целей, они становились все бессмысленнее, а он все двигался и двигался, но куда? Он прибыл. Куда теперь? Куда?

Да, когда-то время в его жизни было важной и осязаемой субстанцией – а сейчас нет. Сейчас он лишь прислонится к стене и поглядит на пяточок под ногами, и пускай время утекает, и когда-нибудь наступит утро, пасхальное утро, и двери откроются, и Гарри войдет в собор. Все это случится. Когда-нибудь. Время больше не имеет значения. Теперь уже нет.

С превращением ночи в утро холод пронизывал все сильнее, но Гарри не двигался. В этот день Воскресения солнце приближалось к горизонту, а

у дверей собора Святого Патрика к Гарри присоединились еще несколько людей. Пару раз попытались втянуть его в разговор, но Гарри либо не обращал внимания, либо отгонял их пожатием плеч и стоял отдельно от остальных, что вместе с ним ждали в холодной темноте пасхального утра.

Рассвет близился, и очередь все удлинялась, и вскоре в небе появились намеки на свет, а потом на земле – острые тени, и солнце поползло по чистому бесстрастному небу. Разговоры оживлялись и наполнялись радостью, когда людей настигало тепло солнца. Прихожане то и дело поглядывали на часы, и шум ранних автомобилей приводил за собою новый день. Гарри смутно заметил съемочные группы, что устанавливали оборудование, и услышал, как кто-то упомянул, что службу станут транслировать на весь мир, что 200 000 000 человек будут смотреть, как кардинал Летерман служит мессу. Затем скрип огромных резных дверей официально провозгласил наступление нового дня. Пришло пасхальное воскресенье.

Гарри прижал к себе сверток и вошел. Он медленно и безошибочно направлялся к тому месту, которое про себя выбрал. Приблизился к первому ряду скамеек, затем свернул влево и сел. И стал ждать.

Пятачок под ногами изменился в текстуре и цвете, но Гарри было все равно: он глядел туда и сжимал под курткой сверток. Он оставался равнодушен к безмолвным людям, что входили в церковь, и вставали на колени, и молились, перебирая четки. Орган играл очень тихо, сливаясь с шорохами в соборе.

Солнце поднималось, и пяточок под ногами светлел, и витражи пылали жизнью, и тепло жизни в любви наполняло громадный собор и прогревало тяжелые камни.

ГОСПОДЬ ВОИСТИНУ ВОСКРЕС, АЛЛИЛУЙЯ.
ДА ПРЕБУДЕТ СЛАВА И ЦАРСТВНИЕ ЕГО НА ВЕКИ
ВЕКОВ

Солнечный свет проникал в углы, и альковы, и ниши, и мягко, нежно рассеивал тьму Страстей Христовых в стояниях Его на Крестном пути

369

Господь с вами.
И со духом твоим. *Мир*
да будет с вами. И со духом
твоим.

и страстной мольбы Сына Человеческого о прощении людских грехов, и нежные ясные души в витражах с любовью взирали на Стояния, и на Страсти Христовы, и на всех, кто праздновал Воскресение, и звали их восхвалять Господа всей душой,

Сердце чистое сотвори во мне, Боже,
и дух правый обнови внутри меня¹.
Аминь.

и Гарри все глядел на тот же самый пяточок, не видя и не слыша безграничной красоты и радости мира и любви, что его окружали, но так углубился

---

¹ Пс. 50:12.

в себя, что чувствовал лишь боль и бесконечное отчаяние по углам и в темных нишах, и огромную клоаку, которой себя ощущал и которой не мог избежать,

*...Он ходил, благотворя и исцеляя
всех, обладаемых диаволом,
потому что Бог был с Ним...*¹

370 и чувствовал лишь всепроникающую тошноту что словно пронизывала тело и растекалась по рукам и ногам и пальцам и костям и тошнота была почти зрима внутри и ее безобразие и нелепость питали ее и тошнота становилась все невыносимее и Гарри только и мог пребывать в себе и все больше сливаться со своим недугом

*... О Нем все пророки свидетельствуют,
что всякий верующий в Него
получит прощение грехов
именем Его². – Это слово
Господа³ Благодарение Богу.*

и еще крепче обнять сверток и собственное нутро и еще чуть-чуть склониться под гнетом собственной безнадежности все больше ужасаясь тому что должно случиться и не в силах найти способ выкрикнуть Нет и отступить но в состоянии лишь следовать за мучительным предчувствием внутри что будто высасывало саму жидкость из позвоночника и мозг из костей, и ноги так ослабели что Гарри едва мог сидеть,

---

1 Деян. 10:38.

2 Деян. 10:43.

3 Зах. 4:6.

*...Вовек милость Его*¹.

Сей день сотворил Господь:

возрадуемся и возвеселимся в онный².

и оно неотступно затягивало его все глубже в то что пугало и ужасало его, и голос кардинала плыл сквозь яркий косой свет пасхального солнца и прихожане стояли на коленях и кланялись а Гарри не двигался и орган ощущался и хор пел и месса продолжалась и поток слез плескался в Гарри и бился в глаза точно море в утесы

371

ПАСХА НАША, ХРИСТОС, ЗАКЛАН ЗА НАС.
ПОСЕМУ СТАНЕМ ПРАЗДНОВАТЬ
С ОПРЕСНОКАМИ ЧИСТОТЫ И ИСТИНЫ,
АЛЛИЛУЙЯ³.

и Гарри вместе с остальными подошел к перилам и пристроился в хвосте и стал на колени и ждал почти ослепнув от всего, что неумолимо вздымалось в нем, и время теперь оживало, и Гарри замечал, как движется кардинал, приближается, благословляя, молясь, кладя облатки на языки коленопреклоненных, и Гарри слышал орган и раздраженные чувства его обострились и ладан жег ноздри и Гарри обонял бархат на котором преклонил колена и кардинал подходил все ближе, аккуратно кладя облатки на языки и благословляя тихо почти невнятно и Гарри задрожал взор его затуманивался а кардинал подходил все ближе и когда он был всего в нескольких футах Гарри почти совсем

---

1 Пс. 135.

2 Пс. 117:24.

3 1 Кор. 5:7–8.

ослеп и видел лишь совершенно расплывшиеся пятна и затем почувствовал как его задел стихарь когда кардинал дал Евхаристию соседу Гарри и затем Гарри почувствовал кардинала перед с собой и едва причастие коснулось его языка почти незаметно выбросил руку и орган прокричал в его голове и все его существо закричало от болезни души и голова неожиданно откинулась и глаза раскрылись а любимый кардинал стоял прямо с распростертыми руками – тень образует гигантский крест, глаза уставились поверх Гарри, рот открыт в безмолвном крике – и аккорды органа громыхали по собору и хор пел аллилуйя и солнце почти ослепляя сверкало на длинной инкрустированной золотом рукояти ножа торчащего между ребрами кардинала, ножа, что пронзил тело почти до позвоночника, и кровь кардинала хлынула заливая упавшие просвиры и из тела торчало мерцающее золото и Гарри поднялся и оперся на перила и посмотрел Божьему человеку в лицо и в рот – свет от золоченой рукояти резал глаза, – и закричал: ГОВОРИ! ВО ИМЯ ХРИСТОВОЙ ЛЮБВИ, БЛЯДЬ, ГОВОРИ! СКАЖИ! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯЯЯЯЯЯЯЯ, – его голос эхом прокатился по всему собору из массивного камня и света и задел аккорды огромного органа и хор и слился с музыкой где каждая нота терялась в другой, – СКАЖИ, СКАЖЖЖЖИИИИИИИИ, – и его голос укатился вдаль а Гарри пялился в безголосый крик, и выпученные глаза кардинала стали еще больше и кровь текла из безмолвного рта и кардинал Летерман медленно упал назад на крестообразную тень как распятый Христос и люди поблизости вскочили и закричали и Гарри еще ниже склонился над перилами и смотрел на кровь что тихонько

пузырилась на еще раскрытых губах а глаза кардинала смотрели прямо вверх и ноги у Гарри уже подкашивались от страшной и пугающей слабости и пустоты что подобна неутолимому голоду, и тошнота билась в голове когда его крики взлетели над криками других и аккордами органа: СКАЖИ, ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ НА ХЕР БЛЯДЬ ПОБРАЛ, СКАЖИ, СКАЖИ... ПРОШУ ТЕБЯ... – и голос Гарри дрогнул и последние слова запнулись на губах и он рухнул на перила и снова очутился на коленях пялясь на золоченую рукоятку, почти невидимую в сиянии солнца, и перекатился и заковылял к стене а люди вскакивали и кричали и сбивали друг друга с ног пытаясь увидеть, пытаясь помочь, и внезапно в громком стоне раздался голос хора который обнаружил что произошло и органист рухнул на клавиатуру и извлек из массивных труб оглушительно нестройный аккорд и люди вскакивали со скамей и лезли через перила и кричали в неверии и ужасе и на помощь и глаза возрожденного Божьего человека все смотрели вверх а горящие солнцем витражи смотрели вниз и Гарри расталкивал людей пробираясь к стене пока не угодил в альков и повернулся и взглянул вверх в глаза распятого ХристаAAAAAAAAAAAAAAAAAXXXXXXXXXXX и был сбит с ног и упал на колени и пополз прочь и еле поднялся на ноги и протиснулся в толпе через дверь к внезапному свету безоблачного и ясного пасхального воскресенья и влетал в каменные стены собора и в людей пока не рухнул ничком на капот машины, и он выпрямился и прислонился к машине и внутри буйствовала кошмарная тошнота от которой он так и стоял согнувшись в три погибели ощущая ужасающую липкую мокрую слабость в паху что обливала тело жидким

свинцом и он оттолкнулся от машины и заковылял вперед все быстрее и быстрее через толпу и колокола собора Святого Патрика звонили и звонили и звонили и били и звонили по улицам и в его голове и он пытался не обращать внимания на омерзительную липкую сперму но не мог потому что брюки липли к телу и холод пробирал его и он шел по улицам к небольшому парку и там рухнул на скамейку и отчаянно цеплялся за нее а все внутри и вокруг вертелось и боль в голове и в теле была одно целое, и постепенно грохот сердца утихомирился и дыхание замедлилось и он разглядел окружающее и время снова стало временем снова осязаемым и мучительным и он сообразил на что пялится, рассмотрел маленькую девочку что подтягивала трусики и женщину вроде бы ее бабушку которая наклонилась чтобы одернуть девочке платье и поправить новое пасхальное пальтишко, и Гарри пялился на оголенную плоть пока глаза не стало жечь будто горячим железом и он вдруг согнулся пополам схватившись за живот и поднялся и побрел шатаясь к дереву и оперся на него и блевал и блевал и давился медленно сползая на колени и голова болталась вяло на шее и ему казалось что тело сейчас скукожится и обвалится если он не прекратит однако он продолжал блевать и давиться и отплеиваться разве что горькой желчью и хотел закричать но не мог закричать даже молча мог лишь всхлипывать в жалкой немоте стоя на коленях и опираясь на дерево свесив голову почти в собственную блевотину и прошла бесконечность и рвота прекратилась и казалось в мире настала гробовая тишина только рыдания которые он слышал и кошмарная потерянность...

трели на него и хмурились неодобрительно или улыбались и он смеялся взбираясь на леер – люди наблюдали молча потом закричали – и распростер руки точно птица и наклонился вперед и медленно, медленно, медленно двигался вперед и вниз и расколол свое крестообразное отражение и тень внезапно врезавшись в холодную воду и шок парализовал его на мгновение и затем он невольно начал двигаться пытаясь пробиться к поверхности но тяжесть мокрой одежды и сила течения и отката увлакивала его все глубже в холодную тьму и на кратчайшее из мгновений он папааааерестал бороться и повис недвижно и правда его жизни явилась пред ним и он уставился на эту правду на короткое и вечное мгновение затем распахнул рот в крике но не вышло никакого звука и рот остался открыт а последнее дыхание его жизни пузырьками выплыло из холодной тьмы на согретую солнцем поверхность воды и незаметно и бесшумно унеслось в море.

ИДА

10 декабря 1936 года Эдуард VIII подписал отречение от престола ради того, чтобы жениться на Уоллис Симпсон. Известие об этом стало мировой сенсацией. История британского короля и его возлюбленной привлекла внимание Гертруды Стайн. Она решила написать роман «Ида», героиней которого стала бы Уоллис Симпсон. Но постепенно замысел книги менялся. Ида все меньше походила на герцогиню Виндзорскую. Она путешествовала по Америке, перебираясь из одного штата в другой, заводила собак, встречала разнообразных мужчин, порой выходила замуж и наконец обрела Эндрю, своего короля.

Эрве Гибер

379

Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Очень странные ощущения, когда открываешь посреди ночи глаза и видишь стоящего рядом лакея – в домашнем халате или пижаме, которую я носил, когда был молод, или же голого, с накинутой на плечи меховой шубой, которую я заказал себе, когда ездил в Москву, – лакей смотрит во мраке, не говоря ни слова, сверля меня взглядом поблескивающих желтых глаз.

Эрве Гибер

ЦИТОМЕГАЛОВИРУС

„Цитомегаловирус“ был опубликован в январе 1992 года, всего через несколько недель после смерти Эрве Гибера в больнице, куда его доставили из-за попытки самоубийства. „Слова побеждают все!“, – говорил писатель. Его дневник это подтверждает.

Герард Реве

БОГ ОЧЕНЬ ОДИНОК

Запах одежды Мальчика; магия игры света на его волосах; шелест моря; непроходимый лес, в котором живет Беспощадный Мальчик – один, с ним только его брат, чуть старше него; этот набожный лесоруб не подозревает о безмерной моей страсти. Нет нигде утешения. Ветер в верхушках деревьев поет: «Прошло... Прошло... навсегда...» И я больше никогда не смогу выйти из Леса, поскольку хлебные крошки, которые я рассыпал за собой, все до единой расклеваны птичками.

Эрве Гибер

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы?

Эрве Гибер

381

МОИ РОДИТЕЛИ

Почему двоюродная бабка Луиза перевернула вверх дном квартиру своей сестры Сюзанны? Какие документы она пыталась отыскать, и что было в сожженных письмах? Правда ли, что в них говорилось о постыдном проступке матери Эрве Гибера? Зачем его отец срочно покинул Ниццу, бросив свой ветеринарный кабинет, парусник, зеленый форд, двух лошадей и невесту? К какому шантажу прибегают родители маленького Эрве, дабы заполучить семейные реликвии? И где спрятано золото, которое то закапывают, то выкапывают, не в силах расстаться с ним? – Для родителей нет ничего страшнее неудержимой тяги сына к поискам истины.

Эрве Гибер

ПОРОК

Гибер показывает нам странные предметы – вибрирующее кресло, вакуумную машину, щипцы для завивки ресниц, эфирную маску, ортопедический воротник – и ведет в волнующий мир: мы попадаем в турецкие бани, зоологические галереи, зверинец, кабинет таксидермиста, открывая для себя видения и страхи писателя и фотографа. Книга, задуманная и написанная в конце 70-х годов, была опубликована незадолго до смерти писателя.

Эрве Гибер

ПРИЧУДЫ АРТУРА

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преобразования и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

Эрве Гибер

383

ГАНГСТЕРЫ

Эрве Гибер написал «Гангстеров», когда уже был болен неизлечимой болезнью. Он ни разу не упоминает ее, но повествование наполнено страхом смерти. Критик газеты Le Monde назвал эту книгу «трактатом о боли».

Эрве Гибер

СМЕРТЬ НАПОКАЗ

Язык и член – полны жизни – оголены, у них нет кожи. Язык – говорит, мокнет в слюне, ест, сосет, входит внутрь и выходит. Член – его едят, он сам ест и льет свое семя. Излияния слов, слюны, спермы. Гомосексуальное тело – анально-фаллическое письмо. Именно тело, конечно же, говорит, пишет, исследуя себя и вписывая себя в текст. Устраивает представления, впадает в истерику, занимается садомазохизмом. Говорит о желании и оргазмах. Раскрывается, рвется, буравится. Описывает свои органы и заставляет играть их, словно музыкальные инструменты. Состоять в садомазохистских отношениях с письмом, – посредством его – вскрывать, препарировать собственно тело и препарировать самое письмо.

Марсель Жуандо

МОЙ БЕСТИАРИЙ

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета. Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

Эркюлин Барбен

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Катрин Колом

385

ДУХИ ЗЕМЛИ

Древние волны потихоньку разрушают стены замков, деревья плетут заговор, лесные существа, боящиеся света, обступают деревню плотным кольцом, ядовитые пауки бегут с берегов озера на террасы, черви заползают в желудки, и дети-призраки, играющие на зеленых трубах, вот-вот найдут звук, точный, вражеский, от которого дома и церкви рассыпятся до основания.

АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиографию каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в Санкт-Петербурге:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua